

ОТГОЛОСОК
ЧЕРНЫЙ ЛОТОС

Э.К. БЛЭР

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ «USA TODAY»

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Название: «Отголосок»

Автор: Э. К. Блэр

Серия: «Черный лотос». Книга вторая.

Количество глав: пролог + 38 глав.

Переводчик: Лилия Соловьева (с 36 по 38 главу), Олеся (с 20 главы), betty_page, Matreshka, Mistress.

Редактор: Ирина Ч, betty_page, Matreshka, Mistress.

Вычитка: Lisi4ka

Оформление: Lisi4ka

Обложка: Mistress

Перевод группы: <https://vk.com/stagedive>

18+

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

*Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!*

Говорят, что самый долгий отголосок длился 75 секунд, но могу заверить вас, этот длился куда дольше. Выстрел оглушил весь мир вокруг меня, заставил замолчать всех, позволив этому разрушающему отголоску просуществовать далеко за пределами предполагаемой жизни.

Он будет преследовать меня вечно, разрушать меня – разрушать и вас.

Вы хотите получить ответы?

Я тоже.

ОТГОЛОСОК

Э. К. Блэр

"Черный Лотос". Книга вторая.

Я даже не успел разобраться, что происходит, когда узнал о Нине. Элизабет. Моя жена. Господи, какого хрена происходит? Единственные мысли, что крутились в моей голове с того момента, как час назад я узнал правду — страх и замешательство, плюс понимание, что мне нужно охренительно быстро идти в офис к своему адвокату. У меня даже не было возможности просмотреть досье, потому что мне нужно было убедиться, что единственный дорогой человек, помимо Нины, будет в безопасности, несмотря на то, что может со мной произойти. Разум начинает стремительно кружиться, и мысли хаотично роятся в голове, когда я возвращаюсь в Легаси.

Заезжая на подземную парковку, я ставлю машину на своё парковочное место, быстро хватаю досье и выскакиваю наружу. В груди словно отбивают ритм тысячи молоточков, когда я спешно прохожу в двери, проводя судорожно ладонью по волосам.

— Мистер Вандервол!

Я замираю на месте, когда слышу, как Мануэль выкрикивает моё имя через весь вестибюль.

— Мистер Вандервол, — повторяет он, когда поднимается на ноги за своим столом. — У меня для вас кое—что есть.

Холод мощным потоком распространяется по моим венам, когда он берет конверт из оберточной бумаги и начинает двигаться в мою сторону.

— Кто это доставил?

— Она представилась как миссис Брукс и сказала, что это очень важно. Она очень настаивала, чтобы вы открыли сразу же, как получите, — говорит он, протягивая руку, и я беру конверт.

— Спасибо. — Благодарю его кивком и направляюсь в сторону лифта. Быстрым взглядом я оглядываю конверт и узнаю почерк Жаклин, и мне становится очень любопытно, почему она просто не набрала меня. Когда двери неторопливо разъезжаются, я вхожу в пентхаус, который все это время делил с моей женой, ощущение беспокойства перерастает в обуревающее меня желание узнать, что тут происходит.

Отбрасывая пальто в сторону, я сразу же направляюсь в мой кабинет и прикрываю за собой дверь. Я быстро усаживаюсь и открываю досье, где нахожу несколько фото Нины, где она выходит из жилого комплекса, похоже на то, что там живёт Маккиннон. Только одна мысль о том, чем она занималась с ним все то время, пока я ездил по делам бизнеса в Дубае, заставляет испытывать тошноту.

Мои подозрения зародились ещё после бал—маскарада. Что—то было с ней не так. Я мог чувствовать это. Ее эмоции были как на ладони — глаза не могли врать, но она чертовски хорошо притворялась, и я никогда не задавался вопросом ее верности. Когда я был в деловой поездке, и мы расставались на долгое время, я чувствовал себя очень одиноким и предполагал, что она чувствовала то же самое. Именно по этой причине я договорился с менеджером ресторана Ситэ, который ей очень нравился, чтобы ей доставили ее любимое блюдо, но, когда он чуть позже связался со мной, он объяснил, что доставка не была выполнена, потому что ее не было дома. Тогда я позвонил Ричарду и в процессе разговора выяснил, что Жаклин упоминала между делом, что Нины не было дома, как это было ранее. Вот тут и зазвонили тревожные звоночки, поэтому, я признаюсь, я организовал за ней слежку. Я знаю, что это

ужасно неправильно, но я не мог вынести мысли о том, что потеряю ее. Мне нужно было все знать, и теперь я знаю, это был Деклан, и сейчас я хочу убить гребаного сукиного сына.

Еще фотографии Нины, теперь с *ним*. Он держит ее за руку. Она улыбается ему. Он гладит ее по волосам. Его руки вокруг ее талии. Объятия. Поцелуй. Рука на ее попе. Ее рука на его лице. Ее тело прижато к его, пока они стоят посреди оживленной улицы.

Блядь!

Это моя гребаная жена! Женщина, которую я люблю больше жизни. Что, черт подери, она делает? И когда я перехожу к следующей информации в досье, я вспоминаю, что она не Нина, когда вижу фотографию. Она молодая, правда, очень молодая. Отсканированная страница из школьного альбома, с ее фото и именем под ним.

Элизабет Арчер.

Примечание гласит:

Девятый класс.

Средняя школа Брекен, Позен, штат Иллинойс.

Господи. Как она попала в Позен?

Мой взгляд всматривается в черно—белую фотографию. Она не улыбается, но она прекрасна. Я вижу женщину, на которой женат, и когда я закрываю глаза, я вижу *ее* — Элизабет.

И теперь я чувствую это.

Вину.

Я кладу досье и откидываюсь на спинку кресла, пока пытаюсь разобраться в реальности, но мои эмоции настолько противоречивы. Я не могу ясно мыслить. Моя жена не та, за кого себя выдавала с того дня, как я встретил ее. Но почему? Что она хочет? Я должен ненавидеть ее, быть в гневе, ярости. Вместо этого, я хочу поехать обратно в больницу, чтобы прикоснуться к ней, увидеть ее, обнять и спросить: "почему", сказать, что как бы то ни было, я исправлю все ради нее, потому что люблю ее.

Боже, я люблю ее.

Что, черт возьми, не так со мной? Я должен быть в ярости, верно?

На секунду я закрываю глаза, когда чувствую пульсирующую головную боль. Ослабив галстук, я открываю глаза, и они опускаются на конверт. С любопытством я открываю его и обнаруживаю флэшку вместе с запиской, в которой говорится:

Беннетт,

Я не хочу говорить слишком много, но после того, как подслушала очень странный разговор Ричарда прошлой ночью, я забеспокоилась. Я хотела позвонить тебе, так как знала, что это связано с компанией, но после того как нашла эту флэшку, я испугалась. Я точно не понимаю, что происходит, но я боюсь, что это может быть на самом деле плохо. Пожалуйста, посмотри ее как можно скорее.

Жаклин.

Открыв крышку своего ноутбука, я подключаю флэшку и нажимаю на единственный всплывший файл. Появляются финансовые таблицы компании, но цифры далеки от нормального спектра. Я прокручиваю информацию и когда достигаю конца, я вижу учетную запись, и во мне зажигается паника.

— О, боже мой.

Мои глаза расширяются, когда я наклоняюсь ближе к экрану, потому что не могу поверить в то, что вижу. Мой желудок сжимается, когда я замечаю слабый шум по другую

сторону двери. Прежде чем у меня есть хоть секунда подумать, дверь распахивается, врезаясь в стену.

Лицо мужчины размыто за пистолетом из нержавеющей стали, который направлен на меня. Холодок проходит по моему телу, в результате чего мои легкие разрушаются, когда я пытаюсь говорить, но он говорит первым.

— Ты, черт побери, больше не тронешь ее, — рычит он, когда несется ко мне, держа руку прямо перед собой, отмечая свою цель.

Я быстро встаю на слабых ногах, держа руки в знак капитуляции и умоляя сквозь обрушившуюся панику:

— Деклан, не делай эт...

(выстрел)

(выстрел)

Темно—красная жидкость просачивается сквозь белый хлопок, распространяя неминуемую смерть через волокна футболки, пока он лежит с широко раскрытыми глазами. Я замираю, наблюдая за тем, как медленно он отклоняется назад всем телом от силы выстрела. Внезапно вес пистолета становится слишком тяжелым для моих изящных пальцев, и он выскальзывает из моей руки, падая со стуком, в тот же момент, что и тело Пика обрушивается на пол.

Я нахожусь в состоянии оцепенения, когда смотрю на своего брата. Его тело содрогается от боли, в его глазах застывает немигающий взгляд, и булькающий звук в горле перерастает в яростное захлебывание собственной кровью.

Я не предпринимаю никаких действий, чтобы помочь ему; вместо этого меня словно охватывает ощущение, будто смотрю фильм ужасов, где я становлюсь пассивным наблюдателем.

Это не на самом деле. Это лишь дурной сон, кошмар; это не может быть правдой.

Страх в его глазах вселяет ужас, когда из его взгляда по капле утекает жизнь, расширяются, и он вперивается в никуда.

Его тело не двигается, оно приковано к земле, и затем оглушающая тишина накрывает меня с головой. Именно в этот момент я начинаю чувствовать, как тёплая кровь циркулирует по моим венам, и выхожу из состояния оцепенения, начиная двигаться. Медленно приближаясь к Пикку, я опускаюсь перед ним на колени, дрожа всем телом, но я слишком напугана, чтобы прикоснуться к нему.

Это все происходит на самом деле?

Просто наблюдая со стороны, я замечаю, что его губы приобретают синюшный оттенок. Я сижу, не двигаясь. Мир вокруг меня замирает. Мой разум словно отделяется и уносится в далекое место, где не существует ничего. Место непорочное, пустое и свободное от эмоций. Приступ рвоты сотрясает его тело и изо рта вырывается свернувшаяся кровь, в то время как его живот в последний раз тревожно вздрагивает, и затем все внезапно прекращается. Мое сердце пропускает удары, когда я смотрю, как тело Пика обмякает на полу. И больше в нем нет жизни, в этот момент я словно вырываюсь из забвения, когда жестокая действительность обрушивается на меня.

Святое дерьмо!

Хватая его за руку, я в панике начинаю трясти его.

— Пик? — начиная сильнее трясти его за руку, я в ужасе бормочу: — Пик, очнись! Давай же, Пик! — я нависаю над безжизненным телом, хватая его за плечи и начиная неистово трясти, срывающимся от крика голосом умоляю его очнуться. — Очнись! Очнись же! Это уже не смешно! — слезы обжигают мои глаза, и я захлебываюсь собственными словами. — Очнись, Пик! Мне так жаль. О, Боже, как мне жаль! Пожалуйста, очнись!

Его глаза все так же широко раскрыты, но там нет жизни. Они застывшие, зрачки замерли в одном положении и абсолютно безжизненные.

Что я наделала?

Неистовая боль обжигает мои легкие, когда я запрокидываю лицо к небесам, и из горла вырывается беззвучный душераздирающий крик. Мои страдания настолько сильны, что я сотрясаюсь в мучительных удушающих рыданиях. Мое сердце разбивается, раскалывается на части, познавая новое понятие слова "страдание", эмоция, которая никогда не существовала во мне до этого самого момента, но эти страдания уже слишком для меня. Я не смогу их вынести, но я чувствую, как они зарождаются во мне.

Опуская взгляд на Пика, я больше не вижу человека, которого я ненавидела до этого. Вместо этого, я вижу мальчика, который так отчаянно любил меня на протяжении всей своей жизни, я склоняюсь над ним, сжимая его руки таким образом, чтобы я могла уткнуться лицом в его шею. Его тело все еще теплое, и я делаю то, что мне больше всего нравилось на протяжении всей жизни, я эгоистично нахожу утешение в нем. Я мерзкий человек, даже после его смерти я использую его в попытке найти свое утешение. Я крепко сжимаю его в объятиях и плачу, пытаюсь насытить им свою душу. Его футболка влажная от смеси крови и пота, и сейчас я могу чувствовать, ставший таким родным, запах гвоздичных сигарет, когда прикрываю глаза.

— *С тобой все будет хорошо.*

Его тихий шепот настигает меня, и я опускаю на него свой взгляд. Он живой, он моргает, и я вижу, как двигаются его губы, когда он начинает говорить.

— *Не плачь, Элизабет. Я все еще здесь, с тобой.*

— О, боже мой, Пик! — бормочу я, не веря своим глазам.

— *Все будет хорошо, — заверяет он меня.*

Я снова сотрясаюсь в рыданиях, спрашивая:

— С чего ты это взял?

— *Потому что я люблю тебя, и я верю в тебя. Ты боец. Воин.*

— Мне так жаль. Я не хотела стрелять в тебя. Господи, я совершенно утратила чувство реальности, но я не могу потерять тебя.

Легкий намек на улыбку растягивается на его губах.

— *Ты никогда меня не потеряешь, запомни это. Ты моя сестра. Я никогда не любил никого так, как тебя. Все, что я хотел, так это, чтобы ты была счастлива. Ты выживешь.*

— Что же мне делать?

— *Бежать.*

— Что? — спрашиваю я его, не веря, и слегка качаю головой, и когда мои глаза снова встречаются с его, холодные стеклянные глаза смотрят на меня. — Пик? — я крепко сжимаю глаза, затем снова открываю, но ничего не меняется. Он мертв, и я теряю его.

Его слова впитываются в мое сознание. Он абсолютно прав. Я боец; он научил меня бороться. С этими мыслями я распрямляю спину и делаю пару медленных, размеренных вдохов. Затем я склоняюсь и приникаю к его губам в поцелуе, втором смертельном поцелуе за сегодня. Когда отстраняюсь, я пробегаюсь кончиками пальцев по его бровям и спускаюсь ласковыми движениями ниже по лицу, прикрывая его веки, чтобы он покоился с миром. Закрывая в стальную клетку сердца Деклана и Пика, я тяжело сглатываю, когда отодвигаюсь, чтобы подняться на ноги. Сегодня я потеряла две половинки моего жестокого сердца, но сейчас у меня нет другого выбора, только спасти себя.

Я быстро двигаюсь по его трейлеру, скидывая с себя окровавленную одежду и надевая пару его спортивных штанов и старую футболку. Мне нужно ощущать его запах, потому что я боюсь остаться одна. Собирая все, что принадлежит мне, я проверяю, что забрала досье, которое Пик забрал у Деклана, перед тем, как стереть свои отпечатки пальцев с поверхности предметов. Напоследок я смотрю на Пика, который лежит в луже собственной крови, и молчаливо прощаюсь с ним, благодаря его за то, что он спас меня, отдавая мне каждую

частичку себя. Мое тело упорно противостоит нарастающей боли внутри меня, я отгоняю мысли, заполненные тьмой, что я та, кто должен сейчас лежать здесь мертвой. По крайней мере, я была бы сейчас с Декланом.

Деклан.

Черт, я недостаточно сильна, чтобы сделать это.

Моя грудь тяжело вздымается, и "клетка" слабеет, когда я закрываю дверь в мое прошлое и выхожу в неизвестное будущее, с пистолетом Беннетта в своей сумке.

Когда я выезжаю из трейлерного парка на главную дорогу, по моим щекам безостановочно катятся слезы.

Я потеряна.

Одинока.

Все, что я могу сделать, — это вернуться к фальшивой жизни, потому что, какой у меня есть выбор? Трое мужчин — мужчин, которые связаны со мной — были убиты. Беннетт, Деклан и Пик. Я пытаюсь сосредоточиться на создании плана, когда мои внутренности сводит от страха, поскольку мимо моей машины проезжает машина Мэта, направляясь туда, откуда я как раз еду.

Дерьмо!

Я могу повернуть, перехватить его, объяснить, что произошло, но потом я слышу голос Пика.

— Не останавливайся, езжай вперед.

Поэтому я продолжаю ехать.

Тени города пролетают мимо меня, когда я подъезжаю к дому и паркуюсь в гараже.

Вытерев оружие и поместив его обратно в машину Беннетта — минус один патрон — я захожу в тихое здание и поднимаюсь в свой пентхаус, никем не замеченная.

Я тихо переступаю порог, и когда дверь закрывается за мной, я падаю на пол. И в этот раз, когда я вою, мой голос вырывается сквозь яростные рыдания, которые жгут мою душу. Жуткие крики вырываются сквозь мои голосовые связки, разрывают безнадежный воздух, отдаются эхом от стен и испаряются в тишине. Слезы смешиваются с высохшей кровью Пика и Деклана, капают с моего подбородка и безжизненно падают на плитку подо мной. Когда я вижу следы красного цвета, я даю волю голосу и задыхаюсь собственным дыханием. Я потеряна в моей боли, смешанной со всем, что осталось от моей любви.

Из—за кого я больше страдаю?

И как животное, которым я и являюсь, встав на четвереньки, я наклоняюсь и слизываю кровь с холодного пола.

Мой соленый привкус.

Их металлический.

Лекарство для моего сердца.

Снимая одежду Пика, пока направляюсь в ванную, я плююсь на кровь, которая высохла на моем теле, и, потеряв последний контроль, начинаю слизывать и ее тоже.

Пальцы, ладони, руки, колени.

Я вбираю всё: любовь Пика и Деклана, позволяя им найти последнее пристанище в моем теле, глубоко внутри. Всё как в тумане. Моя цель — поглотить каждую последнюю частичку жизни.

И я плачу.

Мои глаза жжет.

Легкие горят.

Надежда полностью разрушена.

Я — пепел, поэтому задержите дыхание, прежде чем поток воздуха заберет меня и унесет в неизвестность.

— Нина.

Мои мышцы болят от напряжения, когда я просыпаюсь. Когда я поворачиваюсь и открываю слипшиеся от слез глаза, я замечаю Клару, домохозяйку и повара, которая бродит по комнате.

— Почти полдень. Ты спала все утро, — тихо говорит она, прежде чем открывает шторы.

Свет ослепляет меня, и я отворачиваюсь, подальше от солнечных лучей, которые прокрались в комнату.

Клара подходит к кровати и садится рядом со мной, проводя пальцами сквозь мои спутавшиеся волосы, и ее прикосновение пробуждает рану в моем сердце, которую только сон смог слегка усмирить. Слезы начинают падать на подушку, и я закрываю глаза.

— Ты должна поесть, дорогая. Возможно, это поможет тебе почувствовать себя лучше.

Я качаю головой. Еда не исцелит меня. Я не уверена, что вообще что-нибудь исцелит. Я потеряла все. Моего ребенка, Деклана, Пика... все, что имело значение для меня. А для чего? Все мертвы и ничего не получилось. Ничего, кроме страданий. То, что сковывало мое сердце, делало каждый вдох невыносимым, и я отчаянно хотела уйти в небытие. Больше чем это, я хотела, чтобы Деклан держал меня. Был моей опорой, обернув свои теплые руки вокруг меня, прижав к своей груди, и наполняя мои легкие своим запахом — его жизнью.

Единственный мужчина, который показал мне, что такое любовь... настоящая любовь... ушел. Умер от рук моего брата... другой моей любви, моего защитника.

— Может, душ? — предлагает Клара, но я не отвечаю. Я просто закрываю глаза.

Проходит мгновение, и я слышу ее всхлип. Когда я открываю глаза, я вижу, как она смахивает слезы со своих щек. Я немного передвигаюсь, от чего синяки на моем теле ноют, напоминая мне о жестоком избиении Пика несколько дней назад, избиении, которое убило моего ребенка и привело к гибели моего мужа, моего любимого, моего брата, моей собственной души. Клара смотрит на меня, когда я сажусь и морщусь.

— Извини. Я не хотела плакать.

Я ничего не говорю, когда наблюдаю, как она пытается успокоить скорбь, которую чувствует. Я тоже ее чувствую, но по совершенно другим причинам. Поэтому натягиваю свою маску и продолжаю играть свою роль, сказав:

— Я чувствую себя такой одинокой без него. Я продолжаю думать, что он просто уехал в очередную командировку, и через минуту войдет через дверь.

Она кивает, пока ее слезы продолжают падать, и затем смотрит на меня.

— Я беспокоюсь о тебе.

Я тоже.

— Я буду в порядке.

— Беннетт не хотел бы, чтобы ты так страдала.

То, чего она не знала, то, чего никто не знал, что я страдала не по Беннетту. Я не вдова, оплакивающая своего мужа. Нет. Я оплакиваю мужчину, с которым изменяла своему мужу, и моего брата, о котором никто не знал. Моя тайная жизнь. Мое подпольное существование.

— Как я могу не страдать, Клара? Он был моим мужем, — я задыхалась. — Как я должна жить без него, когда он был моей единственной причиной просыпаться по утрам?

— Потому что мир не ждет нас. Он продолжает двигаться и ждет, что мы будем двигаться вместе с ним.

— Я не знаю, как двигаться дальше прямо сейчас.

— Ну, — начинает Клара, положив руку на мое колено. — Ты можешь начать с того, что примешь душ и попытаешься что—нибудь съесть. — Ее глаза были полны печали и наполнены беспокойством. Когда я кивнула, небольшая улыбка растянулась на ее губах, и она легонько сжала мое колено, прежде чем встала, чтобы выйти из комнаты. Повернувшись, она добавила: — Ох, пока ты спала, звонил ваш адвокат. Он бы хотел запланировать время, чтобы встретиться с тобой и огласить волю Беннетта.

Настал момент, из—за которого я трудилась все эти годы. Момент, о котором мы мечтали с Пиком. Это должен был быть момент, когда я стала бы победителем и была счастлива. И сейчас это не значит ничего без Пика рядом со мной. Я вышла замуж за Беннетта, чтобы разрушить его, но не стало лучше — стало только хуже.

— Я позвоню ему после обеда, — сказала я, прежде чем Клара вышла и закрыла за собой дверь.

Все становится размытым. Я делаю движение и не могу вспомнить, как добралась из точки А в точку Б. Клара на кухне, убирается перед обедом, в то время как я разбираюсь во множестве сообщений и звонков, которые пропустила со смерти Беннетта. Я уверена, что это во всех новостях, но я не могу заставить себя включить телевизор, потому что боюсь услышать что—то о Деклане. Я уверена, что развалюсь на кусочки.

У меня есть сообщения ото всех. Я знаю, что должна созвониться с родителями Беннетта, и также с Жаклин, так как от нее было больше всего звонков. Боже, последнее, что мне нужно — это иметь дело с этими людьми, и когда я собираюсь отойти, звонит телефон. Я позволяю Кларе ответить, когда возвращаюсь в кровать.

— Нина, это похоронное бюро, — крикнула она. — Они нуждаются в одобрении нескольких последних деталей.

Обессиленная, прежде чем опустить голову и выйти из комнаты, я ответила:

— Мне жаль, я просто не могу.

Как, черт возьми, я должна заботиться о похоронах Беннетта? Пусть бросят его в озеро, мне все равно. Ублюдок продолжает разрушать все, даже умерев. Боль стягивает мое горло, когда я падаю на кровать и рыдаю в подушку.

Я, черт побери, ненавижу этого мужчину. Я ненавижу его за все, что он сделал. Неуместная агрессия или нет, этот мудака забрал у меня все.

Я плачу как сумасшедшая, пытаюсь облегчить немного страданий, но не могу сидеть на месте. Я вскакиваю с кровати и как в тумане нахожу себя у шкафа Беннетта, разгребая все вещи. Срываю одежду с вешалок, бросаю обувь через всю комнату, хрипя с каждым движением, пока не оказываюсь у стены, бью ладонью по гипсокартонну снова и снова. Я молюсь о том, чтобы чувствовать физическую боль, но болит только мое сердце. Поэтому я сжимаю кулаки и колочу сильнее и сильнее, и сильнее, и сильнее.

— Нина! Остановись!

Сильнее и сильнее, и сильнее, и сильнее...

— Миссис Вандервол, спасибо вам за то, что пришли. Я сочувствую вашей потере. Ваш муж был отличным другом.

— Спасибо, Рик, — отвечаю я, стоя перед столом адвоката и пожимая его руку.

— Пожалуйста, — говорит он, указывая жестом, чтобы я заняла место, — присаживайтесь.

Я смотрю на человека, которого знаю четыре года, с момента нашей помолвки с Беннеттом, когда он присаживается и достает папку с бумагами.

— Я хотел встретиться с вами лично, чтобы мы могли обсудить последнюю волю вашего мужа и, что будет с его состоянием. Я прекрасно понимаю, что прямо сейчас это достаточно тяжело для вас, но в день смерти Беннетт заезжал ко мне.

Я отвечаю ему кивком, вспоминая разговор Беннетта в моей больничной палате. Это был последний раз, когда он был со мной, тогда он узнал, что я не Нина, а Элизабет, и что за его спиной я изменяла ему с Декланом.

Деклан.

Мое горло стягивает, словно удавкой, при одной мысли о нем, но я отталкиваю это чувство дальше, чтобы сосредоточиться на Рике, когда он продолжает говорить.

— Были внесены несколько поправок в его завещание, — говорит он мне, вытаскивая запечатанный белый конверт из файла. — Он сказал мне, чтобы я открыл и прочитал вам его волю лично после его смерти.

Принуждаю слезинку скатиться по моей щеке, я сижу и смотрю — нервно — но я играю эту роль, пытаюсь сохранять спокойствие, по крайней мере, настолько, насколько это возможно.

— Скорее всего, он подозревал, — заявляет он отстранено.

— Я не понимаю, как это все могло произойти. — Мой голос срывается на последних словах, и Рик протягивает мне платок.

— Полиция что—нибудь говорила вам насчет этого?

— Нет. Но они изъяли почти все вещи из домашнего кабинета Беннетта. Последняя выдвинутая версия предполагает, что убийство связано с его бизнесом.

— Деньги заставляют делать людей ужасные вещи, — говорит он, холод распространяется под моей кожей, вызывая всплеск злости внутри меня.

Он даже не догадывается, насколько его слова близки к истине, пока я сижу и послушно ожидаю услышать размеры моего вознаграждения за мстительную расчетливую игру, что я вела последние несколько лет.

Я промакиваю глаза платком, и он интересуется у меня:

— Вам нужна минутка?

Я отрицательно качаю головой, и он берет нож для писем и вскрывает конверт, разрезая его с краю. Доставая лист бумаги, он берет минутку, чтобы пробежаться глазами по строчкам. Рик откашливается, прочищая горло, и меняет позу в кресле, перед тем как начинает читать громко последнюю волю Беннетта.

Моя прекрасная Нина.

Меня терзают противоречия, когда я пишу данное письмо. В ту минуту, когда я впервые повстречал тебя, я точно понял, чего хочу добиться. Я хотел быть достаточно состоятельным мужчиной, чтобы быть рядом с тобой, потому что ты больше, чем просто восхитительная женщина.

Но проблема в том, что ты никогда не была той женщиной, какой я тебя представлял. Я ужасно зол на тебя. Я знаю женщину, которая лжет, прикрываясь своей фальшью, которую я так сильно полюбил. Я не буду притворяться, что у меня есть ответы на все действия, которые ты совершила, но не волнуйся, моя хорошая. Не бойся, потому что я не скажу никому. Я заберу тайну моей подруги, той маленькой девочки с огненными хвостиками, с собой в могилу. И что бы ты там ни хотела от меня, я надеюсь, ты это получила. Я надеюсь, что ты простишь меня за то, что с тобой произошло. Я не знаю всех деталей произошедшего: все, что я знаю, что я чувствую себя ответственным за то, что с тобой случилось.

Но ты была не единственной, кто лгал. Я тоже лгал тебе. Нет варианта, что сказанное можно как—то облегчить, поэтому: у меня есть сын.

Его имя Александр Брукс.

Состояние абсолютного шока, в который меня повергают его слова, ударяет меня наотмашь, я испытываю острое отвращение к себе за то, что я не видела, что происходило у меня под носом. Он трахал Жаклин у меня за спиной. Мой любящий муж и человек, который называл себя моим другом.

Она была самой большой ошибкой в моей жизни. Это произошло лишь однажды. Подробности не столь важны, потому что я сожалею об этом с того момента, как это произошло. Потому что для меня всегда существовала лишь ты, только тебя я всегда желал. Всегда была только ты. Я переспал с ней всего один единственный раз, и никогда больше после этого. Никогда я и не хотел этого, потому что все, чего я хотел, раствориться в тебе. Раствориться в твоей любви, что мне казалось, была такой реальной, но как я сегодня выяснил, ничего из этого не было правдой. Ничего из этого не было правдой, и я не знаю, во что теперь верить.

Но что я знаю на данный момент, так это то, что никому нельзя доверять. Я уже распорядился, что это письмо будет оглашено при личной встрече нашего адвоката и тебя, Нина. Данным письмом я заявляю права отцовства на Александра Брукса. Тест ДНК был сделан сразу после его рождения, его результаты могут быть найдены в банковской ячейке, которую я оставил своему распорядителю выше упомянутому адвокату Рикку Паркеру из адвокатской конторы Vichapan & Parker. В дополнение к данным словам я хочу внести важные коррективы в завещание, что впоследствии будут гарантировать единоличные права наследования всех активов Linq Steel Co. Александру Бруксу, и Нина Вандервол получит все мои личные активы, которые принадлежали мне на момент смерти.

Все денежные средства от Linq Steel Co, включая все деловые документы, будут отданы на хранение в трастовый фонд на имя Александра, доверительным лицом которого будет Рик Паркер, пока Александру не исполнится двадцать один год.

Рик Паркер известит обо всем Жаклин Брукс при личной встрече, расскажет ей все условия данных поправок, и я умоляю тебя, ради благополучия моего сына, чтобы ничего из этой информации не вышло за пределы участвующих сторон.

Нина, я солгал еще об одной вещи. Когда я поклялся, что буду любить тебя, пока смерть не разлучит нас, я был не совсем честен, потому что сомневаюсь, что смерти будет достаточно, чтобы я перестал тебя любить.

Беннетт Вандервол.

Вот ублюдок. И я еще думала, что я хорошая актриса, но это все они. Они обдурили меня, обыграли. Они были обманщиками, пока я была и продолжаю ею быть. Я всегда знала, что Жаклин хотела трахнуть моего мужа, я только не знала, что она все—таки сделала это. Поэтому, сейчас я сижу здесь, мужественно все перенося. Я хочу смеяться над сложившейся ситуацией бесконечной игры, которая продолжает раскрывать секреты, но как иронично, теперь это еще чьи—то секреты.

Рик кладет письмо на стол и наклоняется вперед, зажимая переносицу. Тяжело вздохнув, он, наконец, встречается со мной взглядом.

— Вы знали?

Я качаю головой.

Он поерзал в своем кресле, возвращая самообладание, но я вижу, что дискомфорт пробивается сквозь его внешний вид.

— Ну, тогда... как вы, наверное, уже знаете, большинство его активов связаны с бизнесом. Но это вовсе не значит, что вы останетесь без весомого наследства.

Симулируя раздражение, я гневно выплевываю:

— Я тут не из—за денег переживаю.

— Конечно же, нет. Простите. Я не хотел вас оскорбить...

— Все в порядке. Просто сейчас я слегка ошеломлена. Поэтому, если это все...

— Да, — отвечает он, встает и обходит стол. Он подает мне руку, и, принимая ее, я встаю.

— Спасибо.

Рик провожает меня из своего кабинета, и когда я захожу в лифт, он вытягивает руку, останавливая двери, и говорит:

— Мне так жаль, что вы узнали о Беннетте таким образом.

— Ну, думаю, никто не безупречен?

— Нет, вероятно, никто.

Он убирает руку, позволяя дверям закрыться, и сочувственно кивает мне, но это было бы нужно, если бы я вдруг узнала, что два человека, о которых я заботилась, предали меня. Только это не так. Его сын мог получить бизнес—активы, потому что, честно говоря, деньги казались теперь испорченными. Я возьму их, найду способ начать новую жизнь, но на деньгах всегда останется кровь Деклана, кровь моего сердца. Смерть Беннетта никогда не стоила жизни Деклана. Ничто не стоило жизни мужчины, который обладал каждой частичкой меня.

Минуты превращались в часы, а часы — в дни.

Монотонная рутинная депрессия следует за мной везде. Мое кровоточащее сердце страдает из—за Деклана. Я скучаю по нему. Иногда я думаю, если достаточно сильно заплачу, он вернется. Как будто жизнь была такой щедрой.

Нет.

Жизнь — кусок дерьма.

Она дала мне вкусить — слегка вкусить сладость — прежде чем отобрала ее у меня. В тот момент, когда я поверила в надежду, поверила в добродетель, у меня забрали ее, вновь напомнив, что в мире я была одна. Но хоть раз я хотела верить. Я хотела глубоко копнуть, чтобы найти хорошее во мне, и отдать ему его, каким бы маленьким этот кусочек ни был.

Я надеваю все черное, чтобы оплакать моих любимых, но это не на их похороны я собираюсь, а на *его*. Мне даже не нужно притворяться перед семьей и друзьями, потому что страдания залегли глубоко во мне, только я страдаю из—за Пика и Деклана, а не из—за Беннетта, на чьи похороны собираюсь ехать.

Я держусь подальше от любых новостей о Пике и Деклане, их похороны, наверное, уже прошли. Но показаться там было бы глупо. Я не могу связать себя с ними, чтобы подозрения не пали на меня. В конце концов, это я сплела паутину для всей этой игры.

Проводя темно—красной помадой по губам, я вспоминаю, какими теплыми они были, прижимаясь к Деклану. Его сладость обжигала их. Иногда я не могла контролировать мою любовь к нему, нуждаясь в большем, я ранила себя. Управляемая чистейшим желанием.

Я выпрямляюсь, рассматривая себя. Мягкие волны рыжих волос спадают на мои плечи, мои глаза впали от горя, которое разрушает меня, но глазные капли помогают вновь им засверкать голубым, что напоминает мне о глазах папы, которые сверкали ярче всех.

остальных. Потери окружают меня, это все, что я знала в жизни. Я провожу вниз по гладкой черной ткани платья и подготавливаю себя для похорон моего мужа, поскольку эта потеря, которую я принимаю всем сердцем. Беннетт — одна из моих немногих побед, хоть и горько — сладкая.

День холодный и серый. Легкий туман покрывает холодную землю, пока я еду к кладбищу, на котором родители Беннетта владеют семейным участком. Я еду одна, черная вдова. Все в черном, включая лимузины и таун—кары, которые выстраиваются в линию на улице, окаймляя путь к безупречной земле, где Беннетт найдет покой.

Когда я паркую машину, я глубоко вздыхаю, перед тем как замечаю, что Болдуин идет в моем направлении, неся большой зонт над головой. Я не видела его с тех пор как отпустила на прошлой неделе. Беннетт умер, и настало время начать уничтожать напоминания о нем, включая вещи и людей. Мне всегда нравился Болдуин — также, как и Клара — но, когда я отпустила Болдуина, я попрощалась и с ней тоже. Они оба понимали мои аргументы. Расставаться с Кларой было тяжелее всего, потому что я всегда чувствовала с ней связь как с матерью, хотя она ею не была.

— Миссис Вандервол, — говорит Болдуин, когда открывает мою дверь и берет мою руку, чтобы помочь выбраться из машины.

— Спасибо, — шепчу я, мои глаза скрыты за темными очками.

Его глаза мягкие, наполненные беспокойством, и я догадываюсь, что он хочет что—то сказать, поэтому я дарю ему улыбку, наполненную печалью, и он кивает, разделяя боль, только моя боль обманчива.

Я беру его под руку, когда он ведет меня к месту захоронения, где стоит гроб Беннетта, окруженный многочисленными цветами и плачущими близкими. Я присоединяюсь к ним, когда слезы стекают по моему лицу и каплют с моего подбородка. К мудаку, по которому они скорбят, во мне гноится чистая ненависть. И эти слезы не по нему — они *из—за* него.

Когда я занимаю последний пустой стул рядом с матерью Беннетта, мои глаза встречают глаза Жаклин. Я хочу улыбнуться при виде этой жалкой женщины, но не делаю этого, и она быстро отводит от меня взгляд, переступая с ноги на ногу от неловкости. Она знает, что я знаю. Адвокат звонил мне на днях, чтобы рассказать, что встречался с ней, чтобы обсудить волю Беннетта и трастовый фонд их внебрачного ребенка.

Я сижу.

Время идет.

Произносятся слова надежды и славы и восхваления Господа.

Жизнь — это дар, утверждает пастор.

Херня.

Звучат звуки дождя, и люди плачут сильнее. Многие останавливаются и предлагают мне свои соболезнования, и я притворяюсь, что слова, которые говорят здесь, на самом деле предназначены для Деклана и Пика. Я сижу и переносу их на них, почитая сегодня их жизни, а не *Беннетта*. Поэтому я киваю и быстро благодарю каждого человека, когда они один за другим поворачиваются ко мне спинами и уходят, опустошая кладбище.

Ричард и Жаклин останавливаются, и что не очень характерно для Ричарда, он обнимает меня, хоть и коротко, и напряженно. Когда он оглядывается на изменщицу, она склоняет голову в безмолвной скорби, прежде чем обнимает меня. Для приличия я обнимаю ее в ответ.

— Я ужасно сожалею, — шепчет она с глубокой симпатией.

Я отстраняюсь, делая объятия короткими.

— Спасибо за то, что пришли.

— Звони, если тебе что—нибудь понадобится, — говорит она, я уверена, скорее для того, чтобы держать ее мужа в стороне, чем от искренности ко мне.

Я киваю, и Жаклин уходит к Ричарду, не говоря ни слова.

Только несколько человек задерживаются, когда мое сердце ухает в желудок при виде Кэллума, отца Деклана. Я целенаправленно скрывалась от всего, что напоминало о Деклане,

потому что мое сердце не могло привыкнуть к боли, но когда взгляд Кэла встречается мой, я встаю и иду к нему.

Нежности, которая всегда была у него ко мне, уже нет. Только каменное лицо человека, который потерял своего сына.

— Кэл, — шепчу я, подходя к нему, когда он стоит под большим деревом. Он не говорит. — Я не ожидала увидеть тебя здесь.

— Твой муж был мужчиной, которым я всегда восхищался. Ты знаешь это.

Я киваю и почти в шоке от своего разбитого сердца, когда шепчу с рваным вдохом.

— Ваш сын... я сожалею.

Я пытаюсь держать себя в руках, насколько это возможно, как ожидается от делового партнера. Кем, по мнению Кэла, я была для Деклана. Но мы были влюблены, желали жить вместе и делили мечту о нашем ребенке — ребенке, что жил в гниющей утробе матери.

— Жизнь несправедлива, дорогая, — говорит он мне с шотландским акцентом, в котором я слышу Деклана. Я опускаю голову и удерживаю так сильно, как только могу, его голос, чтобы никогда его не потерять, когда руки Кэла обхватывают мои щеки. Смотрю в его лицо — оно размыто, из—за наворачивающейся агонии в моих глазах. Он медленно проводит большим пальцем по моей коже и собирает слезы, когда наклоняет голову и говорит: — Забавно, не так ли?

Я моргаю несколько раз на его странные слова, прежде чем он продолжает:

— Оба мужчины... убиты в их собственных домах с разницей в несколько дней, и полиция не может найти виновных.

От его слов по моему позвоночнику проходит холод, и прежде чем я могу сформировать мысль, он целует меня в лоб и уходит. Я смотрю на его спину, на которую капает дождь, и падаю на колени в грязь. Он уходит последним, и я остаюсь одна. Руки тонут в сырой земле, и я безмолвно кричу, но в моей голове звук слишком громкий.

Уже прошло две недели с похорон Беннетта, и с того момента, когда я смогла посмотреть в глаза моему любимому отцу. Я совершенно одинока и словно постепенно опускаюсь ко дну. Ничего не осталось для меня в этом мире, и единственное место, которое приносит мне некоторое успокоение, это мои сны, поэтому я сплю. Я привыкла во снах видеть Карнеги, принца, который превратился в гусеницу. Мой отец как—то раз рассказывал о нем, когда я была маленькой девочкой, но, когда я прикрываю глаза, я вижу Деклана. Прибывая во сне, я мечтаю о том, как могла бы сложиться наша совместная жизнь: мы жили бы в Шотландии в особняке, про который он мне рассказывал, и у нас был бы ребенок, мы бы любили друг друга. Эти образы словно накрывают меня теплым одеялом, но в ту минуту, когда я открываю глаза, меня приветствует пронизывающая холодность и равнодушие настоящего, напоминая мне, что сказки — это всего лишь гребанная ложь и ничего больше.

Доставая еще один чемодан из шкафа—гардероба, я продолжаю монотонно собирать свои вещи. Я больше не могу оставаться в Чикаго. Эта жизнь больше не принадлежит мне, потому что той жизни, о которой я так мечтаю и хочу, больше не существует. Это всего лишь еще одна упавшая звезда, под которую я загадывала желание. А то, что я жажду, это всего лишь мечта, поэтому вчера я решила, что хочу взглянуть на эту мечту, на то, как все могло быть, на то, как все *должно* было быть. Потому что эта мечта, это все, что осталось у меня после его смерти, я очень хочу увидеть ее своими глазами. Я *должна* увидеть ее, чтобы знать, что она была реальной. Поэтому я уезжаю в Шотландию. Я понятия не имею, что делаю, но здесь я больше не могу оставаться.

Я продолжаю собирать вещи по пентхаусу, когда раздается телефонный звонок.

— Миссис Вандервол? — говорит Мануэль, когда я отвечаю. — Миссис Жаклин Брукс пришла к вам. Могу я ее впустить?

— Оу, — растерянно говорю я, совершенно не ожидая сегодня гостей. — Э, да. Пожалуйста, пусть поднимается.

Я вешаю трубку, размышляя, что она хочет. Мы толком не говорили с ней с того момента, как открылась правда о настоящем отце Алекса, но что тут можно еще сказать? На самом деле, она никогда не была моей настоящей подругой, она была просто той, с кем я общалась, чтобы угодить Беннетту.

Я открываю дверь, когда до меня доносится тихий стук, и приветствую Жаклин, которая на руках держит Алекса.

— Пожалуйста, проходи, Жаклин.

Она едва смотрит мне в глаза, когда проходит внутрь пентхауса и медленно идет к центру комнаты перед тем, как резко останавливается и разворачивается, смотря мне в глаза. Так мы стоим какое—то время, пока я молчаливо наблюдаю, как слезы набегают на ее глаза.

— Мне так жаль, — говорит она дрожащим голосом, и я перевожу взгляд на ее ребенка. Когда он становится беспокойным в ее руках, она усаживает его на пол, и он сосредотачивает все внимание на мягкой игрушечной лягушке, что держит в своих руках.

Подходя ближе, я опускаюсь на колени перед ним, и наши взгляды встречаются. Я пользуюсь этой минутой, чтобы пристально рассмотреть черты его лица, и под детской пухлостью, что присуща всем малышам, я вижу Беннетта. Я никогда пристально не рассматривала ребенка до этого, но мне следовало бы это сделать, потому что все просто очевидно. Вот он, Беннетт, здесь, он виден в чертах этого малыша, и в животе все стягивается болезненным узлом. Я стискиваю зубы, когда чувствую, как жар ярости распространяется в моей крови вместе с потребностью ударить кулаком в лицо этого ребенка. Мои ладони

изнывают от желания, практически умоляя мои пальцы сжаться таким образом, чтобы я могла с силой обрушить удар на наследие Беннетта, которое сохранилось в виде этого малыша. Я ненавижу этого ребенка, потому что он продолжение жизни мужчины, который разрушил до основания мою жизнь.

Александр тянется ко мне с улыбкой и прикасается к моей щеке, и мне приходится подавить мерзкий привкус отвращения, что подкатывает к горлу. Мне требуется огромная сила воли, чтобы отстраниться и не отбросить от себя маленький кусок дерьма через всю комнату.

Когда я поднимаюсь, Жаклин выдыхает, одолеваемая стыдом.

— Нина... Прости.

— За что? — равнодушно отвечаю я.

— За то, что причинила тебе боль.

Но мне не больно, поэтому я просто отвечаю:

— У всех есть свои секреты, все лгут, и все в какой-то мере прибегают к обману, чтобы достигнуть желаемого. Мы бы не делали этого, если бы чувствовали раскаяние; мы делаем это, потому что в нас заложено право на поиски своего счастья. — Мои слова застают ее врасплох, когда я прямо спрашиваю у нее: — Ты достигла желаемого счастья, когда трахала моего мужа?

Она делает глубокий вдох, и еще больше слез катится по ее щекам, и она отвечает:

— Да.

Я киваю в ответ, когда она спешно прибавляет:

— Но меня не делает счастливой тот факт, что я причинила тебе боль.

— Людям свойственно причинять боль другим по пути к своему счастью. Если трахая моего мужа, ты была счастлива, никогда не смей извиняться за это. — Она склоняет голову немного на бок и смотрит на меня взглядом полным жалости. — Не волнуйся за меня, — продолжаю я. — Ты не сможешь этим сломить меня, невозможно сломить то, что уже сломлено.

— Он никогда не любил меня, — резко выдыхает она признание. — Он никогда не желал меня. Я воспользовалась им, когда он был пьян. Я прекрасно знала, что один взгляд на меня вызывал у него отвращение ко мне после того, что произошло, но он сохранил добродушные отношения ради Алекса.

Жаклин становится все более расстроенной, пока я просто стою перед ней и выслушиваю это все. Ее голос срывается от нестерпимого, переполняющего ее горя, когда она добавляет глухо:

— Но он всегда любил тебя.

Тяжело вздыхая, я слабо улыбаюсь, качая головой, и говорю:

— Я так полагаю, что в итоге, это не имеет значения. Каждый остался сам по себе.

Она вытирает руками щеки и делает пару глубоких вдохов, в попытке успокоиться, перед тем, как взять на руки Алекса, и затем она задает еще вопрос:

— И что теперь?

— Это хороший вопрос, тот, на который мне определенно нужно найти ответ, но тут я этого сделать не смогу.

— Ты уезжаешь?

— Именно, — говорю я, кивая в ответ.

— Куда? Надолго ли?

— Я не знаю, — говорю я ей, не желая, чтобы она знала. Я в последний раз бросаю взгляд на ее сына, затем вновь обращаю внимание на нее. — Ты не единственная, у кого есть свои тайны. Они есть у каждого из нас.

Она отвечает на мои слова легким кивком и начинает двигаться по направлению к двери. Я следую за ней и прощаюсь с женщиной, которая оказалась безрассудно втянутой в мою паутину лжи. Но в отличие от меня, она возвращается к своему мужу, который все еще слепо

полагает, что этот ребенок его, и продолжает жить с ней, в то время как я готовлюсь посмотреть на то, что могло бы быть моим. Если бы только...

— *Прости меня, Элизабет.*

Мое сердце замирает при звуке его голоса, когда я закрываю дверь, я оборачиваюсь и смотрю на него через плечо. Я вижу его лицо и внезапно чувствую спокойствие. Он стоит прямо за мной, со своими темными волосами и печальными глазами.

— За что?

Пик склоняет голову, засовывая руки в карманы брюк, и я могу видеть, насколько напряжены его мышцы под всеми переплетениями татуировок.

— *Я отнял это у тебя,* — проговорил он с горечью в голосе, подняв на меня взгляд своих глаз.

— Что отнял?

— *То, что есть у нее. То, что заслужила ты.*

— Может, ты наоборот сделал мне огромное одолжение, — проговорила я. — Все равно я была бы ужасной матерью.

Качая головой, он возражает.

— *Нет. Ты была бы прекрасной мамой.* — Пик неуверенно вздыхает, и я чувствую, как сожаление сочится с каждым его словом. — *Прости, что я отобрал это у тебя.*

Правда в том, что я понятия не имею, какой была бы мамой, но я хотела бы попробовать взять на себя эту роль с поддержкой Деклана. Я верила, что он мог спасти меня. Верила, что его любви было бы достаточно, чтобы сделать меня лучше. Но я не стала лучше, без него я вообще никто.

Пустышка.

— Такова жизнь, да? — говорю я подавленно, пожимая плечами.

— *Не та жизнь, которую я хотел,* — говорит он, делая шаг ко мне. — *Всё, чего я хотел — дать тебе лучшую жизнь. Всё, чего я хотел — это вырвать замок с двери, когда ты была малышкой, и освободить тебя из гребаной кладовки. Я хотел отогнать прочь все те разы, что мне приходилось насилловать тебя. Я хотел стереть все те избиения, и остальную твою боль. Но я облажался.*

Рядом с ним мне не требуется моя стальная клетка, и я позволяю слезам катиться по щекам, и я реву, потому что все, что я когда-либо хотела в своей жизни — испарилось. Я хотела забыть весь этот кошмар.

— *Я никогда не хотел так разрушить тебя.*

— Я знаю.

— *Я запаниковал. Я испугался и потерял контроль,* — он пытается объяснить, хотя его напряженный голос, кажется, скоро сломается.

— Я так скучаю по тебе, Пик. Я даже не знаю теперь, как жить. У меня нет никого. Ни одной живой души на земле. — Я плачу и затем падаю на колени. И он тут же оказывается на полу, рукой поглаживает мою спину, когда я тяжело вздыхаю и всхлипываю. — Что мне делать?

— *Жить.*

— Как?

— *Дыши. Борись. Ты забрала все, что должно было стать твоим, потому что заслуживаешь этого.*

— Я так устала бороться ни за что, — говорю я ему.

Он берет мое лицо в свои ладони, вытирает мои слезы и говорит:

— *Ты не одна. Я здесь. Ты же чувствуешь меня?*

— Да.

— *Это не «ни за что». Никогда не прекращай бороться.*

Я закрываю глаза и расслабляюсь, пока он поглаживает мои щеки, я впитываю его прикосновения и, правда, чувствую его. Глубоко вдохнув, я вбираю в себя его слова и нахожу

в них комфорт, выискиваю кусочек силы. Силы, чтобы дышать, двигаться, открывать глаза, и когда я делаю это — он уже исчез.

В комнате никаких следов Пика, ни движений, ни запаха, ни звука. Сев на пятки, я оглядываю пентхаус, мир иллюзий, который я создала, и слышу его слабый шепот.

— *Это все твоё воображение, ты была достаточно сильной, чтобы выдумать это.*

И он прав.

Я была сильной.

Но это было тогда, когда мне было за что бороться. Тот огонек во мне потух. Остался только пепел и тлеющие угольки. Отголоски и тени. Темнота и смерть.

Хотя Пик прав, мне нужно двигаться. Если я собираюсь жить, то мне стоит напомнить себе, что есть что-то хорошее в жизни. Даже если хорошее измеряется в крошечных каплях. Мне надо поверить, что боль стоит этих моментов, потому что я испытывала их. Это было по-настоящему, реальным, и я бы прошла сквозь эту агонию вновь и вновь, только чтобы почувствовать любовь Деклана еще хоть секунду. Я никогда не думала, что мир может быть так хорош, но он был.

На мгновение...

Он был чертовски хорош.

Поднявшись с пола, я встала на ноги, взяла пальто и ключи. Как бы я ни хотела избежать реальности отсутствия Деклана, мне нужно встретиться с этим лицом к лицу. Чтобы вспомнить, что это было по-настоящему, и стоило боли.

Я вывела машину на Мичиган Авеню и направилась на север. Город живет и проносится мимо меня. Я игнорирую волнение и улыбки и направляюсь напрямиком на Ривер—Норт. Повернув на Супериор, я замедляюсь. Внезапно меня пробивает холод, и липкими руками я хватаюсь крепче за руль. Мой желудок делает сальто, когда я подъезжаю к дому Деклана.

Заглушив машину, я сижу минуту в тишине. Единственный звук — стук моего сердца, которое вырывается из груди. Раньше я находила здесь утешение. Мой крошечный кусочек рая располагался на верхнем этаже этого здания. Когда я выбираюсь из машины, я смотрю вверх и вижу растения на дворике его крыши, но я знаю, что это единственная жизнь там. Его имени больше нет в системе интеркома в фойе, только номер риелтора, который занимается продажей пентхауса.

Мои пальцы покалывает от прохлады, и мазохистская часть меня молит нажать на кнопку.

Так я и делаю.

Я нажимаю кнопку его этажа, зная, что на сей раз его милый голос не будет приветствовать меня. Вместо этого, звонит мой телефон.

Вытащив его, я смотрю на экран и не узнаю номер. Как только я делаю пару шагов назад к машине, я отвечаю.

— Алло?

— Скучала?

Мгновенно мои мысли уносятся от Деклана, чтобы узнать голос на том конце трубки, и паника вспыхивает во мне. Быстро собравшись, я уверенно отвечаю:

— Чего тебе, Мэтт?

— Нам нужно поговорить.

— О чем?

— Мне правда нужно говорить тебе это? — насмехается он надо мной, и мне не нужно даже напоминать о том, как я проехала мимо него на машине. В тот день, когда я убила Пика, он направлялся к нему в трейлер. Слова тут не нужны, мы оба знаем, что это сделала я.

— Когда?

— Завтра.

— Я не могу, — говорю ему, когда забираюсь в свою машину и закрываю дверь.

— У тебя есть занятия поинтересней?

— То, что я собираюсь делать — не твое дело, но да, я уезжаю из города, поэтому если хочешь поговорить, это нужно будет сделать сегодня, — я немного раздражена. Мэтт всегда был источником раздражения для меня. Я терпела его из—за его дружбы с Пиком, но всегда боялась его. Но, тем не менее, часть меня была благодарна ему, потому что он был тем, кто сделал мне один из самых лучших подарков, и он сделал это от чистого сердца.

Возможно, единственный момент самоотверженности.

Мэтт был тем, кто дал мне первый раз попробовать вкус мести, когда подготовил почву для убийства моих приемных родителей. Моя расплата за годы плохого обращения. Настолько, насколько одна часть меня презирала Мэтта, другая часть была ему благодарна.

— Через тридцать минут? Башня Трибьюн? — предлагает он.

— Ладно.

Вешая трубку, я бросаю телефон на пассажирское сиденье. Услышав его голос, я начала еще больше тревожиться. Нужно покинуть этот город. Чтобы бежать от этого места и всех, кого знаю.

Я начинаю ехать по Мичиган Авеню, и когда паркую машину, иду напрямик к башне Трибьюн. Улицы и тротуары заполнены бизнесменами и туристами. Проходя через толпу, я пересекаю улицу и жду Мэтта.

Мое внимание сосредоточено на саксофонисте, который играет Otis Rush на саксофоне. Когда люди проходят мимо него, они бросают доллары и центы в открытый чехол от его саксофона, а я теряюсь в гладкой мелодии. Я наблюдаю за мужчиной и задумываюсь о нем. Он старый и седой, одетый в изношенную одежду. Его темная кожа испещрена глубокими морщинами, и, хотя его суставы старые, движения рук грациозные. Глядя на него, думаешь, что он одинокий и печальный, но покачивание его головы, когда он играет — верный признак счастья. Но как тот, кто, кажется, не имеет ничего, может быть счастливым? Я хочу спросить его, но спотыкаюсь, когда теряю равновесие, обнаруживая, что нахожусь в руках Мэтта. Он хватает меня сзади и разворачивает лицом к себе. Одна его рука лежит на моей спине, а другая удерживает меня за руку, пока мы двигаемся в медленном ритме музыки.

Он осматривает меня своим взглядом и улыбается, это раздражает меня, зная какое удовольствие он получает оттого, что я так близко к нему. Если бы вокруг нас не было так много людей, я бы оттолкнула его. Последнее, что мне нужно, — устроить сцену, поэтому я позволяю ему вести меня, к его удовольствию, сохраняя глаза опущенными.

— Перестань выглядеть такой несчастной, Элизабет. Люди смотрят на нас.

Прикусив губу, я изображаю слабую улыбку, и поднимаю голову, встречаясь с ним взглядом. Его зрачки большие и черные, но в этом нет ничего нового. Меня поражает, что этот наркоман, которого я знаю еще со средней школы, не умер от передозировки.

Прижав меня ближе, он наклоняет свою голову и шепчет мне на ухо:

— Ты скучаешь по нему?

Да.

Я не отвечаю, чтобы сохранить свое самообладание перед ним, но внутри чувствую, как мои раны становятся еще глубже.

Он сильнее оборачивает руку вокруг меня, притягивая меня ближе, пока мы продолжаем танцевать на оживленном тротуаре перед башней Трибьюн.

— Не волнуйся, — продолжает он тихо. — Я позаботился об этом.

Когда я отодвигаюсь, чтобы посмотреть на него, в замешательстве от того, что он сказал, он добавляет:

— Я сделал вид, что сделка прошла плохо. Копы задавали мне вопросы, и я подтвердил их подозрения.

— Почему? — спрашиваю я, удивляясь, что он хочет защитить меня.

— Чтобы обеспечить твою преданность.

Яростное тепло воспламенило мою шею с пониманием, что этот мудака в состоянии шантажировать меня.

— Чего ты хочешь?

— Я не готов собирать свои инвестиции прямо сейчас, — отвечает он с усмешкой, которую хочется сбить с его лица.

— Ты большой придурок, — бросаю я ему. — Используешь Пика как сделку.

— Тебя одну можно обвинять в использовании. Я наблюдал за этим, с тех пор как мы были детьми.

— Ты ничего не знаешь о наших отношениях, — огрызаюсь я защищаясь.

— Я знаю, что он любил тебя и пожертвовал всем ради тебя.

— А ты, тебе плевать на нас обоих.

— Ты должна быть благодарна мне, что я спас твою задницу от тюрьмы, — бросает он мне в ответ, и затем насмехается: — Каким по счету был Пик, в любом случае? Номером три? Четыре?

— Да пошел ты. Он был моим братом.

Звуки саксофона продолжают наполнять воздух вокруг нас, когда Мэтт хватается меня сильнее и шипит себе под нос:

— Нет, пошла ты, Элизабет. Он был моим лучшим другом, а ты убила его, и за что, я не имею дьявольского понятия, потому что он никогда не делал ничего, кроме того, что давал тебе все, чего ты хотела.

Затем он тянет меня назад, и я чувствую, что могу взорваться от ненависти к этому куску дерьма, который не знает ни кусочка правды обо мне и моем брате. Он понятия не имеет, через что мы прошли, и как жизнь потрепала нас.

Когда Мэтт целует мою руку, я понимаю, что музыка остановилась.

— Не уезжай слишком далеко, котенок. Помни свое место в этом уравнении. Я дам тебе знать, когда буду готов взывать с тебя долг, — издевается он, прежде чем поворачивается спиной ко мне и уходит.

Я смотрю, как он исчезает в толпе людей, благодарная, что он понятия не имеет, что я собираюсь сесть на самолет в Шотландию. Если он думает, что может использовать меня как пешку, я ничего не буду делать, чтобы развеять это убеждение, потому что гордость — это неисправный провод, который в конечном итоге замкнет вас, и вы сгорите.

Потрескивание огня заполняет помещение. Глухой тёмной ночью, единственный свет, что наполняет комнату, исходит от почти погасших угольков в камине. Я прятался всю неделю в домашнем кабинете, испытывая откровенный страх и беспокойство от того, что кто—то может вывести меня из этого гребанного тревожного состояния.

В тишине комнаты раздаётся звонок телефона, который полностью поглощает мое внимание. Проглатывая две таблетки Ксанакса и запивая их виски, я отвечаю на звонок. Мои пальцы непрерывно барабаниют по рабочему столу, который выполнен из дерева бокоте (прим. пер. достаточно редкая экзотическая порода дерева, растущая в субтропиках и тропиках Центральной и Латинской Америки).

— Да?

— Это я.

— Все в порядке?

Отодвинувшись на стуле от стола, я сжимаю переносицу и останавливаю надвигающуюся головную боль.

— Она направляется в Шотландию.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я взломал ее счета. Я просто думал, что ты должен знать.

— Спасибо, — это все, что он говорит, прежде чем кладет трубку.

Я прижимаю крепче к себе потрепанную рыжеволосую куклу, в то время как все вокруг меня спят, пока мы находимся на высоте сорока тысяч футов. Тот, кто мне ее подарил, находится глубоко под землей, он мертв. Когда я складывала вещи в чемодан, я нашла эту куклу, которую мне подарил Пик на мой десятый день рождения, в своем шкафу в коробке, забитой всякой всячиной. Я помню, как ему было неудобно из—за этой куклы, потому что он ее украл, но я обожала ее. Я очень любила его, потому что он был единственным человеком на земле, который по—настоящему заботился обо мне в то время, когда я была совершенно одинока. Эта кукла — единственное хорошее воспоминание о том дне, потому что вскоре после этого я столкнулась с ужасным чудовищем в нашем подвале. Чудовищем, которое разрушило меня до основания и превратило в монстра, которым я являюсь сейчас.

— Желаете ли вы что—нибудь выпить? — мягко спрашивает стюардесса.

— Нет, спасибо.

Мой разум ускоренно работает, поэтому я совершенно не могу уснуть. Я продолжаю прокручивать в голове события нескольких последних месяцев. Снова и снова. Я скучаю по Пику, но это чувство не идет ни в какое сравнение с уничтожающей болью от потери Деклана. Я сгораю от чувства ненависти к себе, что в последние часы жизни, его представление обо мне в корне изменилось из—за открывшихся грязных подробностей, которые запятнали мое имя. Я бы очень хотела, чтобы он верил, что я хорошая и непорочная, именно такой он всегда меня видел, но в итоге он обнаружил, что все было ложью.

Это досье было в руках у всех мужчин, что так или иначе фигурировали в моей жизни, но меня больше всего ранит, что оно прошло через руки Деклана. У меня ушло некоторое время, чтобы набраться смелости и открыть этот файл, чтобы посмотреть, что точно там находится, но, когда я его открыла, там были неоспоримые доказательства моих интриг. Деклан узнал, что я была просто мерзкой лгуньей, приемным ребенком, аферисткой. Меня убивают мысли о том, что он чувствовал, когда узнал всю правду обо мне, потому что все, чего я хотела, — любить, заботиться о нем и сделать так, чтобы он чувствовал себя в безопасности со мной.

Кого я пытаюсь обмануть?

Может я бы никогда не смогла любить его так, как он заслуживает, но я бы приложила все усилия, чтобы попытаться.

— Скажи мне, что ты чувствуешь, — вспоминаю я его слова, позволяя моему разуму уноситься в далекую дымку воспоминаний.

— Я ненавижу все это, — отвечаю я. — Я ненавижу каждую минуту, когда я не с тобой. Ты — все, чего я хочу, я ненавижу жизнь за то, что она так несправедлива к нам. И еще я напугана. Я боюсь всего, но больше всего меня страшит мысль, что я могу потерять тебя. Ты единственное хорошее, что произошло со мной за всю жизнь. Каким—то образом в этом сумасшедшем мире, ты знаешь, что нужно сделать, чтобы мерзкая действительность рассеялась.

— Ты не потеряешь меня.

— Тогда почему мне кажется, что все словно ускользает от меня?

— Этого не будет. Я обещаю тебе, что этого не произойдет. Ты просто напугана, но сейчас у тебя есть я. Я устраню все страхи, каждую его частичку, что окружает тебя. Я заберу его. Я дам тебе все, что ты заслуживаешь от жизни. Я сделаю все, что смогу, чтобы ты не чувствовала страданий.

Я даже не могла представить, что существует такой потрясающий мужчина, и я никогда не желала влюбляться в него, но это свершилось, я полюбила. Это было грешно и порочно, но

в тоже время это было невообразимо прекрасно, и это все принадлежало мне. На краткий миг, но он был моим.

А сейчас....

Он мёртв.

И я тоже.

Его кровь глубоко внутри меня — я уверена в том, что там ее место — но этого совершенно недостаточно, чтобы защитить меня. Всего существующего недостаточно, и мои мучения безграничны. От этого не освободиться, не очиститься, и никакие старания Пика не смогли бы устранить их. Я потеряла моего друга, который давал мне облегчение от съедающей меня боли, помогал мне спастись от нее и заглушать ее. Сейчас она берет верх надо мной, кроваво—красная река презрения, что разрушает и душит, которая ранит душу.

Боль разрастается во мне, и мое тело дрожит от чувства тревоги. Пронзительные звуки отдаются у меня в ушах.

Кровотечение, звуки криков, сердце словно стягивают тугие жгуты, и оно молит о спасении от этой боли.

Воспоминания от его слов душат меня, удавка сильнее затягивается вокруг моей шеи.

«У нас могло бы быть будущее... Ты же любишь меня, правда?.. Я знаю, чего я хочу. И это жизнь вместе с тобой... Я сделаю все, что угодно, чтобы получить это».

Я не могу дышать.

— Простите, — бормочу я и, спотыкаясь, направляюсь в уборную.

Запираю за собой дверь и опираюсь на раковину, вглядываясь в свои пустые глаза. Я пытаюсь медленно вдохнуть, но мое тело не позволяет. Пот блестит на моем бледном лице, опустошенном от крови, а голод внутри меня требует подпитки. Я должна выпустить его, пока это не убило меня.

Мои ладони сжимаются в кулаки сами по себе и врезаются в мою грудную клетку.

Снова.

И снова.

Вдалбливая костяшки пальцев в хрупкие кости, и с каждым ударом шум в ушах исчезает, а легкие заполняются таким необходимым воздухом. Я бью себя вновь и вновь, снова и снова разрывая капилляры с каждым ударом. Тепло распространяется сквозь мою раненую плоть, и когда мои щеки горят от слез, я падаю к туалету, мои руки прижимаются к стене крошечной уборной, пока я задыхаюсь от борьбы. Мой разум очищается, но я в замешательстве от того, что сейчас случилось и почему это принесло мне освобождение — наслаждение, на самом деле. Мучающая меня печаль исчезла, ее освободила боль, которую я сама возродила в себе.

В этот момент я нахожу свой новый наркотик. Он больше не зависит от комфорта Пика или Деклана. Нет. Он зависит от злых рук — моих собственных — и в этот момент я чувствую силу этой своей способности предотвратить страдание, возродив эндорфины жестокостью.

Вздыхая от облегчения, я встаю и поправляюсь перед зеркалом, прежде чем поднимаю верх топика и вижу свое раненое тело. Когда я исследую кровь, которая растеклась под кожей, раздувшуюся во всей своей розовой славе, я гордо улыбаюсь. Раны воздали моей коже по заслугам и успокоили меня.

С такой болью я могу справиться. Мне больше не на кого положиться, чтобы облегчить этот раздор во мне. У меня есть только я. Поэтому с безумным восхищением я наслаждаюсь моментом, прежде чем возвращаюсь к моему сидению и обнимаю свою куклу.

Приземлившись, я прохожу паспортный контроль, забираю багаж и арендую машину. И вот я сижу на другой стороне мира, в котором была рождена.

Одна, без плана и направления.

Я неуклюже сижу с правой стороны машины, задаваясь вопросом, смогу ли я водить, не убив себя или кого—либо еще. *Сейчас самый подходящий момент это выяснить.*

— Ну, поехали, — бормочу я сама себе, а затем выезжаю с парковки.

Когда я покидаю стоянку аэропорта и еду в направлении Эдинбурга, пейзаж изумляет меня. Деклан не лгал, когда говорил, что от вида захватывает дух. Ледяной дождь капает с темного, серого неба на город Старого Света. Каменные здания из иного века выстроены вдоль улиц, и я в благоговейном трепете от исторической красоты. Звук гудка вытаскивает меня из разглядывания достопримечательностей, и я быстро кручу руль, когда понимаю, что въезжаю на кольцо с неправильной стороны.

— Черт, — визжу я, махая рукой в качестве извинения другим водителям, которых почти задела. Сидеть за рулем на другой стороне машины, ехать по другой стороне улицы — все это выводит меня из себя и напрягает.

Выезжая из этого круга смерти, я осторожно еду, пока не нахожу местечко, где можно перекусить. Я истощена путешествием, и когда вхожу в ресторан, меня усаживают за стол в дальнем конце небольшой столовой.

— Воды? — спрашивает женщина, ее волосы такого же оттенка рыжего как мои, собраны в пучок на макушке.

— Пожалуйста.

— Минеральную с газом, без газа или просто питьевую?

— Без газа, — отвечаю я, затем наблюдаю ошеломленная непривычной обстановкой, как она уходит.

Эти люди безразличны к миру, который я оставила позади, к людям, которых разрушила, к животному, которым стала. Они сидят, тихо болтают, очень отличаясь от громких и шумных американских нравов, и я сижу в тихой атмосфере, глядя в меню.

— Вот, — говорит официантка со своим тяжелым шотландским акцентом, когда ставит графин с водой и стакан для меня. — Что я могу предложить вам, милочка?

Неуверенная в выборе меню, я говорю ей:

— Что—нибудь теплое и вкусное.

— Вы американка?

Я улыбаюсь и киваю, и затем она предлагает:

— Rumbledthumps.

— Что?

— Традиционное шотландское блюдо. Согреет от холода.

Требуется несколько секунд, чтобы разобрать ее слова из—за акцента. У меня никогда не было трудностей с пониманием Деклана, но родной язык этой женщины был гораздо тяжелее, чем то, что я привыкла слышать.

— Спасибо, — отвечаю я, протягивая ей меню, и после того как делаю большой глоток воды, я вытаскиваю телефон, чтобы попытаться составить план игры.

Как только подключаюсь к интернету, я ввожу имя усадьбы, о которой мне рассказывал Деклан. Я помню, он говорил, что она в окрестностях Эдинбурга, но не могу вспомнить, где именно. Все, что я знаю, — мне нужно найти дом. Мне нужно знать, что он реален. Мне нужно увидеть то, что могло быть моим, если бы я сбежала с ним, когда он просил.

Остановившая поисковик, я ввожу:

Поместье Брансуик Хилл, Эдинбург, Шотландия.

Требуется несколько секунд, и всплывают несколько различных риэлтерских сайтов. Я кликаю по первой ссылке, и, когда появляется картинка, мой желудок ухает вниз. Сидя здесь, я не дышу, когда смотрю на дом, в котором Деклан умолял меня жить с ним. Я провожу пальцем по экрану, чтобы увидеть другие изображения. Одно за другим я вижу то, что могло бы быть моей жизнью — моей сказкой. Все как он описывал: Викторианский особняк, построенный на безупречной земле, окруженный зеленью, цветами, деревьями и гротом. Я вспоминаю, как Деклан говорил, что мне понравится грот, построенный из клинкера.

Почему я не убежала с ним, когда он предлагал?

Прокручивая страницу вниз, я замечаю, что риэлтерская фирма называется Knight Frank.

После того, как я несколько минут читаю онлайн—брошюры по недвижимости и смотрю остальные фото, приносят мою еду. Я откусываю небольшой кусочек блюда из картошки, пытаюсь найти комфорт в богатстве, но мой затянутый в узел желудок мешает наслаждаться. Под моей кожей медленно кровоточат раны.

Положив вилку, я начинаю искать общественные архивы о доме. Это занимает время, но наконец, я нахожу то, что так усердно пытались скрыть. Но оно черно—белое прямо под кончиками моих пальцев. Слова гласят, что банк захватил имущество, и произошло это через несколько недель после того, как Пик убил Деклана. Я могу ощущать его кровь, после того как последний раз поцеловала его губы.

Я читаю дальше, и проходит совсем немного времени, прежде чем я узнаю, что место было перепродано скрытому покупателю. От Беннетта я узнала, что это не редкое явление среди богатых. Но независимо от нового собственника я все еще хочу увидеть его. Я отмечаю адрес, смотрю на карте и понимаю, что он находится в часе езды от Галашилс. Откусывая последний кусочек еды, я привлекаю внимание официантки, чтобы расплатиться и уйти.

— Хорошо спалось?

— Да, — отвечаю я Айле, хозяйке отеля, в то время как наливаю себе горячей воды в кружку из чайника, сидя в главной столовой.

Когда прошлым вечером я проезжала через город, то наткнулась на эту маленькую гостиницу домашнего типа и подумала, что это будет достаточно хорошим местом, где можно остановиться, пока я здесь. Айла радушно поприветствовала меня, когда я въехала, и знаете, несмотря на то, что я нахожусь в чужой стране, что—то в ее поведении заставляло меня чувствовать легкость и непринужденность. Она радушно приняла меня, заселила в скромную комнату и быстро ретировалась, принося свои извинения, кстати, за что я была ей безмерно благодарна. Я была ужасно измотана и заснула сразу же, как только голова коснулась подушки.

— Так что привело вас в Гала? — интересуется она.

Опуская чайный пакетик в кружку с водой, я даже не знаю, как ей ответить на этот вопрос. Я настолько привыкла лгать и скрывать настоящую себя, что правда на данный момент мне кажется чужеродной. Правда в том, что я больше не помню, какая я на самом деле. И затем мне становится интересно, а была ли я когда—нибудь настоящей, самой собой. Я так долго притворялась. В последний раз я чувствовала себя целостной, когда мне было пять лет. В ту секунду, когда у меня отняли моего отца, тогда же я потеряла себя. А затем, когда он умер, умерла и моя истинная личность, и все с чем я осталась в итоге — лишь оболочка, которую я привыкла считать собой. Я старалась изо всех сил заменить печаль и пустоту надеждами и мечтами, но это было лишь бесполезной тратой времени. Затем я переключилась на Пика, используя его, чтобы подменить эти чувства спасительным забвением и ощущением комфорта.

А затем был Деклан.

— Ты в порядке? — спрашивает Айла с беспокойством во взгляде, вырывая меня из моих мыслей.

— Ммм хмм, — все, что я могу выдавить из—за болезненного комка в горле. После нескольких глотков горячего чая отчаянное желание найти себя берет вверх надо мной, и я делаю то, что не делала уже в течение долгого времени.

Я говорю правду.

— Я потеряла одного человека, который был близок мне. Приехала сюда, чтобы почувствовать себя ближе к нему.

— О, милая, — вздыхает она. — Мне очень жаль.

Ее мудрый взгляд наполняется сочувствием. Только один ее взгляд горит безмолвно, и я могу видеть там понимание и боль за меня.

— Я извиняюсь за то, что ответила настолько откровенно. Я не хотела, чтобы вы почувствовали себя не в своей тарелке.

— Ерунда. Если женщина в моем возрасте не способна принять немного правды... ну, тогда... значит, она вовсе и не жила на свете.

— Да, наверное. — И она права. Черт, я чувствую, будто прожила тысячу лет на земле. Я сомневаюсь, что вы можете меня удивить чем—то. Я могу поклясться, что нет такой боли, которую бы я не испытала.

— Ты надолго планируешь остаться?.. — она начинает говорить и затем замолкает. — Прости меня, милая. Было поздно, когда ты вчера приехала, и сейчас я, к сожалению, немного позабыла твое имя.

Это был именно тот решающий момент — с этой пожилой леди, которая, кажется, имела на все вопросы, которые мне предстояло выяснить, ответы — когда мне нужно было сделать выбор. Я думала, что мне больше нечего терять, но это не совсем так. Видите ли, где—то глубоко внутри я все еще та же пятилетняя девочка. Она все еще сохранила свою личность, которую я потеряла так давно.

— Элизабет, — говорю я ей. — И я не уверена, на какой срок задержусь.

— Ну что же, Элизабет, очень рада, что ты здесь. Больше не буду отнимать у тебя время. Если тебе что—то понадобится, пожалуйста, дай мне знать, хорошо?

— Спасибо вам.

Я беру свой чай и поднимаюсь наверх в свою комнату, чтобы разобрать чемоданы и немного освежиться. После того как я переделалась и разложила вещи по местам, я смотрю на себя в зеркало, которое стоит на деревянной подставке, расположенной в углу комнаты. Бежевые слаксы, серо—коричневый кашемировой свитер и открытые лакированные туфли—лодочки. Эта та одежда, которую я приобрела, когда играла свою роль. Каждая деталь в моем наряде так и кричит: Нина. Но я в растерянности, потому что не знаю, подходит ли это Элизабет. А какая она вообще? Прошло много времени с того момента, когда я была самой собой. Мне кажется, я потеряла внутреннюю частичку себя в тот ужасный день, когда арестовали моего отца. Я прожила большую часть своей жизни, будто погребенная заживо, избегая мучительной боли, что приносит нам этот мир, пока я не стала Ниной.

И теперь, я представляю собой чистый обман — покрытый отвратительными дорогими тряпками.

Я заправляю за ухо волнистую рыжую прядь волос, перед тем как беру мои ключи.

Я ввожу адрес Брансуик Хилла в навигатор, затем следую по ярко выделенному маршруту движения, который ведет меня по узким улицам, что постепенно переходят в холмы. У меня не занимает много времени, чтобы добраться до Абботсфорд Роуд, и я знаю, что я уже близко.

Но не к нему, а всего лишь к его призраку.

Мои глаза обжигает от непролитых слез, я поворачиваю за угол и вижу зеленую табличку на каменной стене, которая примыкает к воротам, что гласит "Брансуик Хилл". Я пристально смотрю на табличку, и мой подбородок начинает дрожать, в то время как моя душа кровоточит, наполняя меня еще большим количеством яда, которым я подпитываю себя.

Оно настоящее.

Это место — то самое, которое он хотел показать мне — на самом деле существует.

Остановившая машину на обочине, я не осознаю, насколько крепко мои пальцы вцепились в руль, пока не ослабляю их и не ощущаю боль. Когда я выбираюсь из машины перед железными воротами, за которыми скрывается дом, который мог бы быть моим, тень смерти нависает надо мной.

Потеря поглощает.

Пустота давит.

Печаль не прекращается.

Мои ноги двигаются сами по себе — ближе. Я глубоко вдыхаю, молясь, чтобы его запах наполнил мои легкие, которые не заслуживают этого, но жаждут. Но их заполняет лишь морозный воздух. Я вздрагиваю, когда хватаюсь руками за холодный металл ворот, слезы начинают бежать из уже припухших глаз.

Трещины в моем сердце начинают расширяться и разрываться — обжигая, проникая сквозь агонию. Костяшки моих пальцев белеют от той силы, с которой я сжимаю ворота, отчаяние и сожаление взрываются в неуправляемом порыве. Я дергаю руками, потряхивая ворота, я теряюсь в маниакальном приступе. Я кричу в серые облака, так сильно кричу, что кажется, словно лезвия разрезают мою глотку, и я приветствую боль, желая, чтобы они врезались глубже.

Дергая ворота взад—вперед, я слышу кляцанье металл, холод разъедает мою плоть, и я рыдаю. Я заставляю боль выбраться наружу. Ледяные слезы стекают по моему лицу, пока мое тело живет собственной жизнью.

Я хочу, чтобы он вернулся.

Как сильно мне нужно плакать, чтобы вернуть его?

Почему это произошло со мной? С ним? С нами?

Я просто хочу, чтобы он вернулся.

— Вернись! — мой голос разрывает тишину. — Пожалуйста! Просто вернись!

Я мечусь, тону в воплях, мое тело истощается. Мои руки замерзают, Продолжая цепляться за металлические стержни ворот, я падаю на колени. Я чувствую, как мое нутро расслабляется, а тело тяжелеет. Отчаянно ловя дыхание из—за бешено колотящегося сердца, я закрываю глаза и прислоняюсь к железу. Вскоре мои тяжелые вздохи превращаются в по—детски отчаянные всхлипы.

Я хочу, чтобы кто—нибудь просто обнял меня. Прикоснулся и сказал, что все будет хорошо. Что со *мной* все будет в порядке. Я хотела назад моего брата, папочку, мою любовь — я приняла бы любого, лишь бы получить хоть какое—то облегчение. Поэтому я сижу здесь на холодном бетоне и плачу — одна...

Снег невесомо падает на меня, пока время идет своим чередом. Ветер свистит сквозь деревья, пробуждая меня понижающейся температурой, и я даже не знаю, как долго сижу здесь, когда я смотрю наверх на ворота. Вытирая слезы, я поднимаюсь на ноги и пытаюсь лучше рассмотреть дом, но он спрятан за деревьями. За воротами подъездная дорога поднимается по холму, окаймленная деревьями, покрытыми снегом и все остальное — окутано тайной.

Но я всё знаю.

Он многое рассказал мне об этом месте, о доме, земле, цветах, стеклянной оранжерее.

Я осматриваюсь, чтобы найти путь внутрь, но мне мешают ворота и каменный забор в высоту почти девять футов, по которому просто невозможно забраться.

Да и какой смысл в этом? Все равно за этой стеной меня ничего не ждет. Я даже не уверена, почему здесь, и когда смотрю вниз на мои покрасневшие, почти малинового цвета руки, пораненные льдом, я знаю — пришло время уходить.

— Милочка, ты в порядке?

— Просто поскользнулась и упала на лед, пока бегала по магазинам, — лгу я, пока Айла рассматривает мои грязные, влажные слаксы, которые стали такими из—за того, что я провела день, сидя на покрытой снегом земле. Я знаю, что выгляжу ужасно, и часть меня, хорошо обученная, хочет расправить плечи и высоко задрать голову, но слабость молит опустить плечи и принять объятия, которые, я уверена, Айла готова мне предоставить. Я не знаю, что выбрать.

— Ты ужасная лгунья, милочка, — говорит она, берет меня за руку, ведет к обеденному столу и усаживает меня за него.

Она идет на кухню и быстро возвращается с чайником, чашкой и блюдцем. Я наблюдаю, как она наливает горячую воду в чашку с пакетиком чая, прежде чем ставит ее передо мной.

Я не опровергаю ее обвинения во лжи. Я слишком выжата эмоционально, чтобы играть в такие игры, и затем она добавляет:

— В твоих глазах отпечаталась боль.

И так оно и есть.

За прошедшие пару недель я плакала больше, чем за всю свою жизнь. Пик научил меня, как прятать мои эмоции, жить как робот, чтобы никто не причинил мне боль, и я хорошо усвоила этот урок. Но я не чувствовала, что у меня есть силы отключить все эти эмоции сейчас.

Мои глаза — постоянный оттенок розового, а слезы из глаз нежно обжигают кожу вокруг них. Макияж только приносит дополнительное раздражение и жалит кожу, поэтому я использую только пудру, чтобы выглядеть настолько презентабельно, насколько это возможно.

Но я должна задаться вопросом, почему меня вообще заботит, как я предстану перед другими. Я в тысяче милях от Америки. Мне больше не нужно притворяться или бороться, потому что я уже потеряна.

Я больше не хочу быть Ниной. Я не хочу быть глупой миссис Вандервол. С этим покончено. Нечего терять, потому что все уже потеряно. Возможно, я смогу перестать бороться, перестать лгать, перестать бояться и прятаться. Первый раз с тех пор как мне было восемь лет и меня оставили гнить в Позене я, наконец, могу сейчас дышать. Я бы хотела знать, как. Прошел почти двадцать один год, пока я задыхалась, и когда смотрю на Айлу и вижу, что годы отметили ее лицо морщинками, я говорю ей немного больше правды.

— Я ходила к дому, которым он владел.

Она тянется через стол и кладет свою руку на мою.

— Ты сказала, что потеряла его. Что произошло? Он оставил тебя?

— Да, — я задыхаюсь, пытаюсь сдержать слезы. — Он умер.

— Благослови тебя, милочка. Мне жаль.

Тяжело сглотив, мы сидим некоторое время, затем она разрывает тишину и говорит мне:

— Я потеряла своего мужа восемь лет назад. Ничего не сравнится с потерей человека, которому вы отдали душу. Когда ты вкладываешь все, что у тебя есть — все, кем ты являешься — в одного человека, который обещает заботиться о тебе, ты становишься тенью этого человека, совершенно уязвимой по отношению к нему. И когда он уходит, он забирает и тебя с собой, но, тем не менее, ты остаешься здесь, продолжаешь жить своей жизнью, как будто у тебя есть что—то, ради чего жить.

— Тогда зачем продолжать жить?

— Ну, — начинает она, оглядываясь на каминную полку, где в линию стоит много фотографий в деревянных рамках. — Для меня это моя семья. Мои дети. Это заняло время, но, в конечном итоге, я нашла силу, чтобы взять себя в руки и жить для них.

Я сканирую пространство, занятое семейными портретами, и когда поворачиваюсь к Айле, она улыбается, спрашивая:

— У тебя есть дети?

Ее вопрос сильно бьет по мне. Я не уверена, как ответить, потому что прошло не так много времени, с тех пор как у меня был ребенок. Малыш. Маленький малыш, который рос в моей утробе, и сейчас она пуста. Поэтому я просто говорю:

— У меня нет семьи, только я.

— Твои родители?

Качая головой, я повторяю.

— Только я.

Вместо того чтобы сказать мне, как она сожалеет об этом факте, она делает все возможное, чтобы приободрить.

— Ты так молода. У тебя есть время пожить. Я была старой женщиной, когда мой муж ушел, но ты... на твоей стороне молодость. Ты еще можешь пожить. Ты красива, ты снова полюбишь, и у тебя есть время создать свою собственную семью.

— Я не думаю, что достаточно сильная, чтобы снова влюбиться. — А также я не заслуживаю любви после всего, что сделала.

— Может, не сейчас. Потребуется время, чтобы раны затянулись, но оно придет, когда ты будешь достаточно сильной.

Я достаточно умна, чтобы понимать, что раны не затянутся, но я киваю и изображаю небольшую улыбку, прежде чем встаю.

— Мне нужно снять эту мокрую одежду, — говорю я и покидаю комнату.

После горячего душа, я забочусь о порезах на своих руках и потом задаюсь вопросом, почему я даже не задумалась это сделать, когда вынимаю бутылку со снотворным из сумки с туалетными принадлежностями. Я продолжаю желать хоть какое—то освобождение, какой—то комфорт, но это было здесь все время. Прямо в этой бутылочке.

Какой смысл в жизни, когда она не имеет ничего, кроме гнусной ненависти?

Мое тело немеет. В этот момент я ничего не чувствую, когда обдумываю свое освобождение. Я больше ничего не хочу от этой жизни. Я никогда не захочу ее.

Я выхожу из своего тела, стою рядом с жалкой женщиной, чьи кости в данный момент выступают через бесцветную кожу, потому что она отказывается заботиться о себе. Я смотрю на нее, медленно увядающую. Она перестает перекатывать бутылку с таблетками в руке и смотрит на нее, прежде чем открывает крышку.

— *Сделай это,* — призываю я. — *Освободи себя от страданий.*

Я знаю, что она меня слышит, когда грациозно двигается, вытаскивая таблетки на свою ладонь, и затем поднимает голову и осматривает комнату, ничего особенно не замечая.

— *Просто сделай это, Элизабет. Все, чего ты хочешь, ждет тебя. Все они ждут тебя.*

И затем она делает это, подносит руку ко рту, заглатывает таблетки и делает большой глоток воды из стакана с прикроватной тумбочки. Я иду к ней, когда она ложится на кровать, и провожу рукой по ее волосам, успокаиваю ее как родитель ребенка. Я знаю ее тягу к нежной привязанности. Она выглядит умиротворенной в тишине комнаты, мягкое ритмичное дыхание. Я замечаю, что слезы собираются в ее голубых глазах, но она не плачет, и я знаю, что она готова.

— Я просто больше не могу это делать, — она шепчет себе и закрывает глаза, когда перестает бороться.

Порой, для некоторых людей, сказка существует только в смерти.

Открыв глаза и обнаружив себя в той же комнате, в которой отключилась, провалившись в сон, я рассмеялась от того, насколько жалкой я была. Я даже не могла покончить с собой; вместо этого я просто заснула. Но я все еще здесь, меня приветствует новый день после провальной попытки суицида.

Все внутри меня было скованно, но все же мое тело продолжало двигаться.

Как вы думаете, возможно ли чувствовать, не испытывая эмоций?

Возможно, и я живое тому доказательство.

Я отстраненно выполняю все те же действия, что выполняла накануне, перед тем как снова оказалась около Брансуик Хилл. Я провела здесь множество часов, сидя перед воротами и оплакивая мою потерянную любовь.

И на следующий день я вернулась.

И днем позже.

И на следующий день после того дня я снова обнаружила себя там.

И даже после того дня я снова очутилась там же.

Я отказываюсь ломать жалкий установленный порядок привычных действий, потому что насколько бы расстроенной я себя ни чувствовала, будучи в особняке, это позволяет мне чувствовать связь с Декланом. А мне нужна эта связь, потому что больше ничего меня здесь не держит. Именно по этой причине я все еще цепляюсь за неудавшуюся сказку, которой никогда не суждено воплотиться в реальность.

Уже на протяжении недели я прихожу сюда на целый день, рыдая, умоляя, вымаливая у Господа возможность вернуть его обратно, потому что я до конца так и не осознала, что он умер, покинул меня. Теперь Айла смотрит на меня с жалостью каждый вечер, когда я возвращаюсь в гостиницу, чтобы принять душ и отдохнуть. Мы не очень много общаемся, но это исключительно по моей вине. Я позволила стене, которую я выстраивала всю свою сознательную жизнь, рухнуть, и теперь я ощущаю всем существом, что никогда, за всю свою жизнь, я не чувствовала себя настолько слабой и жалкой, как сейчас. Даже когда меня насиловал мой брат, когда я была ребенком. Или же когда я, связанная, была заперта в шкафу на протяжении многих дней.

Нет.

Это намного хуже.

Я еду в полной тишине по Абботсфорд—роуд, и когда уже была готова повернуть, я быстро сбрасываю скорость, потому что вижу, как машина новых владельцев дома подъезжает к воротам. Они не были там с того момента, как я стала появляться у ворот особняка. Холодок пробегает по моему телу, когда я проезжаю мимо ворот и следую по извилистому серпантину дороги, пока моя машина не скрывается из виду. Я едва соображаю, что вообще происходит, поэтому, повинувшись движениям моего тела, быстро паркуюсь и выскакиваю из машины.

Направляясь обратно к воротам, я замечаю включенные задние габаритные фары внедорожника, именно в тот момент, когда он въезжает на частную территорию, и ускоряю свой шаг, чтобы успеть проскользнуть мимо ворот, пока они не закроются.

Отчаянное любопытство разбирает меня, но тут замешано и немного больше. Это чувство собственности, меня одолевает ощущение, что это место принадлежит мне, когда—то так и было, но время было не на моей стороне. Оно и до сих пор не на моей.

Я шагаю с подъездной дорожки напрямик в снег, что покрывает ровным слоем землю. Я останавливаюсь позади деревьев, чтобы оставаться незамеченной и начать обследовать территорию. Крутые изгибы холмов покрыты кустарниками и деревьями, с которыми холодная погода распорядилась жестоко, истребив любое проявление жизни на их ветках, оставляя их неприкаянно стоять обнаженными. Если я прикрою глаза, то мне видится пышная зелень и разнообразные яркие цветы, которые могли бы вернуться к жизни, если бы теплое, ласковое солнце приласкало их своими лучами. Но красота все еще проглядывается, она не исчезла. Все выглядит чистым и нетронутым, лишь слегка припорошено свежим, рыхлым снегом.

Обращая свой взгляд вверх, я вижу, что дом возвышается на вершине холма. Мое сердце камнем ухает вниз, когда я рассматриваю через деревья каменную кладку того места, которое должно было быть моим. Я продолжаю пробираться дальше, бесцельно блуждая, когда внезапно обнаруживаю крошечный, искусственный ручеек, слегка присыпанный гравием, который тянется и спускается с одного из холмов. Этот маленький крошечный водоем покрыт замерзшей водой, и у самого основания, где смыкается искусственное озеро, стоит небольшая деревянная скамейка.

Чувство осознания жестко обрушивается на меня...

Медленно оглядывая окружающую меня обстановку, которая располагается в этом восхитительном по красоте месте, я, наконец, понимаю, что оно так похоже на то место, в котором я провела в мечтах всю свою жизнь. Маленький лес. Волшебный лес Карнеги. Эта мысль внушает мне приятное, обволакивающее чувство комфорта, но вместе с этим мне в грудь будто вонзается острый нож, потому что сейчас я ощущаю чувство потери гораздо сильнее.

Время проходит, пока я исследую территорию, полностью погруженная в свои фантазии, что могли бы быть и моими воспоминаниями. Когда я подхожу ближе к вершине холма, я могу хорошо рассмотреть сквозь переплетающиеся ветки деревьев переднюю часть дома. Этот особняк не похож ни на один из тех, что я видела раньше. Он величественный и обладает своим стилем, украшен большими кусками камня, и высотой в три этажа. Огромный многоярусный фонтан расположен в центре кольцевой подъездной дорожки. Он укутан легким снегом, но это не умаляет его красоты.

По периметру дома расположены кустарники, но в "живой изгороди" есть зазоры, и на земле видны ямы от выкорчеванных кустарников, скорее всего, их уничтожил мороз. Все смотрится прекрасно и ухоженно, за исключением двух недостающих кустов. Я делаю пару шагов, пытаюсь рассмотреть здание, которое расположено немного в стороне от дома, когда меня настигает звук закрывающейся двери. Я быстро разворачиваюсь и слегка пошатываюсь, пробираясь глубже в лесопосадку, чтобы суметь вовремя спрятаться.

Машина заводится.

— Проклятье, — бормочу я себе под нос, и я прекрасно знаю, что необходимо быстро добраться обратно до ворот, и при этом остаться незамеченной.

Я вижу, как черный внедорожник едет вниз по подъездной дорожке, и я со всех ног несусь к воротам, пытаюсь сохранять равновесие и не упасть. Нет никакого гребанного шанса, что я смогу перебраться через стену, если ворота закроются, отрезая мне путь к выходу. Но на моем пути столько преград в виде скрытых заледенелых участков, что таятся под покровом снега, которые я стараюсь обходить, но они очень замедляют мою скорость.

Хватаясь за стволы деревьев, я стараюсь изо всех сил поддерживать равновесие, пока спускаюсь, но затем я замечаю краем глаза, что джип останавливается, и я, затопленная чувством паники, со всех ног бегу к своей машине. Когда я поворачиваю голову назад, пытаюсь присесть, чтобы пробраться под массивной веткой дерева, которая очень низко нависает над

землей, я спотыкаюсь. Мой ботинок цепляется за кусок льда, что покрыт снегом, и я теряю равновесие. Пытаясь сделать большой шаг, чтобы восстановить ускользающее от меня равновесие, я практически проезжаю пару шагов, сильно поскользываясь, затем падаю на землю, ударяясь животом. Мои ладони саднят от боли, когда я пытаюсь хоть как-то остановить свое падение или сделать его менее болезненным.

Не желая быть пойманной за проникновение на частную территорию, я пытаюсь сделать все возможное, чтобы подняться на ноги.

— Эй, — кричит мне мужчина, но мое колотящееся сердце заглушает все крики, потому что его громкий стук раздается в моих ушах.

Я замедляю свой шаг и останавливаюсь, проклиная себя за то, что повела себя настолько глупо. В тот момент, когда я поворачиваюсь к нему лицом, дверь машины открывается, и когда мужчина выходит, мои легкие наполняются до предела кислородом. В один момент все, над чем я так упорно трудилась, чтобы поддержать себя на плаву, исчезает, наряду с болью, я резко вскидываю руки и прикрываю ладонями рот, поглощенная чрезмерным восторгом и шоком от происходящего.

О, боже мой.

Смятение, страх и беспокойство растекается по венам.

Все буквально останавливается.

Время замирает.

Я не могу двигаться, не могу моргать, не могу дышать.

Я рассматриваю его фигуру, пока секунды пробегают между нами.

Это нереально. Ты слишком долго просидела на холоде. Ты расстроена, и у тебя галлюцинации, Элизабет. Это нереально.

Но он двигается.

Он жив! О спасибо Боже, он жив... но как?

Что-то похожее на крик срывается с моих губ. Я не могу остановить улыбку, которая расцветает на моих губах, которые спрятаны за моими руками, и я готова бежать за ним. Он жив и стоит на земле, а не похоронен глубоко под ней, как я думала. Он невредим и прекрасен, и мне нужно укрыть его своим теплом, так же, как и чтобы он накрыл меня своим. Чтобы излечить эти страдания, которые вгрызлись в мою плоть, напрямую в каждую клеточку моего тела.

Я делаю вдох, когда он делает шаг от своего внедорожника.

— Что, мать твою, ты тут делаешь?

Я опускаю руки, определенно ошарашенная его грубым тоном, который убивает надежды, только что возрожденные в моем сердце.

— Ты настоящий? — спрашиваю я, но мои слова едва слышны под моим тяжелым дыханием. Мой пульс бешено стучит, и я даже не уверена, что то, что я вижу — реальность.

— Ты оставила меня умирать, ты, подлая сука!

— Нет!

Нет!!!

Мои мысли несутся вперед, пытаюсь защититься, убрать эту ненависть из его взгляда. Его слова отравляют меня.

— Ты врал! — его слова выскальзывают так быстро, как и гнев, который закипает в нем.

— Нет! — я цепляюсь за это слово, и, кажется, не могу найти никаких других в состоянии шока. Я хочу вновь спросить его, настоящий ли он, но яд, который льется из его рта, пугает меня.

— Ты тварь!

— Нет, погоди! Все было не т...

— А как тогда? А? Расскажи мне, как все было, *Нина*? — понимающая улыбка растягивает его губы — злобная улыбка — когда он делает шаг ко мне, но остается слишком далеко, чтобы я могла прикоснуться к нему. — Или *Элизабет*? Кто ты, черт тебя подери?

— Я не знаю, — бормочу я пристыженно и продолжаю: — Я не знаю, кто я. Я очень давно не была собой. — Мои слова подобно ножу вырезают по кусочку моей плоти. Становится дико больно, когда я произношу признание. — Единственное, что я знаю, что я *твоя*.

— Скажи еще мне, что я не был твоей игрушкой!

— Этого никогда не должно было произойти. Деклан. Пожалуйста...

— Что именно? Что ты превратила меня в убийцу? Разве не таков был твой план?

— Я люблю тебя. Пожалуйста. Ты должен понять, — молю я.

Через три быстрых шага его руки на мне, сжимают мои плечи, разворачивая меня по кругу, словно я ничего не вешу, яростно впечатывая меня в дверь его машины.

Я могу чувствовать его запах, и внезапно, больше нет боли. Его пальцы впиваются в мою плоть, мгновенно оставляя синяки, и это ощущается как поцелуи на моей коже. Он дергает меня ближе к себе, прежде чем снова ударяет о машину, шипя сквозь стиснутые зубы:

— Ты больная сука. Ничего кроме уличной шлюхи. — Он делает глубокий вдох, и затем добавляет: — Это верно. Я все знаю о тебе и об этом мудаке, который был с тобой.

— Это не должно было закончиться так, — говорю я убедительно. — Я влюбилась в тебя.

— Закончится как? А?

— Так как это закончилось.

Его руки опускаются с моих плеч, и прежде чем я понимаю это, он оборачивает свою руку вокруг моей шеи, прижимая меня к внедорожнику, и я смакую тепло его тела напротив меня.

— Я убил твоего мужа, — рычит он. Его дыхание опалает мое лицо.

— Я не хотела этого, — я начинаю задыхаться.

— Чего же ты тогда хотела?

Смотрю в его глаза, они размыты из—за моих слез, которые хлынули, когда я говорю ему:

— Тебя.

— Я должен был убить *тебя*.

Мои руки хватаются за его запястья, из—за чего он усиливает хватку на моем горле.

— Сделай это. — Мои слова — предложение искупления. — Я потеряла все, и из всего этого ты единственный, ради которого я бы отказалась от всего, только ради одного последнего прикосновения. — Его хватка слабеет, но рука крепко возвращается на место, и когда я смотрю, как наши вдохи объединяются в небольшие клубы пара между нашими губами, реальность обрушивается на меня.

Боже мой, он жив.

Выпуская его запястье, я поднимаю руку и провожу по его челюсти, покрытой щетиной, и комфорт прикосновения разрывает меня полностью. Отвратительное рыдание вырывается из моего кровоточащего сердца. Я хочу заползти к нему под кожу и утопиться в его крови. Я хочу плавать в его костном мозге.

— Не прикасайся ко мне, мать твою, — рычит он, отцепляя мои руки от себя.

Я в беспорядке, не в состоянии сдержать свои эмоции, когда они выливаются из меня.

— Я думала, ты мертв. Неделями я оплакивала тебя ...

— Убирайся к черту с моей территории, сука.

Его слова как пощечина. Я не должна быть ошеломлена ими, но резкость в его тоне поражает, и я быстро закрываю рот. Затем он хватает меня за подбородок, когда смотрит на меня сверху вниз, и я не узнаю дьявола в его взгляде.

— Ты не больше чем просто кусок мусора. Поэтому, пошла на хер. Я покончил с тобой, поняла?

— Пожалуйста... не....

— Кивни своей маленькой головкой и скажи мне, что ты поняла.

Желание объяснить ему все такое же сильное, но я знаю, что он не сможет услышать меня с такой ненавистью, которая в нем есть прямо сейчас, поэтому я подчиняюсь и киваю.

— Я понимаю.

Он отпускает меня, не смотря на меня, и снова разворачивается, чтобы сесть в свой внедорожник. Я смотрю на его красивое лицо через лобовое стекло. Я не отрываю глаз от него, и это убивает, знать, что я должна сделать это. Он метает в меня кинжалы взглядом, и я чувствую, как слезы бегут по моим щекам.

— Мне так жаль, — говорю я, хотя знаю, что он не слышит меня, и затем поворачиваюсь спиной к своему принцу, которого я так эгоистично превратила в этого монстра.

Я в замешательстве ухожу. Миллионы ощущений и реакций, и я понятия не имею, за какую ухватиться. Я не знаю, как начать осознавать тот факт, что я только что видела своего ангела смерти во плоти. Я чувствовала его тепло, его запах, слышала его.

Это было реально.

Я вижу Пика все время, даже говорю с ним. Но никогда не ощущаю его запах, прикосновения. Как будто я знаю разницу между галлюцинациями и реальностью. Но это реально. Он жив, но какой ценой? Он не похож на Деклана, которого я знала. Тот мужчина был суров, но в нем был свет, который просачивался через его изумрудные глаза. Но этот Деклан... он суровый и холодный, и все это моя вина. Я знала, что толкнуть его на убийство Беннетта разрушит его, изменит, заберет его чистый дух.

Он выглядел таким изможденным, его тело стало более худым, цвет кожи более тусклым. Я изнемогала от желания коснуться его, попробовать его, заставить его увидеть, что все это ужасная ошибка. Что его любовь была моей спасительной благодатью. Заставить его понять, что все изменилось, и изменилось из—за честности, которая, я не знала, живет внутри меня.

Как я должна жить в одном с ним мире, когда он так сильно меня ненавидит?

Как мне исправить ошибки своего прошлого?

Как мне найти надежду, что стоит жить, когда моя единственная надежда скорее мертва, чем жива.

Мучения — глубокий колодец, в который я окунаюсь каждый день. Он полностью поглощает меня, когда погружаюсь под поверхность, я чувствую, как боль проникает под ветхие покровы кожи, просачиваясь сквозь мое тело. Это sneдает, поглощает и обосновывается внутри, и я могу ощущать каждую каплю мучительных страданий.

Черный — это цвет, которым окрашен мой внутренний мир. Раньше Деклан окрашивал меня множеством ярких цветов, но это было, когда он любил меня за притворство, за то, кем я не была. Я больная женщина. Обман четко обрисовывает мою гнилую душу, и теперь он может видеть меня такой, какой я являюсь на самом деле.

Как я могла разрушить такого замечательного мужчину, как Деклан?

Он был таким хорошим человеком, любящим женщиной. Его прикосновения ко мне были нежными и заботливыми. Но теперь, понаблюдав за ним на протяжении пары дней, я знаю, он изменился. Жестокий и наполненный ядом. Но хуже всего осознавать, что именно я сделала его таким. Я — причина его изменений. Я прикоснулась к нему и превратила в монстра.

Но даже несмотря на то, что он монстр, я желаю его. Я приму его любимым, каким бы он ни был, потому что я благодарна за то, что он жив. За то, что Пик не убил его. Радость и чувство блаженства каким-то образом озаряют ярким светом мое ледяное сердце и дают причину радоваться его жизни.

Куда же мне теперь идти? Что мне делать, когда я понимаю, что все чего хочу я — не хочет он?

Еще одно прикосновение, поцелуй, возможность почувствовать его запах, его вкус. Но когда я это получу, я прекрасно понимаю, что захочу снова. Мне никогда не будет достаточно, никогда не смогу утолить свой ненасытный голод по отношению к нему. Моя душа изголодалась по нему, и он — мой дар.

Я хочу вылизать его своим языком, даруя ему любовь в каждом прикосновении.

Я нахожусь в одиночестве, здесь есть кровать и завтрак, в комнате, которую я привыкла называть домом с того момента, как я сюда въехала. На данный момент я слишком напугана, чтобы возвращаться в Брансуик Хилл, потому что я боюсь того, что меня там может ждать. Деклан не из тех мужчин, которых можно к чему-то подтолкнуть. Он отлично себя контролирует, поэтому единственным возможным вариантом для меня является сохранять определенную дистанцию, если я не хочу спровоцировать его. А я не хочу. Я отчаянно желаю показать ему, что не все было ложью, я стремлюсь доказать ему, что моя любовь к нему — это настоящее чувство и что у меня нет никакого намерения уничтожить его, поэтому я буду добиваться этого любимым способом. Мне так нужно, чтобы он знал, что я так хотела — и сейчас хочу — чувствовать и понимать то, что у него на сердце.

Постепенно пролетают часы, пока я сижу, пялясь в окно на покрытые снегом холмы, и гадаю, чем занимается сейчас мой любимый. Довольно странное ощущение — существовать в мире, где он жив, и не знать, не быть частью его мира, когда в прошлом мы были так тесно переплетены друг с другом. Он был частью меня — и до сих пор является. Он существует во мне. Я могу ощущать в моих костях то, как он дышит во мне, насыщает меня жизнью.

Он — все, ради чего я должна жить.

С каждой минутой мое беспокойство и нетерпение увеличивается, я ощущаю себя словно зверь в клетке. Я хватаю свое пальто и шарф и направляюсь к машине. Когда я еду по чистым улицам, я, даже не задумываясь, поворачиваю на Абботсфорд роуд. Это все что я знаю в этом городе, это все чего я так желаю. Я убеждаю себя, что не задержусь там надолго, что просто

проеду мимо, что взгляну на особняк только одним глазком. Но когда я въезжаю в крутой поворот, я постепенно замедляю ход и останавливаюсь.

Был ли это сон? А может галлюцинации?

Смотря на ворота, я гадаю, правда ли я была по ту сторону.

А может я желала этого настолько сильно, что придумала себе все это?

Я прекрасно понимаю, что не должна быть здесь. Я также прекрасно знаю, что то, что я сделала с ним, было омерзительно, и поверьте, от того, что я вижу это, мне становится еще хуже. Я всей душой желаю дать ему пространство, желаю соблюдать дистанцию между нами, потому что чувствую, что именно этого он и хочет. Но я слишком эгоистична. Я слишком сильно хочу его, и сейчас, понимая, что я нахожусь здесь, энергия переполняет и бушует во мне. Я хочу перепрыгнуть через эту стену, взобраться на холм к его входной двери, выломать ее, пронестись по его владениям, чтобы найти его, прижать к себе, обнять, прикоснуться к нему, и даже если он будет сопротивляться, притянуть к себе силой, как животное, каким я и являюсь.

Дрожь ощущается на кончиках пальцев, переходя в руки и плавно растекаясь по ним.

Я не могла сидеть спокойно.

Выскакиваю из машины и подбегаю к воротам, хватаюсь за прутья, затем трясу их и кричу во весь голос:

— Деклан! Пожалуйста, позволь мне поговорить с тобой! Деклан, пожалуйста!

Мой голос напрягается, когда я умоляю и упрашиваю его. Слезы начинают струиться по моим щекам, когда я выкрикиваю его имя, потому что одно ощущение его имени на моем языке сродни его поцелуям на моих губах. Поэтому я начинаю кричать еще громче, заявляя о своей любви, мой голос раздается пронзительным, болезненным криком, когда я выкрикиваю: «Деклан!» снова и снова, и еще много раз подряд.

Я не останавливаюсь — я не могу.

Я ничто без него. Я умру без него. Он должен простить меня. Просто должен. Я не смогу жить, если он будет ненавидеть меня. Поэтому я борюсь с этими воротами, кричу и плачу, падая на колени — полностью сломленная.

Я слабею, и мой голос замолкает, пока я пытаюсь отдышаться, успокаивая бешено колотящееся сердце. Опустив голову, я реву, пока влажность от земли просачивается сквозь ткань моих штанов.

Я пугаюсь и подскакиваю, когда ворота начинают открываться. Я поворачиваюсь и вижу, как черный внедорожник Мерседес, тот же на котором он приезжал в прошлый раз, движется по дороге. Отчаянно желая поговорить с ним, я встаю посреди дороги, блокируя въезд. Он замедляется и останавливается, эмоции сокрушают меня, положив замерзшие руки на капот машины, я молю.

— Деклан, пожалуйста. Пожалуйста, позволь поговорить с тобой. Я люблю тебя, Деклан.

Мои слова вылетают, смешиваясь с диким плачем, когда я смотрю на него сквозь лобовое стекло. Машина дергается под моими ладонями, когда он ставит ее на «парковочную блокировку» и открывает дверцу. Угрожающий взгляд вновь приветствует меня, но я неистово желаю его внимания.

— Деклан, пожалуйста, просто позволь мне поговорить с тобой.

— Думал, ты поняла, что я не хочу, чтобы ты возвращалась, — выплевывает он со своим сильным акцентом, останавливаясь передо мной.

Быстрым движением он хватается за мои руки в обе стороны. Я не успеваю отреагировать, и Деклан тащит меня к моей машине, пока я кричу.

— Пожалуйста, остановись. Дай мне пару минут, чтобы все объяснить.

— Вероятно, нет ни одной гребаной херни, которую ты могла бы сказать мне.

Затем он дергает меня так, чтобы я была к нему спиной, и резко толкает меня к машине, выбивая воздух из моих легких, и прижимает меня. Пока одной рукой он держит обе мои руки за спиной, другой он прижимает к капоту мою щеку, которую покалывает от холода. Его тело нависает над моим, а его дыхание согревает мое ухо, когда он шипит в него:

— Если ты еще не поняла, я, мать твою, ненавижу тебя.

— Ты не имеешь это в виду, — шепчу я, беся его сильнее, он хватает охапку моих волос и резко тянет мою голову назад. Моя шея вытягивается, искры боли простреливают сквозь сухожилия, и корни волос выдергиваются из скальпа, вынуждая кожу головы буквально пылать от боли. Я кричу, но он не отпускает меня.

— Да у тебя есть яйца, дорогая. Пришла сюда, зная, что одного звонка достаточно, чтобы тебя арестовали и экстрадировали.

— Почему тогда ты еще не сделал этого? — спрашиваю я, сквозь стиснутые зубы, и он тянет сильнее, вырывая еще больше волос из головы. Ловя воздух от дикой боли, я довожу его до края. — Скажи мне, почему.

— Думаешь, это потому что я забочусь о тебе? Ты, черт подери, сумасшедшая!

— Тогда почему?

— Потому что один взгляд на твое лицо вызывает желание убить тебя. Я думал, что ты умная и уедешь, и никогда не вернешься, но все же ты еще здесь, — говорит он.

— Ты не причинишь мне боль.

Внезапная сила его руки шокирует меня, и я кричу в чистой агонии. Моя рука подлетает к затылку, дрожа, когда я прикасаюсь к голой плоти. Слезы падают из глаз, и когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, он держит в руках клочок моих волос. Я чувствую, как кровь течет по задней части моей шеи. Он смотрит — равнодушно — пока мое тело мучается от боли, но я всю свою жизнь справлялась с болью и издевательствами. Меня били, пороли, привязывали на несколько дней, и единственное, что я поняла — физическая боль терпима, в отличие от душевной.

Синяки исчезают. Кровь высыхает. Раны заживают.

Сделав глубокий вдох, я вытягиваю руки перед собой, и они все в крови.

— Ты не причинишь мне боль, — повторяю я, и вот тогда я вижу мучения в его глазах. Нет сомнения, что он в ярости, но есть пустота — пустота, к которой он не привык.

— Ты высосала всю жизнь из меня. Мне больше нет до тебя дела, — говорит он, а затем бросает клочок моих волос на землю. — Я клянусь, что всажу пулю тебе в голову.

Я позволяю ему уйти, не сказав ничего, когда он поворачивается к своей машине. Я прикусываю язык, зная, что сделаю только хуже, если заговорю. Я дам ему отсрочку, но не отступлю. Я найду способ поговорить с ним, чтобы все объяснить. В прошлом я столько раз манипулировала, чтобы избавиться от препятствий, и смогу сделать это снова.

После того как вижу, что он проезжает мимо меня, и ворота закрываются, я иду к обочине дороги и загребаю в руку пригоршню снега. Мое тело напрягается, готовясь к боли, и мои руки дрожат, когда я тянусь назад. Вздрагивая, я прикладываю снег к своей кровоточащей голове, и шиплю от жжения.

Я беру еще снега и прикладываю к своей ране, и когда мое тело перестает трястись и цепенеет, я сажусь в машину и уезжаю.

— Что случилось? — резко спрашивает Айла, когда я поднимаюсь вверх по лестнице.

— Извини? — отвечаю я, развернувшись.

Поднимаясь по ступенькам, она выглядит встревоженной.

— Вся твоя спина в крови, милочка.

— Ох, я...

— Что происходит? Ты сама нанесла себе повреждения?

— Нет, — быстро выпаливаю я.

— Тебе нужно позвонить куда—нибудь? В полицию?

— Нет, нет, я в порядке, — защищаюсь я. — Я в порядке.

Ее глаза раздраженно сощуриваются, когда я избегаю ее вопросов.

— Ты не в *порядке*. Или ты мне скажешь, что происходит, или я сама позвоню в полицию.

— Никакой полиции. Пожалуйста, — говорю я ей, решая просто солгать. — Это был глупый несчастный случай. Я поскользнулась на льду и ударилась головой, когда падала.

Она смотрит на меня скептически, прежде чем кивает.

— Ты должна пойти к доктору.

— Если это начнет беспокоить меня, я пойду. Рана выглядит хуже, чем есть на самом деле, — пытаюсь заверить ее я.

Как только оказываюсь в комнате, я иду в ванную, чтобы проверить повреждение. Кровь покрыла мои волосы, и пряди приклеились к ране. Я убираю часть волос с раны, и они отрываются, образуя корочку, из—за чего моя голова снова кровоточит. Я знаю, что должна взять влажное полотенце и очистить себя, но я наслаждаюсь болью. Она отвлекает меня от уничтожения моего сердца.

Страдание внутри меня разрастается, поэтому я продолжаю отрывать корочку, потянув себя за волосы, и концентрируюсь на боли вместо внутренней агонии. Я не могу высвободить ее, но могу замаскировать, я так и делаю. Когда я чувствую, как сочится кровь, то ощущаю эйфорию. Я смакую это сиюминутное отвлечение и наслаждаюсь кровью, которая щекочет мою кожу, когда стекает по шее. Это все на чем я фокусируюсь, когда вздыхаю в облегчении и закрываю глаза.

— Не занимайся херней, заключенный, давай быстрее. У тебя есть пять минут, — говорит надзиратель, которого я подкупил, грубо впихивая мне толчком в грудь одноразовый сотовый телефон.

— Мне нужна сим—карта.

— Я уже позаботился об этом, она в телефоне, — говорит он мне и затем вручает сложенный пополам маленький огрызок бумаги. — Код подтверждения.

Я киваю, и он хмуро говорит:

— Пошевеливайся.

Вбиваю цифры телефона, мне не приходится долго ожидать ответа.

— Алло? — отвечает мой старый друг. Тот самый, которого я привел в жизнь моего сына, чтобы гарантировать, что все мои тылы прикрыты. Человек, который прикидывался преданным только Деклану, но на самом—то деле, он был предан только мне.

— У меня мало времени, — говорю я.

— Как, черт побери, тебе удалось позвонить? Я слышал, что тебя прикрыли.

Меня арестовали прежде, чем я смог вступить в контакт со своим партнером, после того как разузнал все о местонахождении Нины. Сейчас я сижу здесь, в тюрьме Манхеттена, ожидая суда.

— У меня есть свои способы. Короче, у меня нет времени на всякую херню. Мне нужно, чтобы ты перечислил деньги со счета в офшоре напрямую в фонд Деклана.

— Без проблем, — послушно отвечает он.

— Используй его фонд, чтобы отмыть их и выставить максимально чистыми.

— Понял.

— Мне также нужно, чтобы ты присматривал за Декланом. Я хочу, чтобы за ним следили. После стрельбы он вышел из дела, если ты понимаешь, о чем я.

— Парень облажался, Кэл.

— Да, это его проблема, тебе нужно убедиться, что моя проблема под контролем, понял?

— Заканчивай, заключенный, — резко говорит мне охранник.

— Эти деньги должны быть перечислены вчера.

— Я справлюсь с этим, — отвечает он, прежде чем телефон вырывают из моей руки.

ГЛАВА 10
НИНА

С аппетитом поглощая очередные яйца по—шотландски, которые мне не пришлось по вкусу, и потягивая горячий чай, я просматриваю местные Эдинбургские газеты. Прошло уже несколько дней со времени нашей последней стычки с Декланом. После чего я скрылась в своей комнате, рыдая и чувствуя себя абсолютно разбитой и поверженной. Предаваясь размышлениям, что делать, куда идти, и как мне дальше существовать.

Прошлую ночь я провела с Пиком. Он лежал со мной в кровати; мы так давно этого не делали, и я позабыла, насколько это может чувствоваться комфортно. Наконец—то, я могла дышать. Он разговаривал со мной, успокаивал меня, и в тот момент он ощущался таким реальным. Разумом я прекрасно понимаю, что это иллюзия, но мое сердце отказывается это признавать, поэтому мы разговаривали, плакали и, в конце концов, он заставил меня улыбаться.

Когда я проснулась этим утром, его уже не было, но каким—то образом, я все—таки ощущала его присутствие здесь. Я помню, когда мы были детьми, и даже когда жили в ужасных условиях, мне стоило только представить, что он меня обнимает, и я чувствовала себя в полном порядке. В этом плане он просто волшебный. Таким же был и Деклан. Они оба любили и исцеляли меня своими уникальными способами.

Пик напомнил мне о моей силе, а я в ответ показала ему затылок, где Деклан безжалостно вырвал мне клочок волос. Я сказала, что продолжаю отдирать засохшие стружья, чтобы раны кровоточили, что помогает чувствовать себя немного лучше, тем самым доказывая, что я слабая, что я больше не могу справиться с болью, кроме как глушить ее приступом новой. Болью, что мне под силу контролировать и которую использую, чтобы скрыть истинную боль, что живет глубоко во мне. Но он уверял меня, что то, что я делаю, еще раз доказывает, насколько я сильная. И тот факт, что я отказываюсь позволять своим эмоциям контролировать меня и вместо этого стараюсь изо всех сил контролировать их, служит свидетельством моей живучести.

Я решила взять его слова на вооружение и направить их на Деклана. Вместо того чтобы позволить ему контролировать меня и держать на расстоянии, я возьму власть в свои руки, чтобы сделать то, чего я так хочу. Я делала это прежде; смогу и сейчас. Пик прав. Я позволила себе разрушиться и почувствовать, что не представляю собой ровным счетом ничего, но он напомнил мне, что это не так. Я всегда была сильным человеком и личностью. Напомнил мне, что, несмотря на то, что его больше нет рядом со мной, как моей поддержки и помощника, я достаточно сильна, чтобы создать нового.

— Очень приятно видеть, что ты ешь, — говорит Айла, когда выходит из кухни и направляется в столовую, где я сижу.

— Я чувствовала себя немного нехорошо, — извиняюсь я за свое отсутствие.

Она ставит передо мной чашку, в которой находится микс из ягод, и опускает взгляд на журнал, который я просматриваю.

— Я нашла его на кофейном столике, — говорю я. — Я раздумывала над тем, чтобы выбраться из города и отправиться на один день посмотреть страну.

— Ты уже была в Эдинбурге?

— Нет. Я проезжала его, когда только приехала, и остановилась там, чтобы перекусить, а затем приехала сюда.

— Это восхитительный город, — отвечает она и продолжает вести разговор, но ее голос становится тише и постепенно исчезает, когда я переворачиваю страницу.

Она — лишь приглушенный шум, и все, что окружает меня, меркнет, когда я сосредотачиваюсь на глазах, которые смотрят на меня со страниц журнала. Как всегда, с иголки одетый, в костюме—тройке, сшитом на заказ, без галстука, с расстегнутыми верхними пуговицами рубашки. Самым лучшим способом подчеркнута природная вальяжность Деклана. Его лицо не брито на протяжении нескольких дней, и я до сих пор могла ощущать его жесткую щетину у моих губ, когда он целовал меня. Именно так я могла бы ощутить спасительное чувство комфорта, когда провела бы по его челюсти.

Легко опускаю свою вилку на стол, мое сердцебиение замедляется в восхищении и состоянии шока. Я жадно разглядываю и исследую каждую его черточку и морщинку на его лице.

Это когда—то принадлежало мне.

Но больше не принадлежит.

А теперь он ненавидит мое существование, желает мне смерти, упоает и возносит молитвы для того, чтобы это произошло. Но это уходит на задний план, и остается лишь чувство того, как с жестокой лаской прикасались его руки к моему телу. Самые лучшие воспоминания о Деклане берут надо мной верх, и я возвращаюсь к тому моменту, когда его властный взгляд мог сказать столько всего лишь по насыщенности цвета его глаз. Они практически блестели и источали свет, когда его эмоции искрили крайним обожанием, и покрывались поволокой, становясь темного цвета, когда желание и его потребность заявлять права и держать под контролем вырывались на передний план. Этот мужчина создан из непроницаемых слоев, но я была той, кому было позволено проникать в них. Я думаю, что могла бы сказать это и про него, потому что я позволяла ему делать то же самое.

Айла прикасается к моей руке, тем самым вырывая меня из мыслей о моем любимом.

— Ты в порядке?

— Прости, — говорю я, слегка встряхивая головой.

Она кивает на фотографию в журнале.

— Не нужно извинения. С таким—то видом непроизвольно отвлекаешься.

Смеясь, я соглашаюсь.

— Да.

— Он раньше жил в Эдинбурге, до переезда в Америку. Вечный холостяк, вокруг которого крутились девушки.

— Вы знаете его? — спрашиваю я.

— О нем, — уточняет она. — Маккинноны были здесь известной семьей, но произошла трагедия, и они нашли свое успокоение в США. Но недавно, Деклан, сын, вернулся.

— Хмм, — пробормотала я, вроде как беспечно.

— Он живет здесь, в Гала, знаете?

— Что произошло?

Когда она вопросительно смотрит на меня, я проясняю:

— Вы упомянули трагедию.

— Ох, да. Мать Деклана убили в их собственном доме. Кэллум, его отец, вскоре уехал, но Деклан остался в Шотландии на какое—то время. Мне кажется, я читала где—то, что Деклан закончил учебу в университете, затем переехал в Штаты и начал работать в бизнесе с отцом. Они оба жили в Америке, пока Деклан не вернулся сюда.

Я не хочу поправлять ее, рассказывая, что у Деклана с Кэллом разошлись пути, и он делал свое имя в сфере недвижимости сам, но лучше я промолчу, чтобы она не узнала, что я как—то с ним связана.

— Он посещал университет Сент—Эндрюса, в одно время с принцем Уильямом, — восторженно добавляет она, но мне плевать на эти подробности жизни, которыми она так гордится.

Желая остаться наедине с собой, я доедаю яйца и извиняюсь.

— Вы не против, если я возьму это с собой? — спрашиваю я по поводу журнала.

— Конечно, нет.

— Спасибо.

Закрыв двери своей комнаты, я сажусь за стол, который стоит у окна, и открываю статью с фото Деклана. Наедине со своей любовью я пробегаю пальцами по его лицу и притворяюсь, будто оно настоящее. Я закрываю глаза и пытаюсь почувствовать его запах, но в воздухе нет ничего, кроме запаха моего парфюма.

Я смотрю на него и затем начинаю читать статью, к которой относится фото. Я чувствую, как моя улыбка ширится, пока читаю. И когда я узнаю о благотворительном мероприятии, на котором Деклан будет почетным гостем, я понимаю, что это событие, которым мне надо воспользоваться сполна, и я сделаю это. Я продолжаю читать о благотворительных учреждениях, которые поддерживает Деклан.

Я беру на заметку, что мероприятие будет в эту субботу в его альма—матер и начинаю всё планировать.

После того как пару дней назад я прочла статью, я спланировала свою поездку в Эдинбург, но перед этим сделала пару звонков. Фонд, который будет чтить Деклана, и в котором он стал одним из главных спонсоров — тот, что стремится помочь получить образование детям из малоимущих семей. Зная, что на этом мероприятии все взгляды будут обращены к нему, я думаю, что мне представится идеальная возможность, чтобы поговорить с ним. Сомневаюсь, что он устроит сцену, он скорее будет вынужден быть любезным. Ему придется встать и выслушать меня. Поэтому я пошла еще дальше и сделала пожертвование, и солидный чек, который я выписала, гарантирует мне место на мероприятии.

Я стою перед большим зеркалом в комнате отеля, в Сент—Эндрюс, приглаживаю руками кружево моего темно—синего платья. Тонкий материал обволакивает мою крошечную фигурку, едва доставая до пола. Я распустила волосы и уложила их легкими волнами, чтобы скрыть все еще большую рану на задней части головы. Я продолжаю ежедневно раздирать ее, и поэтому она выросла в размере. Я не хочу, чтобы она зажила, потому что это единственная физическая вещь, которая символизирует Деклана. Его подарок мне, созданный его собственными руками. Он дал это мне, и я отказываюсь отпустить это. И он служит множеству целей: это мой грех, мое обезболивающее средство, мой трофей, мое напоминание, мое утешение. Моя любовь, выжженная в моей плоти, и я с радостью обладаю ей.

Когда я довольна своим внешним видом, я поднимаю свое приглашение и палантин, прежде чем направляюсь дальше по вестибюлю. Машина, которую я заказала, уже прибыла, и мое сердце бьется в предвкушении, когда водитель открывает для меня дверь. Я предоставила себе возможность быть уязвимой, с тех пор как очнулась в больнице, истощенная от эмоций, но наконец, я позволила пламени вспыхнуть внутри меня.

Но теперь... теперь настало время сосредоточиться.

Я знаю, чего хочу, и я сделаю что угодно, чтобы заставить Деклана поговорить со мной, услышать мои слова, понять и поверить в нас. Чтобы узнать, что это не было ложью — не все из этого. Чтобы узнать, что я не хотела убивать его, не хотела использовать или предавать его,

но все вышло из—под контроля так быстро, что я была не в силах остановить запущенный механизм.

Когда мы прибываем и проезжаем через ворота Сент—Эндрюского университета, я на мгновение восхищаюсь историческим зданием, его утонченностью. Автомобиль проезжает по бульжной мостовой и замедляется перед зданием, которое украшено простыми фонарями и красной ковровой дорожкой, по бокам которой выстроены фотографии. Это чуждо для меня, что я присутствую на мероприятии одна и не знаю ни единого человека, но я отказываюсь позволить неуверенности сломить меня.

Машина останавливается, и я наблюдаю женщин, раздетых в дизайнерские платья, и мужчин в килтах и шотландских клетчатых разлетаиках. Я тяжело сглатываю, выпрямляюсь и тянусь к руке швейцара, который открывает дверь.

— Мисс, — он приветствует кивком. — К вам присоединится компаньон?

— Нет.

— Могу я сопроводить вас?

— Это было бы прекрасно, — я снисходительно принимаю приглашение.

Я симулирую свою принадлежность к присутствующим, что в высшем обществе соединенного королевства обозначает благосостояние и престиж. Но я хороша в том, что делаю, я скрываю отвращение и всю ту мерзость, из которой я состою, что характеризует меня как отвратительного человека, которым я на самом деле являюсь.

Взяв меня под руку, он представился своим тяжелым акцентом:

— Я Лаклан.

Я поднимаю взгляд на его широкое чисто выбритое лицо и улыбаюсь мужчине около сорока лет с темными волосами, которые отливают серебром. Использую очарование, которое усовершенствовала за время замужества за Беннеттом, я замечаю, флиртуя:

— А где *ваша* спутница?

— Я также один.

— Правда? Это удивляет меня.

— И почему?

— Честно? — я задаю вопрос, поднимая бровь, чтобы симитировать изумление, и когда он улыбается и кивает, я говорю ему: — Вы поразительно привлекательны. Мне трудно поверить, что вы здесь не с маленькой вертихвосткой под рукой.

Он смеется, его смех глубокий, когда он отвечает:

— Ох, но у меня есть прекрасное создание, как вы говорите — *вертихвостка* — под рукой.

Я присоединяюсь к его смеху.

— Элизабет.

— Элизабет?

— Меня зовут Элизабет. И уверяю вас, я не вертихвостка.

ГЛАВА 11
НИНА

Мы с Лакланом выглядим довольными, когда он заводит меня в восхитительный торжественный зал, роскошно украшенный. Комната оформлена в мужском стиле и источает запах богатства и старинных книг, стены выкрашены в цвет красного дерева, и самое лучшее марочное шампанское, которое подается на изысканных антикварных серебряных подносах. Когда официант проходит мимо меня, я беру сияющий фужер с подноса.

— Быстрая реакция на алкогольные напитки. Не терпится выпить? — подраживает Лаклан.

— Мучает жажда, — отвечаю я с улыбкой на губах перед тем, как делаю глоток.

Но мне именно не терпится. Слишком одержима желанием, когда мои глаза осматривают комнату в поисках Деклана, но я вижу лишь незнакомые мне лица.

— Элизабет, — начинает разговор Лаклан, возвращая мое внимание обратно к нему. — Что тебя привело сюда? Я посещаю множество таких вечеров и никогда не видел тебя.

— Я родом из США. Я только недавно приехала и остановилась в Галашильс.

— В Гала? Любопытно. Это достаточно небольшой городок. Большинство из туристов останавливаются в Эдинбурге. У тебя какие—то дела в Гала?

— Мой хороший друг, — говорю я ему. — Он вообще—то должен быть здесь сегодня вечером, Деклан МакКиннон. Ты случайно не видел его?

— Этот мелкий ублюдок? — восклицает он. Должно быть, он замечает мое растерянное выражение лица, поэтому спешит пояснить: — Шотландский юмор, дорогая. Дружеское приветствие.

— Оу.

Я делаю глоток шампанского, когда он добавляет:

— Мы окончили один университет здесь, — затем его речь заглушает объявление, которое какой—то джентльмен произносит в микрофон, о том, что в скором времени будет подан ужин, а пока мы можем насладиться игрой музыкантов и танцами.

Я вновь просматриваю комнату, заполненную множеством людей, которые общаются, выпивают и знакомятся с другими людьми. Голоса в комнате тихие и спокойные, за исключением отрывистых громких мужских комментариев. Голоса окрашены богатым акцентом, я, должно быть, выделяюсь на фоне остальных, когда Лаклан представляет меня некоторым людям, пока все остальные спуют по залу.

Мое внимание немного остывает с течением времени. Лаклан находится со мной всю обеденную церемонию, и в то время, пока он общается с людьми, которые сидят с нами за столом, я, наконец, нахожу взглядом Деклана. Он находится в дальней части комнаты, в баре, с женщиной, которая держится за его руку, пока он разговаривает с несколькими мужчинами.

Я пристально смотрю на него.

Я не могу отвести своих глаз от него. Боже милостивый, он безупречен. Я привыкла видеть его на официальных вечерних приемах, одетого в строгий смокинг, но сейчас он тоже одет не менее формально. В надлежащем черном пиджаке, в красно—черном килте и в соответствующем по цвету красно—черном шотландском пледе, который переброшен через его плечо, и с черной кожаной сумкой с мехом, что красуется низко на его бедрах. Этот мужчина поразительно привлекателен, как и его улыбка, и я желаю оторвать эту девчонку от его руки.

Я замечаю, что он не обращает особого внимания на девушку, пока потягивает выпивку из своего коктейльного бокала, продолжая вести разговор с мужчинами. Я хочу вскочить и побежать к нему, желая находиться в его присутствии, но я прекрасно знаю, какую реакцию получу в ответ. Это то, чего я боюсь, но ожидаю. То, что я ненавижу всей душой, но заслуживаю.

— Что привлекло твой взгляд? — мягко говорит Лаклан.

Я поворачиваюсь к нему и улыбаюсь, отвечая:

— Я нашла своего друга.

— Аа, — он вздыхает, когда замечает Деклана у бара.

Но прежде, чем я успеваю подняться из—за стола, мужчина становится за трибуну, что находится на сцене, и произносит речь, начиная с благодарностей за присутствие на этом вечере. Я замечаю, как Деклан направляется к сцене, пока мужчина продолжает обращаться ко всем присутствующим.

Он так близко, но в то же время так далеко, дальше чем, когда бы то ни было, даже чем, когда мы только познакомились, потому что его ненависть проникла глубоко в его раны. А мое предательство пронзило его еще глубже.

Деклана объявляют, как самого главного спонсора фонда. Его хвалят за долговременную преданность фонду, раздаётся громкий взрыв аплодисментов, когда его приглашают пройти к трибуне, и он поднимается, становясь за нее. Нет сомнений в его скромности. Я вижу это по его выражению лица. Он чувствует, что все внимание к его персоне не заслуженно.

Он произносит слова благодарности, адресованные публике, и я просто плавлюсь от звука его голоса. Его акцент намного легче, чем у остальных присутствующих в комнате, звук его голоса соблазняет меня, в то время как я сижу здесь. Я чувствую себя выставленной напоказ, как если бы люди могли видеть, как мое тело откликается на звук его голоса. В моем животе зарождается ощущение трепета, и сердце ускоряется в манящем волнении. Я так тоскую по этому голосу. Скучаю по его нежным нашептываниям мне на ухо, его властным ревностным словам, что клеймили меня, как его собственность, рычанию, что предшествовало его оргазму. Каждый звук приводил меня в состояние восторга, как это происходит сейчас.

Он выступает с речью о том, как важно детское образование, несмотря на социальные и экономические проблемы, а я продолжаю рассматривать, как он прекрасно смотрится в своем костюме. Я поглощаю каждую частицу человека, которого оплакивала последние пару месяцев. Я, наконец, могу посмотреть на него, пока он не выплевывает свой гнев на меня. Поэтому я растягиваю этот момент, в котором вижу своего старого, уверенного Деклана, говорящего так изящно, я обожаю его улыбку, когда он так добродушно хохочет.

Когда он заканчивает свою речь, он представляет свое щедрое пожертвование президенту фонда и воодушевляет всех остальных вытащить свои чековые книжки и сделать то же самое. За его заслуги его награждают громкими аплодисментами, которые он скромно принимает.

Сойдя со сцены, он пожимает руки многим членам фонда, и пока все взгляды устремлены на него, я знаю, пришел мой черед. Сейчас тот самый момент, когда я могу привлечь его внимание, и он не сможет наброситься на меня.

— Извините, — говорю я тихо Лаклану, пока встаю и кладу салфетку на свое место.

Уставившись на Деклана, я пробираюсь сквозь образовавшуюся толпу людей, которые встают из—за столов и идут общаться и танцевать. Когда я приближаюсь, я замечаю, что женщина, с которой я видела его раньше, вновь рядом с ним. Она высокая — намного выше крошечной меня — с черными волосами, которые уложены в изящный пучок у основания ее шеи. Я быстренько напоминаю себе, что мы с Декланом разделили совсем недавно, и

выпрямляюсь, когда встаю около них. Когда мужчина, который стоит перед Декланом пожимает его руку и отходит, его зеленые глаза расширяются от удивления.

— Деклан, я так рада видеть тебя вновь, — взволнованно мурлычу я, разыгрывая свою роль перед небольшой группкой вокруг него.

Он подражает моему поведению, как я и думала, поскольку он окружен толпой людей. Он вежливо принимает мою протянутую руку и целует меня в щеку.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он, добавив лишь немного резкости в тон, в то время как выражение его лица остается спокойным.

— Ой, ну ты ведь знаешь, как для меня важны благотворительные мероприятия, — поддразниваю я, хихикая. — Я хотела, чтобы мое время в Шотландии прошло с пользой.

— И как надолго ты здесь? Тебе разве не нужно обратно в Штаты?

Наклоняясь к нему ближе, чтобы слышали не все, я шепчу:

— Нет. В данный момент, у меня много свободного времени, если ты понимаешь, о чем я. — Затем я поворачиваюсь к его спутнице, обращаясь к нему и внимательно смотря на нее. — Деклан, она великолепна.

Мои слова, и то, как я произношу их, заставляют ее чувствовать себя не в своей тарелке. Она переступает с ноги на ногу и говорит:

— Простите, не думаю, что мы встречались. Я Давина.

— Рада знакомству.

— А вы?

— Старая знакомая, — встречает Деклан, отвечая за меня, а я, хихикая, добавляю:

— Ну, это скромное описание.

Я вижу, как он напрягается, когда закрывает свой рот, поэтому я быстро выдаю свою просьбу.

— Я надеялась украсть тебя ненадолго. Мне кое—что хотелось бы обсудить с тобой... наедине.

— Сейчас, вероятно, не лучшее время.

— Все нормально, — говорит Давина ему с улыбкой. — Мне все равно нужно подойти к Беатрис.

Улыбаясь Деклану, я выдаю:

— Прекрасно.

Его улыбка натянута, когда он проходит мимо меня и, не смотря мне в глаза, произносит:

— Следуй за мной.

И я следую, стараясь успевать за его быстрым шагом, но, когда замечаю, что он выходит на улицу, подальше от людей, я хватаю его за руку и тяну назад.

— Вот здесь в самый раз.

— Я думал, ты сказала, что хочешь побыть наедине.

— Вот тут наедине в самый раз.

Мне нужна толпа, чтобы убедиться, что он будет держать в узде свои эмоции. Он хмурится и сквозь зубы злобно выплевывает:

— Какого хрена ты здесь делаешь?

— Мне нужно было увидеть тебя, поговорить с тобой, а это единственный способ заставить тебя выслушать меня, оставаясь спокойным.

Сохраняя свой голос тихим, его тон становится резким, когда он говорит:

— Что ты хочешь сказать мне, а? Мне жаль? Это не то, что ты подумал? Прости меня?

Ну, пошла на хер, потому что ничего из этого я не хочу услышать, выходящим из твоего рта.

— Если ты просто позволишь мне рассказать свою версию, я уеду. Если это то, чего ты хочешь, я уеду — исчезну из твоей жизни, и тебе больше не надо будет думать обо мне.

Деклан хватает меня за локоть и притягивает ближе к себе. Его тело так близко к моему, я могу ощущать тепло его крови, пульсирующей по венам.

— Ты думаешь, это так просто? Ты думаешь, я просто могу игнорировать тебя и больше никогда не думать о тебе — женщине, которая обманула меня до такой степени, что я... — он делает паузу на секунду, чтобы убедиться, что никого нет близко, чтобы услышать его следующие слова, — убил человека? Я никогда не смогу избавиться от тебя, потому что ты демон, который живет внутри меня.

Слова глубоко ранят.

Желание упасть на колени и умолять у его ног простить меня проходит через мое тело. Я сделала это с ним. Это я, и груз этой ответственности делает почти невозможным шанс оставаться в живых. Это тянет меня в ад, с которым я боюсь столкнуться.

— Скажи мне, что я могу сделать, — умоляю я. — Потому что я сделаю все для тебя, чтобы хоть как-то загладить вину.

— Уже все сделано. Это случилось и ничего не вернуть, но ты... продолжая неожиданно возникать... ты просто поворачиваешь нож, который воткнула мне в спину.

— Тогда позволь мне исправить это.

— Это была прекрасная речь, — пожилая дама делает комплимент, когда проходит мимо нас.

Деклан быстро благодарит ее и поворачивается ко мне.

— Тебе нужно уйти.

— Нет.

— Боже, ты упрямая.

— Деклан, нет. Я хочу объяснить.

— Не здесь.

— Тогда где?

— Завтра, — предлагает он. — Ты хочешь поговорить в приватной обстановке? Ладно, я позволю тебе это. Приезжай в мой дом, скажи то, что тебе нужно сказать, и затем уезжай.

— Хорошо, — отвечаю я, кивая.

— Я говорю серьезно. Ты покинешь Шотландию. Вернешься домой.

Я продолжаю согласно кивать на его слова и уточняю:

— Тогда завтра?

Его челюсть стиснута.

— Да. А сейчас я хочу, чтобы ты покинула эту вечеринку.

Я так и делаю. Получив то, что хотела, я улыбаюсь, но это не ощущается полной победой по очевидным причинам. Получив свой палантин и клатч, я прощаюсь с Лакланом и благодарю его, что сопровождал меня как мой эскорт. Он предлагает подбросить меня до отеля, но я вежливо отклоняю предложение и принимаю его флиртующий поцелуй моей руки, прежде чем он открывает дверь машины для меня.

— Было приятно познакомиться, Элизабет. Я надеюсь увидеть вас еще, — говорит он мне, и я возвращаю жест, говоря:

— Я тоже надеюсь на это.

ГЛАВА 12
ДЕКЛАН

— Что ты делал с этой женщиной? — спрашиваю я, когда Лаклан подходит ко мне в баре. — Откуда ты знаешь ее?

— Я ее не знаю. Она была одна, и я предложил сопроводить ее. А что такое?

Делая глоток своего скотча, я говорю:

— Я хочу, чтобы ты проследил за ней.

— Кто она такая?

— Просто проследи за ней. Я хочу знать, чем она занимается в течение дня.

Его смешок заставляет меня волноваться, когда он отвечает:

— Так теперь я частный детектив, МакКиннон?

— Ты хочешь работать на кого—то другого? — огрызаюсь я, ставя свой стакан для коктейля на барную стойку слишком резко. Затем повторяю грубым голосом: — Проследи за ней.

ГЛАВА 13
ЭЛИЗАБЕТ

Я не хочу, чтобы со стороны казалось, будто я прикладываю много усилий, поэтому я отдаю предпочтение простоте, надевая черную кашемировую кофту, брюки и ботинки на плоской подошве. Я придаю макияжу естественность при помощи бесцветного блеска для губ. Моя рука нервно подрагивает, когда я наношу на кожу под глазами корректирующее средство, чтобы скрыть явное доказательство бессонницы прошлой ночью.

Когда я покинула вечеринку, я выехала из отеля, поэтому было уже довольно поздно, когда я вернулась обратно к Айле после двухчасовой поездки. Мой разум работал всю ночь, не прекращая свои размышления, меня тревожила предстоящая встреча с Декланом, и я задавалась вопросом, что именно я ему скажу. Часто меня мучает вопрос, что я вообще делаю здесь, в Шотландии. Мой разум в постоянном замешательстве, и я даже не пытаюсь оценить свои действия, потому что это изначально обречено на провал. Все что мне известно, что я нахожусь в состоянии растерянности, и Деклан единственный, кто мне знаком и кого я знаю.

Надеваю куртку кремового цвета длиной до колена и направляюсь к машине. Я замечаю, что увеличиваю скорость, чтобы быстрее добраться до Деклана, но я волнуюсь, потому что совершенно не догадываюсь, как он меня встретит, когда я приеду. С белыми костяшками от того, что сильно сжимаю руль, я делаю пару глубоких вдохов, когда поворачиваю на дорогу, ведущую к дому Деклана, и подъезжаю к воротам. Впервые я тянусь к домофону и нажимаю кнопку вызова на нем. Ответа не следует, но ворота все равно открываются.

Автомобиль неспешно следует по извилистой дороге, сбоку которой расположены покрытые снегом деревья. Когда я достигаю холма, я останавливаюсь напротив того, что должно было стать моей тихой гаванью, куда мы должны были сбежать. Это должен был быть мой дом с Декланом; вместо этого он — моя утраченная любовь, а я — его враг.

Гравий хрустит под моими ногами, когда я выхожу из машины. Я стою на месте, смотря на трехэтажный особняк, который располагается тут в уединение. Величественный и одинокий на вершине холма, и единственный звук, который раздается здесь, это завывающий ветер, что проносится между ветками деревьев, и кружащийся в водовороте снег, что легко слетает с веток. Я перевожу свой взгляд на великолепный фонтан и представляю звук льющейся воды в летнее время.

— Что ты делаешь?

Наконец я поворачиваюсь к дому и вижу Деклана, он стоит у входной двери в сшитых на заказ брюках и рубашке на выпуск, застегнутой на все пуговицы. Мое сердце мгновенно реагирует на него.

— Ничего такого. Просто люблю участок, — бормочу я, направляясь к нему.

Он презрительно смотрит на меня, пока я подхожу к лестнице, что ведет к парадному входу, и когда я втягиваю запах его одеколона, я испытываю сильное желание броситься к нему в объятия. Заставить все это исчезнуть. Отмотать время назад, чтобы сделать все по— другому. Спасти его от падения со скалы, откуда я любезно сбросила его.

Он не произносит ни слова, просто жестом указывает пройти в дом.

Это отнимает практически все мои силы, чтобы суметь устоять на ногах, когда я ступаю в огромный холл. Поднимая взгляд вверх и осматриваясь по сторонам, я замечаю, что все было сделано в изящном, современном стиле, в белых и пастельных тонах. Холл тянется через весь дом, и вы можете видеть сразу же дальнюю часть дома, которая открывает вид на

большое, стеклянное окно, за которым располагается атриум (прим. пер. открытый внутренний дворик).

Я двигаюсь вперёд, в то время как холодная темнота приводит меня в тщательно обставленную гостиную, которая, по—видимому, тоже должна подвергнуться изменениям. Стены гостиной представляют собой множество деревянных старинных полок, на которых расположены сотни и сотни книг. Их так много, что вы можете почувствовать запах страниц и кожаных переплетов. Старинная люстра венчает потолок гостиной, располагаясь над кожаными креслами с высокими спинками и стеганный честерфилдский диван, который был в его кабинете на Норт—Ривер.

Деклан присаживается в центре дивана, не оказывая приветствия, когда произносит:

— Говори то, что хотела сказать.

И внезапно, все, о чем я размышляла прошлой ночью, вылетело из головы. У меня ни единого слова, когда я смотрю на него. Я подхожу ближе, и вместо того чтобы присесть на диван рядом с ним или же на один из стульев, я присаживаюсь на деревянный кофейный столик, что находится перед ним, и когда я делаю так, он наклоняется вперёд и располагает локти на коленях.

Какое—то время мы молча сидим, просто смотрим друг другу в глаза. Мой взгляд наполнен горечью и болью; его — гневным презрением. Предательские слёзы обжигают и покалывают глаза, но я сопротивляюсь изо всех сил, чтобы оставаться стойкой, когда на самом деле, я просто маленькая растерянная, разрушенная девочка, жаждущая уцепиться за спасение, что находится передо мной, и никогда не отпустить.

Одновременно с поверхностными вдохами мои глаза закрываются, выталкивая пару слезинок, что скатываются по моей щеке, и я всхлипываю.

— Мне так жаль.

Я не могу решиться взглянуть на него из—за моего чувства непреодолимой вины за то, что я совершила. Моя голова падает мне на ладони, когда я собираюсь с силами, но не могу найти достаточное количество таковых. Именно в этом все и дело, когда я с Декланом, у него всегда был способ мешать отделять правду от моих эмоций. Он единственный человек, кто смог избавить меня от преграды и заставить меня чувствовать по—настоящему.

Когда я, наконец, открываю глаза, я вижу, что он не двигается. На его лице неизменно сохраняется серьёзное выражение, безучастное к моим слезам.

— Скажи что—нибудь, — шепчу я. — Пожалуйста.

Напряженная складка образовывается вдоль его лба, в его глазах виднеется выражение боли, когда он спрашивает:

— Зачем ты это сделала?

Я обещаю себе, что больше не будет всей этой лжи. Что открою ему чистую правду обо всем. Если это сделает меня в его глазах чудовищем, что, несомненно, так и будет, значит, так тому и быть. Потому что если он собирается осуждать меня, то пусть хотя бы делает это за правду.

— Чтобы отомстить, — произношу я, в конце концов.

— Я хочу правду, — требует он.

— Я вышла за Беннетта с целью уничтожить его, — говорю я и затем делаю паузу, прежде чем добавляю: — Я вышла за него, чтобы убить.

Он громко выдыхает, не веря.

— Какого хрена с тобой не так?

— Я не знаю... я не знаю.

— Почему?

— То, что я рассказала тебе, было ложью. Историю о том, что выросла в Канзасе, и мои родители умерли. Это все было ложью. — Вина достаточно долго гноилась во мне, и я вырываю ее. Мои слова льются как кровь из прозрачной ткани моей души, и я плачу, пока раны разрывает на части. — Я не знаю, как сделать все правильно, но я хочу. Я никогда не думала, что влюблюсь в тебя. — Мои слова выходят сквозь сжатую глотку.

— Скажи мне почему, — выплевывает он. — Что он сделал такого, что ты хотела его смерти?

— Он буквально убил меня. Я хотела отплатить ему.

Деклан стискивает челюсть, и я продолжаю объяснять.

— Я была счастлива... когда была маленькой девочкой, я была счастлива. Я жила с папой, и однажды... — Я захлебываюсь болью от этих слов. — Однажды, его отобрали у меня. Арестовали. Мне было всего пять, когда это произошло. В этом был виноват Беннетт. Моего отца отправили за решетку, а меня в ад.

Я замолкаю, когда больше не могу говорить и просто плачу. Захлебываясь в собственных всхлипах, пока Деклан сидит — холодный мужчина, в глазах которого отражается лишь неверие, смятение и гнев. На него больно смотреть, но я все равно делаю это.

— Я больше ни разу не видела отца, а когда мне было двенадцать, он умер в тюрьме. Его убил какой—то заключенный.

— Какое отношение ко всему этому имел Беннетт? — прерывает он меня.

— Потому что... это долгая история.

Я истощена.

— Ты задолжала мне правду.

— Он... он думал, что мой отец надругался надо мной, но такого не было. Он рассказал своим родителям, и они вызвали службу, чтобы она занялась расследованием. Вместо этого они нашли доказательства, что он торговал оружием, и арестовали его. Я знаю, это звучит ужасно, но он был хорошим человеком, и у меня с ним была хорошая жизнь. — Мой плач становится сильнее. — Он не был плохим, он был идеальным и любил меня, а Беннетт отобрал это все. В секунду, он развел костер, который выжжет все в моей жизни. Этот ублюдок украл мою жизнь!

Качая головой, Деклан бормочет:

— Бессмыслица. Все это какая—то бессмыслица.

— Он виноват во всем, — выдавливаю я, но его ответ резкий, когда он двигается вперед.

— Не имею желания спорить с твоим ненормальным пониманием. Скажи мне... а кем был я?

— Деклан, пожалуйста...

— Скажи мне. Скажи, кем именно был я! — его голос, требующий правду, отражается эхом от стен.

— Поначалу... поначалу ты был пешкой, — признаюсь я.

— Дальше, — призывает он.

— Деклан, ты должен понять, что это изменилось и ...

— Дальше!

— Ладно! — выпаливаю я и затем повторяю тихим, защищающимся тоном: — Ладно. Да, изначально ты был пешкой. Я собиралась использовать тебя, чтобы убить Беннетта.

— Почему не ты сама?

— Потому что я боялась, что меня поймут, если я замараю руки.

Его зубы скрипят, когда он сжимает и разжимает кулаки.

— Мне жаль, — выдыхаю я. — Но, когда я узнала тебя, и мы так легко установили связь, я влюбилась в тебя. Ты заставил меня чувствовать то, что никто другой не способен был

заставить чувствовать. Никто не смотрел на меня так, как ты, — так, как смотрел ты. У меня была тяжелая жизнь...

— Не смей этого делать! Не смей оправдывать свои хреновы поступки жизнью, которая у тебя была!

— Мне нужно, чтобы ты знал, то, что между нами было, мои чувства — было искренним. Я, правда, полюбила тебя. И все еще люблю. Я пыталась найти выход из этой аферы. Я пыталась отказаться от этого, чтобы мы могли быть вместе.

Пощипав перегородку носа, он молчит мгновение, прежде чем говорит:

— Мне нужно узнать кое—что...

— Что угодно, я расскажу тебе что угодно.

— Что было правдой? Беннетт бил тебя, это правда? — его голос напрягается на этих словах, и я ненавижу себя за то, какая я тварь и что должна признать:

— Нет. Беннетт никогда не причинял мне боль.

— Ты гребаная сука! — ревет он.

Я вижу, как глубоко я раню его. Все это написано на его лице и прорезается в его голосе. Он кладет голову на свои сжатые кулаки, качая ее в ужасе.

— Скажи мне, что делать. Скажи мне, — умоляю я, мне нужно, чтобы его боль ушла.

Мне нужно сделать так, чтобы вся эта ситуация просто исчезла.

— Ты не можешь ничего сделать, Нина. — И в момент, когда он говорит мое имя, он морщится, закрывает глаза и затем спрашивает: — Как, черт побери, я должен тебя называть?

Напряжение нарастает между нами, когда мы смотрим друг другу в глаза — полностью уничтоженные. Секунды ощущаются как часы.

И в первый раз, хотя он уже знает это из моего файла, я называю ему свое имя.

— Элизабет Роуз Арчер.

ГЛАВА 14
ДЕКЛАН

— Элизабет Роуз Арчер, — говорит она мне красивые слова, после продолжительного молчания.

Как Дьявол может иметь такое красивое имя?

Я сжимаю свои руки в кулаки настолько сильно, чтобы она не могла видеть, как они дрожат, но увеличивающаяся ярость, что полностью просочилась в мою кровь, держит меня на грани полной потери контроля. Это все что я могу сделать сейчас, чтобы сдержать себя. Эта женщина, которую я любил сравнительно недавно, словно выплескивающийся бензин на мое охваченное огнем сердце.

Ее имя уже было известно мне. Я прочитал его в файле, который нашёл на рабочем столе ее мужа, после того как я выстрелил и убил его. Увидев ее фотографию, покрытую брызгами его крови, я перестал доверять всему миру. Всего пару часов спустя, после того как я добрался домой и углубился в изучения файла, я обнаружил, что был безжалостно обманут. Обманут единственным человеком, который всецело проник в мое сердце. Я никогда никого не любил так, как любил ее. И теперь мне известно, что все это было ложью, гребаным разыгранным обманом, это было больше, чем я мог принять.

Мне прекрасно известно, что я убил невинного человека, и сейчас, когда я слушаю ее ненормальные объяснения, у меня ощущение, что в голове полная путаница. Как я мог быть влюблен в кого—то настолько ненормального, как она?

— Черт возьми, что со мной не так?

— Деклан, пожалуйста. Скажи что—нибудь. Что угодно, — просит ее низкий голос.

Мое тело — это скопление напряженных мышц, которым я не позволял расслабиться из—за страха того, что я могу совершить. Поэтому я держусь неумолимо и отстраненно, когда произношу:

— Так он никогда не делал тебе больно?

— Нет.

— Никогда не относился к тебе жестоко?

— Нет. Беннетт любил меня. Он не знал, кто я на самом деле.

— Тогда как ты получала те синяки? — спрашиваю я, вспоминая, как безобразно она смотрелась, покрытая теми ужасными синяками. Иногда ее кожа была покрыта ранами из—за опухших и кровоточащих участков. Свернувшиеся сгустки крови, которые собирались под ее кожей всегда покрывали ее тело. Это запутывало меня. Гнев и ярость наполняли меня по отношению к человеку, который, как мне казалось, наносил эти побои, заставляли меня испытывать неподдельные мучения за женщину, которую я любил, и насыщали мое тело непреодолимым чувством вины за то, что я был не способен защитить ее. Понимание того, что она выставляла меня подкаблучником, означало то, что она чертовски хорошо крутила мной. И сейчас, сидя здесь, я чувствую себя абсолютным слабаком, которым манипулировал не кто иной, как бездомный уличный подросток.

— Мой брат.

— Брат?

— Он был замешан в этом тоже. Я ходила к нему, чтобы он оставил синяки на моем теле.

— Твой брат тот, кто избивал тебя? Чтобы обмануть меня?

Она пристыженно кивает головой в ответ.

— Господь Всемогущий, ты ненормальная на всю голову...

Я наблюдаю, как ее слезы катятся по ее подбородку, и желаю, чтобы они были кислотой, которой она так коварно заполнила мое сердце.

— Я знаю. Но...

— Просто остановись, — рявкаю я. Я не могу больше вынести этой херни, но она не затыкается.

Ее слова вылетают панически быстро.

— Когда я говорила, что люблю тебя. Когда я говорила эти слова — я говорила правду. Я не хотела использовать тебя. Я хотела выйти из всего этого и оградить тебя от того, что ты должен был сделать.

— Но ты не оградила, так ведь?

— Все так быстро вышло из—под контроля.

— Ты была счастлива? Когда узнала, что Беннетт мертв, ты была счастлива?

— Осознание того, что я подтолкнула тебя на это, разрушило меня, — отвечает она.

— Ответь на мой гребаный вопрос! — кричу я, встаю и плююсь в ее глаза. — Это ошастливило тебя?

Ее тело дрожит, когда она закрывает глаза и шепчет:

— Да.

— Значит, ты получила то, чего так хотела?

— Нет.

— Нет?

Она наклоняет голову назад, чтобы взглянуть на меня, и все мое тело молит ударить ее, выбить из нее все дерьмо, наказать так, чтобы она никогда не забыла. Так, чтобы это оставило ее искалеченной на всю жизнь.

— Нет. Это было не то, чего я хотела. Это не стоило того, чтобы принести тебя в жертву, потому что все чего я хотела в тот момент — это спасти тебя.

Я фыркаю на ее абсурдные слова.

— Ты хотела так сильно спасти меня, что бросила умирать в луже крови?

Ее глаза источают ужас.

— Да—да, дорогуша. Я был в сознании. Я чувствовал тебя, твоё прикосновение и поцелуй. Но хватило лишь того, чтобы тот парень, что выстрелил в меня, произнес: "пошли", чтобы ты бросила меня умирать. Так ты себе представляешь спасение?

— Нет, Деклан, — говорит она сквозь слезы, которые не останавливаются. — Я была напугана. Это все произошло так быстро. Я не понимала, что делала. Я думала, что ты мертв.

Ее слова — выплюнутый яд, и я не могу смотреть в ее лицо без желания ударить его...

— Ты, черт побери, оставила меня там умирать, ты, сука! — рычу я, с силой хватая ее за руку и дергая ее вверх, тряся ее, когда зло говорю: — Твои слова — ложь. Ничего из того, что ты говоришь, не имеет гребаного смысла.

Ярость берет верх, и я теряю контроль, отшвыривая ее тело на пол. Она морщится, тяжело падая на пол. Я перешагиваю, хватаю сучку за свитер и снова дергаю ее с земли и наклоняюсь, смотря в ее лицо. Она не защищается от моих действий, охотно принимает их, так же, как и последние несколько раз, когда я был груб с ней, и я пользуюсь ее покорностью.

Ее руки сжимают мои запястья, когда я поднимаю ее с пола и отшвыриваю от себя.

— Убирайся, на хрен!

— Пожалуйста!

Ее голос пронзает мои уши так резко, что я чувствую, как это разрывает мои кишки. Боль резко отдается в моей голове, и я еще сильнее закипаю, сжимая ее хрупкую шею в своей руке, душа ее. Мое тело горит в костре горя и ярости, когда она цепляется за мою руку, и ее

прикосновения побуждают меня сильнее обхватить ее плоть, сжимая трахею под пальцами, лишая ее воздуха.

Хриплое бульканье — это единственный звук, что она издает, когда ее заполненные слезами глаза смотрят в мои. Они ярко сияют от плача, и мои сухожилия стремятся сжать ее еще сильнее. Так много всего сталкивается внутри меня, я чувствую это в своих зубах, когда сжимаю их, чтобы удержать себя от желания кусать и рвать ее кожу.

Я хочу убить ее. Я хочу наказать ее самым худшим возможным способом, но, когда моя рука начинает сильно трястись, ее рот и глаза внезапно открываются шире, и я ослабляю свою хватку.

Я не могу убить ее.

Она падает к моим ногам, тяжело дыша и кашляя, когда я провожу рукой по волосам.

Что, черт побери, происходит со мной?

Прикосновение ее рук к моей лодыжке привлекло мое внимание. Опустив взгляд на нее, вижу, что она прижалась щекой к моей туфле. Мое дыхание тяжелое, когда эмоции переполняют меня, и в этот момент она поднимает на меня взгляд, сломленная у моих ног, и я говорю свое последнее слово.

— Уходи.

Я отбрасываю ее руки со своей ноги и выхожу из комнаты, оставляя ее, чтобы увести себя подальше отсюда, потому что если я посмотрю на нее еще хоть секунду, я не смогу простить себя за то, что могу сделать.

Эта женщина разрушила меня.

Я гребаный монстр.

Превращенный в нечто неузнаваемое.

И все это было напрасно.

ГЛАВА 15
ЭЛИЗАБЕТ

Косметика скрывает мою исполосованную отметинами шею, когда я осматриваю себя еще раз перед выходом. Мое тело покрыто восхитительными ушибами и струпьями, которые достались мне от мужчины, о котором до сих пор тоскует мое сердце. Когда я смотрю на них, это ощущается как будто он со мной — его прикосновения все еще ощущаются на моем теле.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки и покинуть в тот день его дом. Безнадежность поглотила каждую частичку моего существования — и до сих пор продолжает поглощать. Я была слаба, свернулась клубочком у его ног, издавая рыдания на его до блеска начищенных туфлях, когда он оттолкнул меня ногой прочь и оставил лежать на полу. Мои слова только довели его до предела, когда он окончательно утратил свой контроль. Деклан никогда не терял контроль — он зависит от него, нуждается, чтобы он действовал. Но я могла видеть, как в его глазах плескался хаос, когда они смотрели на меня, пока он меня душил.

Я совершенно не боялась, потому что я бы с великим счастьем приняла смерть от рук моей истинной любви.

Я заказала обратный билет в Чикаго. Я не хотела уезжать, но я так же не хотела больше причинять Деклану боль. Он больше не тот мужчина, которым был, и все по моей вине. Его тепло было утрачено — нет искры, нет света, нет ни частички любви.

Меня ничего не ожидало в Чикаго за исключением моего пентхауса, скрывающего скелеты прошлого. У меня не было дома. Больше меня никто не ждал. Я думаю, что потихоньку прилечу в город, соберу свои вещи и покину страну. Я больше не смогу жить там, потому что я больше не являюсь Ниной. И не имеет значения, куда я решу направиться, эта мысль приводит в состояние полного опустошения. Поэтому я решаю предпринять попытку побега из моей жалкой реальности и направиться в Эдинбург, чтобы в течение дня побродить по городу.

Я веду машину в полной тишине, наблюдая за пейзажем, и внезапно замечаю, что я уже нахожусь в городе. Я ставлю машину, оборачиваю шарф вокруг моей шеи и закутываюсь плотнее в пальто. Я начинаю бродить по площади Грассмаркет с Эдинбургским замком, что возвышается над ней. Вымощенные булыжниками, извилистые улицы заполнены огромным количеством выстроенных в ряд магазинов, которые варьируются от дизайнерских до винтажных. Я приобретаю пару вещей в разных магазинах: мыло, духи, пару туфель, старинное ожерелье, без сомнения выдавшее виды, украшенное очаровательным цветком лотоса. Я даже не знаю, почему я приобрела ожерелье с цветком лотоса, определенно точно зная, что оно принесет мне огромные страдания, когда я буду смотреть на него, но я должна была его приобрести независимо ни от чего. Я приобрела его потому, что я больше совершенно не представляю, чем заняться.

В моем желудке ощущается пустота. Я нахожусь в состоянии постоянного беспокойства, и это моя собственная попытка отвлечь себя. Хотя это так же не имеет никакого смысла, поэтому я нахожу паб, чтобы немного выпить, когда я вхожу в Fiddler's Arms, я в тот же момент направляюсь к бару. Это место в основном заполнено мужчинами, которые пьют легкое пиво и виски. Я вижу свободный стул и занимаю место.

Бармен располагает салфетку для напитка передо мной, говоря:

— Что—нибудь принести?

Бросая быстрый взгляд на ручки ручного насоса для разлива пива, я не узнаю ни одного названия, поэтому я выбираю одно наугад.

— Старопрамен.

Он кивает мне, начиная наполнять кружку, и затем ставит ее передо мной. Я скидываю свое пальто и вешаю его на спинку стула и потом делаю длинный, медленный глоток напитка, надеясь, что оно немного притупит напряжение, что скопилось внутри меня. Я наклоняюсь вперед и прикрываю глаза, сосредотачиваясь на звуках вокруг меня, желая раствориться в них. Когда я открываю глаза, я замечаю знакомый взгляд, что смотрит на меня с противоположной стороны бара.

Усмешка появляется на лице Лаклана, он кивком указывает на свободное место возле меня, в надежде присоединиться, и я улыбаюсь ему небольшой, приглашающей улыбкой.

— Рад видеть тебя здесь, — произносит он, когда подходит и опускается на стул.

— Хотела немного пройтись по магазинам перед моим возвращением домой, — лгу я, и мой желудок скручивает узлами от жалкого обмана.

— Ты возвращаешься в Штаты?

— Да, завтра.

— Короткая поездка, — замечает он.

— Полагаю.

Он делает глоток его виски и ставит стакан на барную стойку, когда говорит:

— Планируешь приехать еще?

— Сомневаюсь, — отвечаю я и делаю еще один глоток.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Лаклана, который внимательно смотрит на меня. Он выглядит представительным мужчиной в брюках, классической рубашке, застегнутой на все пуговицы, сшитом по фигуре спортивном пальто. Его волосы слегка покрыты гелем и уложены, идеально соответствуя остальному образу.

Его глаза продолжают смотреть на меня с мягким выражением.

— Почему ты смотришь на меня так? — интересуюсь я спокойно.

У него занимает некоторое время, чтобы ответить:

— Ты кажешься немного расстроенной.

— Просто устала. Я не очень хорошо сплю.

— Ты внезапно уезжаешь на другой вечер после стычки с Декланом, — заключает он. — Может это имеет отношение к твоему плохому сну?

— Любопытный, — легко подначиваю его с игривой улыбкой.

— Просто наблюдательный.

— Это все?

— Тебе нужно еще? — он легко смеется.

— Ты, что, флиртуешь со мной?

— Сколько тебе? Наверное, моложе меня на двадцать с небольшим?

Я киваю.

— Мужчина вроде меня был бы непроходимым глупцом, если бы не воспользовался возможностью пофлиртовать с такой женщиной, как ты.

— Такой как я? Какой такой? Какая я?

Он делает еще глоток виски и затем наклоняется ближе ко мне, отвечая:

— Великолепная, моя дорогая.

Его флирт ничего не значит, он скорее напоминает забавное подшучивание, поэтому я знаю, он не примет за грубость с моей стороны то, что я начинаю смеяться.

Мы вдвоем делаем еще по глотку, продолжая улыбаться, но внезапно он прекращает свой забавный флирт, когда произносит:

— А если серьезно, точно все в порядке? Похоже, что у вас с Декланом был дольно—
таки странный разговор для вечеринки.

— Просто разбирались с кое—какими делами, вот и все. А ты всегда суешь свой нос куда
не надо? — дразнюсь я.

— Всегда, — парирует он, и мы оба смеемся.

— Ну, по крайней мере, ты честен.

— Могу я спросить кое—что?

Я киваю.

— Что привело тебя в Шотландию?

Я смотрю в его лицо и не замечаю каких—то потаенных мотивов, а просто мужчину,
который хочет честно поболтать. Поэтому я отвечаю:

— Он.

— Он?

— Я приехала повидать Деклана. Я не разговаривала с ним с тех пор, как он покинул
Чикаго, и я... я просто хотела его увидеть.

— Любовники?

— Вновь... суешь нос.

Он ухмыляется на мой ответ.

— А у него их много? — спрашиваю я.

— Будешь ли ты ревновать, если я отвечу "да"?

Вытянув шею, я отвечаю:

— Я не ревную.

— Ты коварная женщина, Элизабет.

— Почему ты так решил?

— Могу сказать из своего опыта, что те женщины, которые не ревнуют, любят свести
счет, — говорит он и затем подмигивает.

— И так ты думаешь обо мне? Что я женщина, желающая отмщения? — шутливо
спрашиваю я, но в душе, правда, желаю знать его мнение обо мне.

— Знаешь, что моя мама всегда говорила мне?

— Что? — смеюсь я.

— Она говорила, что в то время как все люди происходят от обезьян, рыжие происходят
от кошек.

— Так значит, я кошка?

— Хитрая, — подмечает он.

Я качаю головой и фыркаю.

— Ты забыл ответить на мой вопрос.

— Ты имеешь в виду про Деклана?

— Мхм, — хмыкаю я, пока делаю глоток напитка.

— Нет.

— Нет?

— Я знаю Деклана очень давно. С ним всегда на мероприятиях есть женщина, но это все
для картинки, чисто бизнес. Я знаю, что у него была парочка длительных отношений, но ни
одни не зашли далеко. Я думаю, они были больше ради удобства, чем по любви. Деклан очень
закрытый мужчина.

Его слова вынуждают мое чувство вины лишь усилиться, осознавая, что то, что он давал
мне, было для него, вероятно, в первый раз. Его любовь, его сердце, его моменты нежности.
Эта информация еще сильнее разрушает меня.

— Он пронизательный человек в бизнесе, — продолжает Лаклан. — Я лишь могу предположить, что это работает и в его личных отношениях, но тут ты, должно быть, знаешь больше меня.

— Ты хочешь, чтобы я открылась и рассказала все личные моменты, которые знаю о Деклане?

— Он причинил тебе боль?

— Нет, — сухо заявляю я, и когда он бросает на меня свой хитрый взгляд, я бормочу честный ответ: — Я сама себе причинила боль.

Я отказываюсь рассказывать, что также ранила и его. Я не хочу нарушить чье—либо восприятие Деклана как сильного, влиятельного мужчины, каким его все знают.

— Так вы были любовниками?

— Я ненавижу это слово.

— Почему?

Повернувшись лицом к Лаклану, я склоняюсь в сторону, располагая локти на поверхности барной стойки, когда говорю:

— Это поверхностно. Это слово намекает на основание, сексуальные отношения, а не интимность.

— Тебе кто—нибудь говорил, что ты серая?

— А ты хочешь черное и белое? Как будто они существуют. Нет черного и белого, правильного или неправильного, да или нет.

Он поднимает брови в любопытстве, и чтобы облегчить тяжелый настрой, я дразнюсь:

— Ох, да ладно тебе, Лаклан. Уверена, что мужчина твоего возраста должен понимать, что из себя представляет мир.

— Мужчина моего возраста?

— Да, — ответила я, улыбаясь, и затем рассмеялась, добавив: — Старый.

— Старый? Твоя мама говорила тебе об уважении к взрослым?

— У меня никогда не было матери. — Я ловлю себя на том, что слова так легко соскальзывают с моих губ, и я даже не думаю, когда говорю их. Я сразу же сжимаю губы вместе и отворачиваюсь от него.

Он никак не комментирует, и в воздухе повисает беспокойная тишина. Когда я, наконец, поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него, я нахожу на его лице намек на жалость. Это раздражает меня, но я сохраняю вежливость, потому что давайте посмотрим правде в глаза, кроме пожилой леди, у которой я остановилась, это первый настоящий разговор, который был у меня за последнее время.

— Если ты жалеешь меня, то не надо.

Он удивляет меня своей беспечной прямоотой, когда спрашивает:

— Что с ней случилось?

— Ты не ходишь вокруг да около, не так ли?

— Что я теряю? Ты покидаешь Шотландию, мы никогда не увидимся снова.

— Тогда хорошо, — отвечаю я, когда поворачиваюсь к нему лицом, принимая его предложение. Почему, черт побери, это должно меня заботить? Он прав. Я никогда не увижу его снова. — Я не знаю, что случилось с ней. Я ничего не помню о ней, поэтому предполагаю, что она мертва. Всегда были только я и мой отец.

— Ты никогда не спрашивала?

— Мой отец умер, прежде чем я смогла его спросить, — отвечаю я.

— Ты пыталась найти ее?

— Нет.

— Почему?

— Какой смысл? — говорю я, пожимая плечом.

— Тебе не любопытно, откуда ты? Что, если она не мертва, как ты предполагаешь? Что, если она ищет тебя?

И когда он задает последний вопрос, я начинаю размышлять — гипотетически — если эта женщина действительно жива, у нее не было бы шанса найти меня. Я сбежала. Невидимый ребенок. И затем я стала Ниной Вандервол. Как она вообще могла найти меня, когда я сделала это невозможным?

Все, что у меня есть от мамы — это ее старое фото. Некоторое время у меня была привычка много думать о ней, задаваться вопросом, какой бы она была.

— Никогда не поздно, — говорит Лаклан, и я позволяю его словам осесть в моей голове.

Я потеряла все, но что если... что если это не так? Что если есть шанс, что что-то осталось в моей жизни? Стоит ли пытаться найти? Стоит ли верить в надежду, когда мечты рушились бесчисленное количество раз? Выдержу ли я еще одно разочарование?

Вопросы.

У меня их сотни.

Снова смотря на Лаклана, я хочу защитить себя, но я так одинока. Одинокая и нуждающаяся в комфорте, нуждающаяся в причине двигаться дальше. Потому что в моем сегодняшнем положении я начинаю задаваться вопросом, почему я все еще здесь — двигаюсь, дышу, живу.

— Почему тебя так это заботит? — спрашиваю я мужчину, которого не должно это заботить, потому что не заботит меня.

— В тебе что-то есть, — говорит он со всей серьезностью.

— Но ты ничего не знаешь обо мне.

— Это не значит, что я не хочу узнать, — признает он, прежде чем продолжает: — Вся дружба с чего-то начинается. Позволь мне помочь тебе.

Но у меня никогда не было друзей. Я навязывалась в школе, в то время как все надо мной издевались. Пик был моим единственным другом, не только когда я была ребенком, но и когда стала взрослой. И давайте посмотрим правде в лицо, так называемые друзья, которые у меня были, когда я вышла за Беннетта, были просто для галочки.

Поэтому я принимаю его предложение и неохотно соглашаюсь, слегка кивая ему.

— Тогда ладно.

Я собирала свои вещи с того момента, как вернулась из Эдинбурга. Сейчас все мои вещи были готовы к тому, чтобы их отправили обратно в Штат. Я сажусь на пол рядом с кроватью, в которой спала на протяжении нескольких недель, пока жила у Айлы. Мой разум возвращается к разговору, который произошел чуть ранее сегодня. Он был довольно—таки странным. Упоминание моей матери в разговоре — такого никогда не происходит. Эта часть моей жизни еле затрагивается мной. Но сейчас она затронута, и я толком не могу понять, как это произошло.

В детстве было время, когда я скучала по ней. Но та, по кому я скучала, не была реальной; это все было лишь проделками моего воображения. Я никогда не знала, как это ощущается, когда у тебя есть мама. Но больше всего я тосковала и горевала по моему отцу. Но когда Лаклан предложил найти мою маму, я с легкостью согласилась. Я даже не знаю почему. Мое согласие на его предложение вышло неосознанно. Возможно, я просто настолько одинока, что готова ухватиться за все в данный момент.

Ощущение тепла, скользящего по моей шее, прерывает мои размышления, и когда я подношу руку к лицу, то вижу, что она покрыта кровью, а под ногтями виднеются темные корочки струпьев. Затем до меня доходит, что я неосознанно отдирала струпья, которые все еще напоминали мне о Деклане. Рана увеличилась в размере. Я потянулась назад и вонзила свои ногти в податливую, липкую, открытую рану, и пронзительная боль прошла насквозь через мою голову.

И наконец, мой разум свободен от всяких мыслей, и я впадаю в состояние оцепенения.

Мои глаза закрываются, и я опускаю голову вперед, позволяя ей находиться в таком состоянии. Пальцы проворно нащупывают оставшуюся с одной стороны корочку, и я зажимаю ее между ними. Проходит всего мгновение, прежде чем я быстро дергаю ее, отрывая вместе с кожей, из—за чего рана увеличивается чуть больше. Мое сердце покалывает в приятном освобождении. Выдыхая, я чувствую, как густая кровь стекает быстрой струйкой вниз по моей нежной коже на шее.

Момент ликования скрадывает внезапно открывающаяся дверь в комнату, я вижу лицо Деклана, на котором отражается неподдельный ужас.

Я грежу.

Он замирает на мгновение, затем входит в комнату и закрывает позади себя дверь. Я не двигаюсь, поднимая взгляд вверх, полностью ошеломленная.

— Господи, что произошло? — задыхается он, но не смотрит на меня.

Я следую за его взглядом, когда мои глаза останавливаются на руке, лежащей на моих коленях, — она покрыта алой кровью. Его ноги исчезают из поля моего зрения, когда мой взгляд затуманивается из—за вида моих пальцев, что служили оружием, и затем все проходит. Их накрывают теплым, влажным полотенцем.

Прикосновение.

Рука Деклана ловко орудует, когда он нежно прикасается, убирая кровь.

Прикосновение.

Мой сердечный ритм откликается, сменяясь на размеренные удары о мою измученную грудную клетку, постепенно возвращая мне ясность сознания.

Прикосновение.

Больше не озлобленное, не истязующее прикосновение; это просто прикосновение.

Я поднимаю свои глаза к его лицу, на котором воцаряется озадаченное выражение, он переворачивает мою ладонь вверх и затем опять вниз.

— Откуда кровь?

Я не отвечаю, и когда он встречается со мной взглядом, он произносит яростно:

— Нина, откуда кровь?

Не называй меня так.

Боль разрывает меня, когда он называет меня Ниной, сжимает мое горло от разнообразных эмоций. Прикосновение настолько неожиданное, что мое тело прибывает в полной растерянности, не зная, как реагировать. Оно находится в состоянии оцепенения и спокойствия, когда Деклан начинает трогать меня руками, поднимая рукава свитера, в попытке отыскать рану, из которой идет кровь.

Склоняя голову, я полностью растворяюсь в его прикосновениях, и когда его рука находит мой затылок, я полностью расслабляюсь, падая на его колени. Я лежу на полу, словно ребенок, моя голова лежит на его коленях, и я молча смагиваю слезы. Я не знаю, являются ли они слезами печали или же счастья. Все что мне известно — они поддерживают мою молитву, ответом на которую являются его прикосновения, дающие утешение.

Его пальцы действуют нежно, когда он пытается позаботиться обо мне. Я продолжаю лежать, свернувшись в клубок, сжавшись, прося его о милосердии. Его брюки становятся влажными под моими щеками, пропитываясь соленой влагой моих слез.

Если бы желания исполнялись, то это было бы моим желанием. Я хотела бы остаться лежать на его коленях вечно, чтобы никогда не отпускать это чувство, потому что данный момент заключал в себе все. Нежность и любовь. Сейчас я чувствую себя ребенком. Маленькой девочкой, о которой заботится ее отец. И хотя он не приходится мне отцом, каким—то образом внутри него имелись частички этого мужчины. Он даже не догадывался об этом, но мне это было знакомо. Я видела это и чувствовала каждый раз, когда находилась рядом с Декланом. Он заключал все эти качества в себе: любовник, защитник, боец. Он был абсолютной сказкой, и я бы сделала все что угодно, чтобы вернуть ее обратно.

— Что ты делаешь с собой? — раздался его голос надо мной. — Сядь.

Он помогает мне подняться с его коленей, и так мы сидим лицом к лицу, когда он говорит, что делать дальше:

— Подними свои руки, — и когда я поднимаю их, он стягивает с меня свитер.

Кровавое пятно находится в верхней части моего затылка, и он продолжает нежно очищать кровь, затем он видит мои сумки и достает оттуда чистую футболку, и одевает на меня.

Глубоко вздыхая, он присаживается напротив меня, пока я остаюсь сидеть у кровати, немного крови осталось на костяшках его пальцев. Я наблюдаю, как он проводит рукой по своим густым волосам. Я подмечаю каждую деталь: как приподнимается и опадает его грудь при дыхании, как прядь волос беспорядочно падает на его лоб, черты лица, выражающие мучение, его темные ресницы, которые подчеркивают и украшают его зеленые глаза, так пристально следящие за мной.

Дрожащей рукой я тянусь и легко касаюсь его лица кончиками пальцев. Он не двигается и не отстраняется, когда я это делаю, хотя я уже и не думала, что когда—либо смогу сделать это снова. И затем я бормочу свои первые слова, мое беззвучное дыхание в считанные секунды становится хриплым:

— Я думала, что ты умер.

Его горло дергается, когда он тяжело сглатывает.

— Я знаю, что ты так думала, — отвечает он напряженным голосом.

— Твой отец... — Я начинаю говорить, пытаюсь изо всех сил произнести слова. — Он сказал мне...

— Это была ложь.

— Почему?

— Я не хотел, чтобы ты искала меня.

Правда ранит, словно острое лезвие. Но я заслуживаю каждую рану, что оно наносит мне.

— Кожа на твоей голове выглядит по—настоящему ужасно, — подытоживает он. — Почему? Почему ты делаешь это с собой?

Я тянусь рукой назад, чтобы прикоснуться к его дару, что он оставил мне на моей коже. Я чувствую себя смущенной, когда честно отвечаю ему, потому что больше не желаю скрывать себя настоящую от него.

— Возможно, я не желаю, чтобы это проходило?

— Это ужасно, Нина.

— Пожалуйста. Не нужно... не называй меня так.

Он склоняет голову, говоря:

— Я хочу причинить тебе боль.

Я знаю.

— Мои руки зудят от желания разорвать тебя на части. Я жажду этого, — признается он мне, и затем он переводит свои глаза обратно на меня. В них стоит горькое и мрачное выражение, его зрачки чуть увеличены от яростного желания причинить боль.

— Я заслуживаю это.

— Да, заслуживаешь, — соглашается он.

Подняв колени к груди, я обхватываю их руками.

— Зачем ты приехал?

— Мне нужно кое—что знать... — он вновь опускает голову, и страдания в его голосе продолжают ломать меня. — Ребенок...

Всхлип вырывается из моей груди.

— Он хоть был моим?

Последнее, что я хочу — это причинить еще больше боли Деклану. Я хочу солгать, сказать "да", сказать, что он был единственным, с кем я спала, убедить его в своей любви.

Но я не могу.

Я не хочу ранить его правдой, но я также не хочу успокоить его ложью.

— Мне нужно знать, — настаивает он.

В его глазах стоят слезы, и я трусливо трясую головой.

Он делает шаг назад, расширяя расстояние между нами, и прислоняет голову к шкафу.

— Почему?

— Я бы хотела, чтобы он был твоим, — говорю я и начинаю плакать из—за того, чего меня лишили.

— Значит, это был ребенок Беннетта?

— Не знаю.

Черты его лица искажаются в замешательстве.

— Что это значит?

Боже, я ненавидела это. Ненавидела то, что продолжала ранить его. Слезы бегут по моим щекам.

— Что ты имеешь в виду, говоря "не знаю"? — давит он.

— Просто потому... потому что...

— Говори.

— Был кое—кто еще.

Мои слова разжигают в нем пламя. Его шея напрягается и краснеет от гнева. Поставив локти на колени, он зажимает свои волосы в кулаки так, что белеют костяшки пальцев. Я знаю, что он сейчас взорвется.

— Это не то, о чем ты думаешь, Деклан, — говорю я, пытаюсь объяснить свои извращенные отношения с Пиком.

— Кроме меня и Беннетта, ты трахалась с кем—то еще?

— Да, но...

— Тогда правильно я все думал, — шипит он.

— Нет. Все было не так. Просто... — Боже, с чего, черт возьми, мне начать рассказ? — Он был... это покажется тебе безумным, я знаю, но все не так.

— Я, черт подери, ненавижу тебя.

— Я люблю тебя! Не Беннетта и не Пика. Тебя!

— погоди, — он замолкает, а затем продолжает: — Это имя. Этот парень... я собирался увидеться с ним. Я нашел его имя в файле, который оставил твой муж.

— Да.

— Это все так сложно. Я не могу даже ясно мыслить.

— Пик мой брат, — выдаю я.

— Что мать твою с тобой не так?

— Он не родной брат, — проясняю я.

— Тот же самый парень, который избил тебя?

Я киваю.

— Ты хоть представляешь насколько ненормально все это? Насколько ты ненормальна? Трахалась с тремя мужиками?

Вытирая глаза, я пересаживаюсь на коленки.

— Прости. Я знаю, это звучит ужасно.

— Звучит? Нет, Нина. Это и есть ужасно. Тебе нужна серьезная помощь, ты ведь понимаешь это?

Я даже не пытаюсь исправить его, когда он называет меня Нина.

Он встает, разъяренно смотря на меня.

— Не могу поверить, что я влюбился в кого—то столь омерзительного, как ты.

— Все было не так, — паникую я. — Он не нравился мне в этом плане. У меня не было к нему чувств. Это было противоположно тому, о чем ты думаешь. Я использовала его, чтобы не чувствовать. Он был пагубным пристрастием. Вот чем бы секс с ним. Пагубным пристрастием, которое помогало мне не чувствовать.

— Не чувствовать, чего, Нина?

— Жизни, — кричу я. — Всего!

— Всего? Даже меня?

— Нет. Не тебя. Как только я поняла, что чувствую к тебе, я больше не прикасалась к нему. Я не могла, потому что я хотела касаться только тебя, и чтобы меня касался только ты. Но я уже была беременна, просто не знала этого.

Он торопливо ходит по комнате, разъяренный.

— Деклан, ты так много всего не знаешь. Так много я не рассказала тебе, потому что не могла.

— Ты могла, ты просто была слишком эгоистична.

— Ладно, да. Ты прав. Я была эгоистичной. Эгоистичной и напуганной. Но ты любил меня, верно?

— Я не знаю, кто ты, черт побери! Расскажи мне. Расскажи мне, кто ты, потому что я, черт побери, в замешательстве сейчас.

— Я не знаю, — скулю я и затем встаю рядом с ним.

— Ты знаешь.

— Нет. Я хочу знать. Я пытаюсь.

— Что это вообще значит?

— Я не знаю!

Пройдясь по комнате еще несколькими быстрыми шагами, он, наконец, сдается и идет к двери.

— Я больше не могу выносить это дерьмо.

И затем он уходит, даже не беспокоясь, чтобы закрыть за собой дверь.

Из меня вырывается рыдание — громкое и мерзкое. Я не ожидаю от него, что он поймет или даже захочет понять. Я больна, я понимаю это. И понимаю, что он никогда не вернется ко мне, но от этого боль не становится меньше, особенно, когда он уходит от меня.

— Элизабет! — кричит Айла настойчиво, когда врывается ко мне в комнату.

Я мгновенно беру себя в руки, сглатывая рыдания и вытирая лицо.

— Я в порядке. Прошу прощения за срыв, — говорю я, слабо симулируя хладнокровие.

— Прекрати это! — ругается она, когда берет меня за руку и тянет, чтобы сесть на кровати.

— Я в порядке. Правда.

И по жалостливому выражению ее лица, я знаю, это ни в малейшей степени ее не убедило.

— Что паренек МакКиннон делал здесь? Ты не упоминала, что знакома с ним, когда мы обсуждали его тем утром.

— Я сожалею, Айла, — говорю я спокойно, когда мое дыхание выровнялось.

— Сожалеешь?

— Я знаю Деклана, просто не хотела, чтобы кто—либо знал об этом.

Ее большой палец поглаживает меня по руке, глядя на меня, и наконец, она говорит:

— Это он. Он твоя потерянная любовь. — Она не спрашивает, только утверждает то, о чем догадалась.

Я киваю и извиняюсь еще раз, за то, что притворилась, что не знала, кем он был в тот день.

— Я озадачена. Я думала, ты сказала мне, что он умер.

И сейчас я должна солгать, потому что я не могу рассказать ей правду.

— Я думала, что будет проще притвориться, что он мертв. Было только больнее от мысли жить с ним в одном мире и в то же время не быть с ним.

Она кивает, и на ее лице появляется печальное выражение.

— Я сожалею, что лгала тебе.

Качая головой, она утверждает:

— Не надо. Твое сердце разбито, тебя можно понять.

— Но это непростительно.

— Это так, дорогая.

Мы сидим так некоторое время, и она продолжает держать мои руки, затем добавляет:

— Он казался немного злым.

— Так и есть. Но если не возражаешь, я бы предпочла не обсуждать это.

— Конечно, — отвечает она. — Я могу что—нибудь сделать? Сделать что—то для тебя?

— Спасибо, но я в порядке.

— Тогда ладно. Ну, я оставлю тебя. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — говорю я, когда она выходит из комнаты и закрывает за собой дверь.

Я остаюсь на кровати, не двигаясь, и одна со своими мыслями. Я полностью истощена, когда поворачиваю голову в сторону и смотрю на свой багаж.

Может, я могу остаться еще на некоторое время.

Я знаю, что не должна. Знаю, что мне нужно уехать и исчезнуть из жизни Деклана, чтобы он мог двигаться дальше и исцелиться. Пытаться объяснить ему все — проигранное дело. Но может это не имеет значения, потому что в конечном итоге он прав. Я облажалась, и ничего из этого не имеет смысла.

ГЛАВА 17
ДЕКЛАН

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, подходя к машине Лаклана, стоящей перед воротами моего дома.

Поднимая вверх файл, он кричит:

— Договор о продаже. Мне нужно, чтобы ты подписал его.

Господи, все чего я хочу, это побыть наедине с собой и бутылкой Aberfeldy (прим.пер. Aberfeldy (Аберфелди) — марка виски). Постараться расслабиться и успокоить нервы, сильно взволнованные Ниной.

Лаклан заезжает во двор и следует за мной прямо к дому. Я на пределе, все еще не в состоянии даже думать о том, что произошло, и о тех вещах, что она сказала мне. Если я сейчас в голове позволю себе пойти в то место, я совершенно потеряю весь контроль над собой. Когда Лаклан выбирается из машины, я уже восстанавливаю полный контроль над собой и стараюсь успокоиться.

— А ты что не мог отправить мне это почтой? — жалуясь я, когда мы заходим в дом.

— Они не принимают электронную подпись.

Включая свет, я направляюсь в библиотеку, чтобы, наконец, тщательно проверить контракт на собственность в Лондоне, за приобретение которой я изрядно поборолся.

— Ты не собираешься продавать это место? — спрашивает Лаклан, когда я присаживаюсь на диван, а он садится на стул напротив меня.

— А что такое?

— Оно излишне огромно.

— Гребанный предатель, — произношу я себе под нос.

— Я это слышал, ты мудака.

— Ну и отлично.

Я знаю Лаклана еще с колледжа. Он работал над своей докторской диссертацией, пока я трудился над своим дипломом магистра в Сент—Эндрюс. Мы вдвоем были членами общества ОксФам и работали вместе на множество компаний. Мы поддерживали связь из—за его отношений с моим отцом. Когда Лаклан был моего возраста, он работал по специальности управление активами состоятельных лиц в ведущих фирмах Лондона, куда мой отец вкладывал свои инвестиции. Лаклан был его консультантом в течение долгого времени, перед тем как он отдал предпочтение менее ответственной работе и начал самостоятельно консультировать небольшие компании.

Пока я жил в Чикаго, я прекрасно понимал, что рано или поздно я вернусь обратно. Так как я был уже вовлечен в покупку собственности в Лондоне, мой отец позвонил ему, и теперь Лаклан работает только на меня. Он управляет моими финансами и еще фондом детского образования, который я основал много лет назад.

— Все будет, как только мы обсудим все с банком, — говорит он мне, когда я читаю документ.

— Вроде все хорошо. — Подписываю бумаги и убираю их обратно в папку. — Жизнь становится все сложнее, — говорю я, вручая их Лаклану.

— Все нормально?

— Да. После Чикаго я готов полностью окунуться в этот проект.

— Так ты не расскажешь, что произошло?

Поднимаясь на ноги, я не отвечаю ему. Вместо этого я пересекаю комнату и направляюсь напрямик к тележке с напитками, вытаскиваю хрустальную пробку из графина и начинаю наполнять свой стакан виски.

— Деклан?

— Выпьешь?

— Нет, — отвечает он. — Теперь рассказывай. Что случилось?

— Нечего рассказывать.

Я делаю глоток, смакуя двадцатиднолетнюю жидкость. Я позволяю приятному вкусу скотча остаться на языке, прежде чем проглатываю. Я ценю то, что скатившись по горлу вниз, он теплом распространяется в груди.

— Она завтра уезжает, ты знаешь?

— И какое тебе дело до этого?

Мальчишеский, самодовольный взгляд на его лице бесит меня, так же, как и то, как он удобнее устраивается на стуле.

— Она ошеломительно красива.

Я залпом выпиваю стакан виски, мое лицо кривится от обжигающей жидкости. Я ставлю стакан на стол, и громкое клацанье хрусталя об стекло выдает мое раздражение.

— Напомни мне еще разок, почему я с тобой дружу.

— Слушай, очевидно, что вы что—то не поделили...

Я останавливаю его на полуслове, выплевывая:

— Ты кто? Мой гребанный психолог? Не надо делать вид, что ты что—то знаешь, когда на самом деле не знаешь ничего.

— Я провел с ней день. Ее легко прочитывать.

Я смеюсь, когда направляюсь к дивану.

— Эту женщину сложно прочитывать. Поверь мне. Не позволяй ей одурачить тебя. И на хрена ты разговаривал с ней? Я просил следить за ней, а не подружиться с ней.

Одна мысль о том, что Лаклан проводил с ней время, и не знать, о чем они говорили или как именно общались, убивает меня. Само незнание, и тот факт, что это меня беспокоит — бесит меня. То, что она пробралась мне под кожу и заняла единственное место, которое никому не удавалось занять, вынуждает меня ненавидеть ее еще больше. Она злой купидон, стреляющий мучительными стрелами, а я по собственному желанию попал под ее стрелу. По собственному желанию, потому что, как бы я ни хотел, я не могу отпустить эту рыжеволосую бестию. Я сомневаюсь, что когда—нибудь смогу сделать это, из—за ран, которые она оставила в моей душе. Я нестираемый след, оставленный ее разрушительными действиями.

— Она хочет, чтобы я отыскал ее мать, — наконец говорит он, прерывая затянувшееся молчание.

Я стреляю в него своим взглядом.

— Чего?

— Я предложил.

Почему она раскрывает ему часть своей правды... ту, что скрывала от меня?

— Разве это не круто! — цинично заявляю я. — Сделай мне одолжение, попытайся в следующий раз следовать моим приказам. Следи за ней и заканчивай эту дружескую чепуху.

— Нет смысла следить за ней. Как я уже сказал — она уезжает завтра, — говорит он, вставая со стула. Он останавливается передо мной, надевает пальто и берет папку. — Я отвезу документы.

Наклоняясь вперед, опираюсь локтями на колени и слушаю, как его ботинки шоркают по полу, когда он направляется к двери.

— Я хочу узнать, когда ты найдешь ее мать, — кричу я вслед.

— Будет сделано, — отвечает он, прежде чем закрывает за собой дверь и позволяет мне остаться в таком желанном одиночестве.

Рухнув на диван, я облакачиваюсь на спинку и пялюсь в потолок, воссоздавая в голове события вечера. Все это очень сложно. И не только сказанные слова, но и рана, которую я нанес ей, а она спокойно приняла. Я помню, как вырывал волосы из ее головы и какое получал наслаждение от этого наказания. Но я не ожидал такой реакции от нее. Она издала небольшой визг на то, что должно было быть невыносимо больно. Она просто стояла, пока слезы стекали по ее щекам, тем не менее, она не плакала, не так как можно было ожидать.

Но сегодня, когда я вошел к ней и увидел кровь, моей единственной реакцией было помочь ей, позаботиться о ней и привести в порядок. Теперь это вызывает у меня тошноту, когда я думаю об этом, но в тот момент, это не имело значения. Но когда она начала говорить, все вернулось на круги своя. Заполонило комнату и рухнуло тяжким грузом на меня, когда она сказала, что не уверена, что это был мой ребенок.

Этот гребаный ребенок.

Все что я хотел — того ребенка. Я никогда не думал, что так сильно хочу детей, пока она не сказала, что беременна. Мгновенно моя душа раскололась на части и умоляла, чтобы сын или дочь наполнили меня. Я закрывал глаза и мечтал об этом.

Новость о ребенке открыла во мне инстинкт защитника, и я бы сделал что угодно для них двоих, в тот момент, когда она сказала, что потеряла ребенка.

И я сделал.

Все это произошло слишком быстро.

Уход от Нины, когда она боролась с ограничением медсестры... Быстрая езда... То как я схватил пистолет из машины... Холод метала на моей спине, когда я засунул его в штаны... Заезд в гараж "Легаси"... Черный вход... Лифт... Чистая ярость, бегущая по моим венам...

Дверь открывается, я вхожу.

Прихожая, гостиная, коридор.

Дверь.

В голове пульсирует, и в сердце стучит. В ушах звенит. Кровь кипит.

Одна рука на пистолете, другая на двери.

Открыть... Прицелиться... **ВЫСТРЕЛ.**

Я до сих пор чувствую запах пороха, вижу взгляд в глазах Беннетта, слышу, как он захлебывается в своей собственной крови. Я убил мужчину — без колебаний. Его последние слова, мольба не делать этого, все еще преследуют меня. Но я все равно сделал это, потому что думал, что он был человеком, из—за которого Нина манипулировала мной. Я верил, что он убил моего ребенка, и за это он должен был умереть.

Но это была ложь.

Я встряхиваю голову, чтобы избавиться от видения, и иду налить себе еще один стакан виски. Это моя жалкая попытка успокоить демонов внутри себя.

Я сражаюсь с идеей, что Нина — ничтожная, а я кто—то хороший. Но это не так. Я убийца. Она не нажимала курок, это сделал я. Я не хочу купаться в том же зле, что и она, но так и есть.

Это она задурила мне голову, превратила правду в ложь, создав из меня монстра. Я такой же монстр, как и она, и я допустил это. Независимо, предназначен я для этого или нет, я, тем не менее, позволил это.

Но дело не только в том, что я сделал, а в том, что она сделала — или не сделала. Не приложила никаких усилий, чтобы спасти меня. Тем не менее, сегодня, она клялась, что любит меня и хочет сделать все, чтобы спасти меня от пути, на который поставила. Как она могла

сказать это, когда оставила меня с двумя пулями в груди и истекающего кровью на полу моего лофта — подстреленного ее братом?

Боже, ее брат. Брат, которого она трахала.

Стоило ему сказать иди, и она пошла, не вернувшись ко мне. Она лгала мне и манипулировала, но ее предательство истощило меня, разорвало мое сердце, расщепило меня до полного уничтожения. Целиком изнасиловав мою душу. Кто знал, что ее руки могли держать так много низости?

Все смешалось, и это было невозможно переварить. Ее противоречия стимулируют путаницу и враждебность. Мой разум жаждет ясности ситуации, но сомневаюсь, что получу это, потому что не уверен в ее психическом здоровье. Тем не менее, от простого упоминания, что она завтра уезжает, мое сердце начинает бешено стучать, и это тревожит меня больше всего.

Я изо всех сил пытаюсь вжиться в роль, сотрудничать с властями, изображать невинность, но все выглядит очень хреново. Кэлл сидит за решеткой, и только вопрос времени, когда они придут за мной. Я могу верить, что Кэлл держит рот на замке, в противном случае я бы уже тоже был за решеткой. Но он не понаслышке знает, что может произойти, если лояльность находится под угрозой.

К тому, что я потеряю все, если они раскроют мою причастность к торговле оружием и другим преступлениям, они "поджарят" меня. С этой точки зрения я ходячий мертвец, но я не из тех, кто будет сидеть сложа руки, и наблюдать, как его династия рушится. Пешки начинают падать, поэтому мне нужно действовать быстро.

Личный чартер отправляется в три утра, всем заплачено и даны краткие инструкции. Они знают, что будет, если они проболтаются. Моя новая личность упакована в моем портфеле, сумки готовы к отъезду, и скоро прибудет машина.

С желудком, скрученным чувством тревоги, я иду через темный дом в спальню, где спит моя ни о чем не подозревающая жена. Мне мерещится всякая жуть, пока я иду. Она лежит на кровати, умиротворенная, совершенно ничего не зная о мире, в котором живет каждый день. Не знает, кто я на самом деле, чем занимаюсь. Но если я собираюсь пройти через все это, мне нужна моя семья. Нет другого выбора, потому что они — самое главное в моей жизни. Поэтому я рискую всем — а они действительно заслуживают этого — когда сажусь на край кровати и нежно бужу ее.

Она шевелится, открывая глаза, я беру ее лицо в свои руки и целую. К этой жизни, которую я выбрал почти тридцать лет назад, нет подготовки. Но никогда за эти тридцать лет я не находился под таким надзором, как сейчас.

— Что случилось, милый? — спрашивает она, отстраняясь от этого нехарактерного выражения любви.

Оставаясь как можно более спокойным, ясным и кратким, чтобы она не разозлилась на меня, я говорю:

— Мне нужно, чтобы ты села и очень внимательно выслушала меня.

— Ты пугаешь меня.

— Не бойся. Все будет в порядке, но мне нужно, чтобы ты внимательно слушала, потому что у меня мало времени.

Она садится и кивает мне со страхом в глазах.

Я беру ее руку в свою.

— Я покидаю страну, — начинаю я, когда она перебивает меня.

— Что?

Прикладывая пальцы к ее губам, я подчеркиваю:

— Ты не должна задавать вопросы, потому что я не хочу отвечать на них. Умоляю тебя, доверься мне, и помни, что я сделаю все что угодно, чтобы сохранить нашу семью. Я люблю тебя, но часть моего бизнеса нелегальна. Я кое-что сделал, и сейчас рискую потерять свою жизнь. — Мои слова частично правдивы, но в основном ложь, потому что нет смысла выкладывать все начистоту. От этого я только поставлю ее под угрозу.

Ее глаза расширяются, а на лице написано недоумение, когда она медленно качает головой.

— Вот что мне нужно от тебя.

— Я не... я... я...

— Сделай глубокий вдох, — инструктирую я нежно. — Ты доверяешь мне?

Ее кивок был мгновенным, что подействовало на меня успокаивающе.

— Хорошо. Мне нужно твое доверие. Никогда не сомневайся во мне или моей любви, понимаешь?

— Конечно.

— Если кто—нибудь спросит обо мне, скажи, что не знаешь, где я. Ты ничего не слышала от меня и не видела меня с нашей ссоры из—за моей приверженности этому браку. И ты полагаешь, что я просто отсиживаюсь в гостинице, чтобы избежать возвращения домой.

— Почему я...

— Доверься мне, — говорю я, перебивая ее. — Никаких вопросов, потому что чем больше ты знаешь, тем сложнее мне защитить тебя.

— Защитить от чего? От кого?

Обхватив руками ее щеки, я говорю:

— Никто не сможет разлучить нас, обидеть или разрушить. Мне просто нужно, чтобы ты оставалась на месте и затаилась. Не разговаривай ни с кем, пока не спросят. Но что бы ты ни говорила, ты не знаешь, где я.

— К—когда ты вернешься?

Наклонившись, чтобы прижаться своим лбом к ее, я шепчу:

— Я не знаю.

Затем она начинает тихо плакать, слезы текут по ее щекам.

— Ты любишь меня, да?

— Да, — отвечает она.

— Мне нужно, чтобы ты знала, когда я вернусь, мы не останемся здесь. Мы покинем страну. Это не обсуждается.

— Что насчет нашей жизни, наших друзей и семьи?

— Если мы останемся, не будет никакой жизни.

Ее тело дрожит, пока она цепляется за меня и старается заглушить плач, прижавшись к моему плечу.

— У меня не так уж много времени, — говорю я ей мягко, пытаюсь не расстроить ее еще больше.

Что это значит?

— Я уезжаю... сегодня.

Она отстраняется и со слезами и болью в глазах говорит мне:

— Ты должен дать мне хоть что—то. Какую—то гарантию, что с тобой все будет хорошо, и ты вернешься.

— Нет ничего, чего бы я ни сделал для нашей семьи. Я все свое защищу. Я вернусь.

И на этом она жадно целует меня, садясь мне на колени. На вкус она как соль, из—за слез. Она крепко удерживает меня, выражая всю свою любовь.

Обвив руки вокруг нее, напоминаю:

— Я люблю эту семью больше, чем жизнь.

— Мне так с—с—страшно. Я д—даже не знаю, что сейчас думать, — скулит она, и я вытираю ее слезы.

— Я понимаю, милая, и ужасно сожалею. Я не хотел втягивать тебя в это. Но должен уехать.

— Нет, подожди, — кричит она. — Может, я могу помочь. Если ты расскажешь мне, в чем проблема, возможно, я найду выход. Что—то, что я смогу сделать, чтобы...

— Уверяю, я все обдумал. Помни, что я сказал тебе: мы поругались, и я уехал.

Мы целуемся последний раз, когда на мой не отслеживаемый телефон, который я купил, приходит сообщение, что машина прибыла.

И затем я уезжаю, отправляясь на машине к чартеру, который доставит меня в Шотландию, необнаруженным и вне преследования.

Можно смело считать меня эгоисткой за то, что я собираюсь сделать, но я не могу остановить себя. Весь мой багаж упакован и лежит в машине, но перед тем как поехать в аэропорт, мне нужно попрощаться. Я знаю, что мои слова ранили его прошлым вечером. Чем больше я говорила, тем злее он становился, и, в конце концов, ушел. Но я не могу уехать вот так. Не могу позволить, чтобы наше последнее общение было таким. Я понимаю, что в данный момент думаю только о себе, но мне нужно увидеть его последний раз.

Я подъезжаю к воротам и нажимаю на звонок.

— Иди домой, Нина, — говорит его голос.

— Деклан, пожалуйста. Я собираюсь возвращаться домой, уже еду в аэропорт. Просто хочу попрощаться. Можешь ты хоть это позволить мне?

В ответ одна лишь тишина. Я жду, и когда уже собираюсь уходить, ворота начинают открываться. Благодарно выдохнув, я въезжаю на извилистую дорожку. Припарковавшись, я осматриваю дом. Я стараюсь слишком усиленно не думать о том, что было бы, если... Потому что этого никогда уже не произойдет. Мне по—прежнему кажется странным, что слишком мало кустарников, ведущих к дому. Большие, огромные пустоты, в то время как все остальное в отличном состоянии хоть и под снегом.

— Холодно, — произносит Деклан у входной двери, где стоит.

— Кустарники выглядят печально, — говорю я.

— Кустарники?

— Тут их не хватает. Они погибли?

— Можно и так сказать, — отвечает он. — Может, уйдем с холода?

Слабо улыбнувшись, я вхожу в дом. Деклан закрывает дверь и проходит мимо меня, а я слеую за ним, но сегодня он ведет нас на кухню.

— Я только что приготовил кофе, — говорит он и берет кофейник со столешницы. — Думаю, бывшая домохозяйка оставила чай в кладовой, если хочешь выпить чашечку.

Его неожиданная учтивость застаёт меня врасплох.

— М—м—м, хорошо. Да, я бы с радостью выпила, — нервно тараторю я.

Я обхожу огромный кухонный островок и сажусь на один из барных стульев. Я наблюдаю, как он двигается по кухне, наливает кипящую воду в кофеварку, а остальную в чашку для моего чая.

Я осматриваю помещение. Кухня, совмещенная со столовой, расположена вдалеке от открытого пространства дома, в ней перед тремя панорамными окнами стоит огромный, деревенского типа стол. Комнату освещает даже снег снаружи, и окна слегка покрыты инеем.

— Вот, готов, — говорит он, и я быстро оборачиваюсь и смотрю на чашку чая, которую он поставил передо мной.

Я уставилась вниз, наблюдая, как над чашкой поднимается и растворяется пар. Я вспомнила те дни, когда по утрам сидела в квартире Деклана, попивая чай и наблюдая, как он готовит завтрак. Он всегда выглядел дико сексуальным в своих пижамных штанах и белой футболке, которая обтягивала его грудь. Я могла бы наблюдать за этим вечно и не устала бы.

Воспоминания раздирают мне сердце, пока я тут сижу, и когда поднимаю взгляд, я вижу, что он стоит на противоположной стороне островка.

— Деклан, — тихим шепотом произношу я. Я позволяю его имени повиснуть между нами на пару минут. — Мне так жаль.

Поставив кофе, он кладет руки на гранитную столешницу и опускает голову. Я даю ему эту тишину и позволяю ей увеличиваться, пока внимательно смотрю на самого замечательного мужчину, которого когда-либо знала. Его душа неимоверно прекрасна.

Когда наконец он поднимает голову и смотрит на меня, я говорю:

— Если бы я могла вернуться назад, я бы сделала все иначе.

— Ты не можешь отмотать время назад. Что сделано, то сделано.

— Знаю, — защищаясь, добавляю я.

— Я бы тоже хотел вернуться назад, но невозможно повернуть вспять сделанный выбор, и в тот момент я выбрал тебя.

— Ты сожалеешь об этом? — спрашиваю я скрепя сердце.

Прежде чем он отвечает, его телефон начинает звонить, отвлекая.

— Мне нужно ответить, — говорит он, я киваю, и он выходит из комнаты, чтобы принять звонок.

Я с трудом сглатываю комок сквозь все эти эмоции. Оставив чай, я встаю перед окном. По телу бегут мурашки от прохлады стекла, пока я смотрю, как снег кружится и падает на землю. Я перевожу взгляд налево и замечаю пещеру, я решаю рассмотреть ее подробнее из другого окна.

Я снимаю пальто и кладу его на кухонный стул, а затем направляюсь в коридор. Я слышу голос Деклана из библиотеки. Я иду мимо огромного коридора, мимо стеклянного атриума и натываюсь на лестницу. Из любопытства я поднимаюсь по ступенькам, которые ведут на второй этаж. Держась за перила, я смотрю вверх и замечаю, что лестница ведет на третий этаж.

Я начинаю рассматривать помещение, двигаюсь по коридору, который ведет к спальням, ванным комнатам и в гостиную. Весь этот этаж выполнен в серо-белых тонах. Затем я замечаю огромные резные деревянные белые двери. Ручка очень холодная в моей руке, когда я открываю их и попадаю в спальню Деклана.

Я цепенею от подавляющей потери, пока рассматриваю огромную кровать, которая стоит посреди комнаты. Я никогда не узнаю, какого это окунуться в эти простыни. Деклан прав: невозможно исправить сделанный выбор, и, к сожалению, я каждый раз делала неправильный выбор и потеряла Деклана.

Я ступаю на запретную территорию и осматриваюсь в комнате. Пространство освещено множеством окон, стены окрашены в темно-серый цвет, который вступает в контраст с белым потолочным плинтусом, и пушистым белым покрывалом, которое лежит на огромной кровати из черной кожи в стиле честерфилд. В углу стоят два черных кресла и кушетка в том же стиле честерфилд.

Неосознанно, я бреду по мягкому ковру к кровати. Я пробегаюсь кончиками пальцев по белой простыне, сожалея о потере того, что когда-то было в моей власти.

— Что ты здесь делаешь? — его слова резкие и сердитые.

Я смотрю на него через плечо, прежде чем поворачиваюсь к нему лицом. Мой рот открывается, чтобы произнести слова, но я не могу их найти.

— Тебя не должно быть здесь, — говорит он мне.

— Я просто...

— Что просто? — спрашивает он и начинает медленно продвигаться ко мне.

— Не знаю. Мне просто нужно было увидеть все это. Твой дом, эту постель... тебя.

— Меня?

— Да, Деклан. Тебя, — говорю я. — Я скучаю по тебе.

— Ты не скучаешь по мне.

— Каждый день. Скучаю. Я скучаю по тебе каждый божий день.

Его челюсть дергается, глаза темнеют, и он произносит:

— Ты скучаешь по тому, кем я больше не являюсь.

— Не говори так.

— Почему? Не сможешь вынести столько ответственности? Хочешь проигнорировать тот факт, что твоя ложь испоганила мою жизнь самым беспощадным способом? — Его голос становится хриплым с каждым сказанным словом. — Стоишь тут и ждешь прощения? Как будто это ты жертва?

— Я не жду прощения.

— Еще больше лжи, — он стискивает зубы, а его руки сжимаются в кулаки по бокам.

— Нет.

— Тогда почему ты продолжаешь извиняться снова и снова?

Он хватается меня за плечи и мой голос дрожит:

— Я н—не знаю, н—но я не жду, что ты простишь меня за содеянное.

— Тогда почему говоришь это?

— М—может... я не знаю... Может быть, в надежде.

— В надежде? На что, Нина? На меня? На нас?

— Может быть, — я дрожу, когда мои эмоции возрастают с его гневом.

— Ты ждешь надежды там, где она не существует.

Борьба против печали обречена, когда мой подбородок начинает дрожать, и я говорю:

— Я всегда буду надеяться вернуть тебя.

— После всего этого, ты хочешь меня?

Я киваю.

— Тогда скажи мне, — напряженно приказывает он.

Ответить проще простого.

— Я хочу тебя, Деклан.

Его руки опускаются с моих плеч на его ремень. Суровые, черные глаза со скучающим видом смотрят на меня сверху вниз, и я слышу металлический лязг, когда он расстегивает пряжку. Мой пульс взрывается в порыве глухих ударов, что тяжело отскакивают от моих ребер в предвкушении. Но в то же самое время мое сердце паникует, когда он выдергивает ремень из петель слаксов.

Я стою, не двигаясь, и просто наблюдаю за ним. Он проводит тыльной стороной ладони от моей щеки к шее и затем к плечу. Одним быстрым движением он поворачивает меня, прижимая мою спину к своей груди. Мои руки цепляются за его бедра, когда я теряю равновесие, мои ноги дрожат.

— Скажи мне остановиться, скажи мне убрать от тебя руки, — говорит он, когда его губы прижимаются к моему уху.

— Нет.

Он дергает мои руки мне за спину и связывает их ремнем, выше локтей. Он неумолимо сводит мои лопатки вместе. Я ахаю, когда кожа впивается в мою плоть, и затем кричу, когда теряю равновесие и тяжело падаю на колени. Но прежде чем я могу снова закричать из—за жгучей боли, что исходит от моих бедер, Деклан хватается меня за волосы и вжимает лицом в кровать, отчего мне трудно дышать.

Вы слышали о теории искупления, верно? Отреставрировать то, что было разрушено. Я бы охотно стала той, кем Деклан хочет видеть меня, чтобы справиться с его болью. Это было моим наказанием, моей мизерной попыткой исправить ошибки, но то, что будет дальше, проверит пределы моей любви к нему. Как далеко я позволю его уничтожению пойти? В какой

момент я проведу линию? Были ли у меня пределы, когда дело касалось Деклана? Я скоро узнаю, именно в этот момент, когда связанная стою на коленях.

Глотая воздух, я кричу, когда он наматывает мои волосы на свою руку, вырывая их из моего скальпа. Мое тело напрягается, когда он яростно стонет с каждым движением; он настолько отличается от себя прежнего. Я ощущаю это вокруг себя — гнилую ненависть.

Он приподнимает меня и стягивает мои штаны и трусики до коленей; мое сердце замирает в ужасе, когда он раздвигает мои ягодицы и плюет между ними.

О боже, нет!

Его рука хватается за мое плечо, чтобы держаться, и каждая мышца внутри меня сжимается, когда он яростно толкает свой член мне в задницу, разрушая меня самым ужасным способом.

Я делаю все, что в моих силах, чтобы увернуться в сторону и бороться с ним, но он забирает мою силу и власть. Я в его милости, и он поглощен темным гневом, когда берет ту часть меня, которую я не хотела отдавать.

Контроль Деклана уходит от осознания того, как далеко он меня толкает.

Мои крики заглушены, когда он кладет руку на основание моей шеи и вдавливая лицо еще сильнее в матрас. Я вою и задыхаюсь, пока он беспощадно врезается в мое тело. Следующее, что я понимаю, он засовывает руку мне в рот, все четыре пальца, растягивая мою челюсть. Огонь, который иссушает мою плоть, — безжалостен. Таким способом он затыкает меня, потому что когда я пытаюсь кричать или плакать, то давлюсь собственной слюной.

Хватит! Боже, пожалуйста, нет! Хватит!

С головой, повернутой в сторону, когда слюна бежит из моего рта и по щеке, я впиваюсь взглядом в Деклана, и то, что я вижу, до смерти пугает меня. Он полностью изменился — дикое животное атакует меня, боль умножается, когда он кромсает меня. Мое тело качается взад—вперед, когда он продолжает вбиваться в меня. Каждый толчок нежеланный и причиняет боль, он увлекает меня назад в подвал, где я провела так много лет, пока меня насиловали и надругались надо мной. Мой разум не может понять, что происходит, когда одеяло темноты накрывает меня.

Я закрываю глаза, молясь, чтобы это закончилось, и в следующий миг я переношусь в другое время, когда происходило то же самое. Мне двенадцать лет, у меня первые месячные, и Карл взбешен, что Пик недостаточно тверд, чтобы трахнуть меня в задницу. Я голая, и Карл прижимает мое лицо к холодному бетонному полу. Его стоны наполняют подвал, когда он насилует меня сзади. Кровь течет по моей спине из—за ударов его ремня. Его жирный живот ударяется о мои бедра, когда он разрывает мою нежную плоть.

Мои крики остаются без ответа.

Мое тело начинает тяжелеть и биться в конвульсиях, когда я снова оказываюсь в настоящем. Карл больше не насилует меня, это делает Деклан. Голос в моей голове кричит ему остановиться, когда он продолжает надругаться надо мной, но это все, что я могу, когда он держит мою челюсть открытой, — для меня становится невозможным бороться.

— Отгородись, Элизабет.

Я открываю глаза, когда слышу Пика, и он здесь. Слезы каплют, когда я смотрю в его утешающие глаза. Он прямо здесь, со мной, стоит на коленях рядом. Он проводит рукой по моим растрепанным волосам и пытается успокоить меня.

— Просто смотри на меня, хорошо? Я с тобой. Ты не одна, но мне нужно, чтобы прямо сейчас ты выключила свои чувства.

Я пытаюсь расслабиться, пока Пик продолжает говорить со мной и поглаживать мои волосы. И достаточно скоро, в считанные секунды, мои мышцы слабеют, а дыхание замедляется. Я впиваюсь взглядом в своего спасителя.

— Вот и все. Никто не может причинить тебе боль, если ты ничего не чувствуешь, — напоминает он мне. — Я здесь, с тобой, Элизабет. Просто сосредоточься на мне. Скоро все закончится.

Я киваю на его слова и доверяю ему. Я продолжаю фокусироваться и не отвожу своего взгляда от его, когда Деклан проявляет свое доминирование. В считанные минуты он сгибается надо мной, наполняя меня своей спермой. Его тело горбится над моим, когда он стонет от удовольствия. Или от злости? Затем я замечаю, что его рука больше не держит мой рот, но вместо этого держит мою руку.

Почему он делает это?

Моя голова наполнена дымкой кружащихся мыслей и воспоминаний, которые я не могу узнать. Меня накрывает головокружение от того, что произошло, когда моя голова лежит в луже слюны, слез и соплей.

— Ты в порядке, — уверяет меня Пик, и затем... он уходит.

У меня даже нет шанса огорчиться из—за его потери, когда Деклан вытаскивает свой член из меня. Я вздрагиваю от боли, но замираю, перегнутая через кровать, не в состоянии двигаться из—за шока. Ткань подо мной становится сырой.

— Иисус Христос, — я слышу, как он задыхается позади меня, и быстро освобождает мои руки от ремня.

Я остаюсь на месте, когда слышу его шаги, затем звук закрывающейся входной двери, и затем я наконец могу сделать глоток воздуха. Я соскальзываю с кровати и падаю на пол, где лежу в своих все еще спущенных до колен трусиках и штанах.

Разрушенная.

Униженная.

И в какой—то извращенной степени любимая.

Холод разрушает моё липкое тело, я всё ещё лежу здесь, в комнате Деклана. Комната, которая, как предполагалось, должна была быть нашей, нашим жильем с нашей любовью друг к другу. Но это было не так. Мои мысли рассеяны и запутаны. Что произошло? Мое тело сотрясают приступы боли, которую оно просто стерпело при воспоминании о моем детстве. Меня тошнит, и я борюсь с приступом рвоты, кислота которой распространяется по стенкам моего горла, мой живот скручивает в отвращении.

Хотите знать самую извращенную мысль, которая находится у меня в голове?

Она здесь, во мне...

Я все еще отчаянно желаю его. Его любовь, его прикосновения, его дыхание на моей коже.

Еще я думаю о том, как он держал меня за руку. Он держал меня за руку... Для него это не ново — он всегда держал меня за руку, когда мы вместе испытывали оргазм. Именно этот его единственный нежный жест, который будет напоминать мне, что независимо от того как жестко он решил обойтись со мной, я могла полностью доверять ему, чувствовать комфорт в его руках, зная, что он будет всегда заботиться обо мне.

Он все еще чувствует это?

Я сажусь, опираясь на руки, на полу, и жуткая боль пронзает меня, когда я начинаю двигаться. Боль пронзает все моё тело, и я спотыкаюсь ногами о спущенные штаны. Я пытаюсь натянуть их на себя. На своих дрожащих ногах я захожу в ванную комнату. И когда включаю свет, я вижу своё серое лицо в зеркале. Я касаюсь своего отражения. Так или иначе, это гораздо лучше, чем коснуться моего лица на самом деле. Всегда существует разница между отражением и реальностью.

Но в отражении, которое я вижу, двенадцатилетняя я. Я смотрю на себя через неё, и моё сердце начинает бешено колотиться, жестоко, печально.

Её голубые глаза наполнены болью, которую она скрывает от мира, и я так безумно хочу добраться через это стекло и спасти её от той жизни, но я знаю, что она стерпит.

Я знаю, что в глубине её души таятся маленький свет надежды и это убивает меня, так как я знаю, что это просто впустую потраченная мечта.

Эта нежная, маленькая, рыжеволосая девочка обречена на жизнь, наполненную мучениями и отчаянием, и нет ничего, что я могу сделать, чтобы спасти её. Её будущее неизбежно, оно написано в звёздах, связанное с тем, что сказки, о которых она мечтает, не существуют. Они никогда не исполнятся.

Сжимая свои пальцы в твердый кулак, я чувствую покалывание в ладони. Всё в моей голове смешалось, все это дерьмо из моих воспоминаний и мыслей.

Я сильнее этого. Не сломаюсь. Я сильнее, чем эта боль. Но возможно я не настолько сильна.

Я просто позволила Деклану трахнуть меня тем самым способом, которым это делал Карл, и я едва ли сопротивлялась ему. Я отдалась ему, как дрянь, дала ему ту часть моего бесполезного тела для удовлетворения его эго.

БАХ!

Сотни глаз в отражении смотрят на меня, грустные, жалкие, отвратительные глаза. Звон разбитого стекла, падающего на мраморную раковину, как звон отчаяния, но он испорчен

моими задыхающимися всхлипами. Я рассматриваю разбитое зеркало и ненавижу то, что вижу. Я ненавижу себя. Я ненавижу всё это. И я хочу ненавидеть Деклана за то, что он только что сделал, но я не могу. Я не могу, и я ненавижу себя ещё больше в этот момент. Я заслужила это. Я заслуживаю худшего.

Если таким способом он решил наказать меня, то я не буду бороться с ним. Я выдержу это и приму его без сопротивления.

Сосредоточившись, чтобы успокоиться, я включаю кран и подношу руки к холодной воде. Костяшки моих пальцев щиплет от боли, когда вода омывает мои раны. Она забирает мою кровь и уносит ее в сточную трубу. Я позволяю прохладе обезболить мои раны.

Сделав несколько глотков воды из своих рук и прополоскав рот, я начинаю открывать ящики в шкафу, чтобы найти пластырь и заклеить костяшки своих пальцев. Как только я заклеиваю раны, я расстёгиваю молнию на штанах, чтобы вымыться. Вздрагиваю, когда подтираюсь, затем я замечаю на туалетной бумаге кровь, это след его насилия.

Я плескаю немного воды на лицо и расчёсываю волосы. Открыв дверь, я медленно иду через спальню. Я нервничаю, когда выхожу из этой комнаты, переживая о том, что столкнусь с Декланом, и что потом произойдёт.

Спускаясь вниз по лестнице, я не вижу его, поэтому направляюсь на кухню, где оставила пальто и ключи от машины.

Я останавливаюсь, когда вижу, как Деклан стоит, склонившись над столом. Я не двигаюсь, не издаю ни звука. Он стоит ко мне спиной, опираясь локтями на стол и положив голову на руки. Я вижу, как тяжело поднимаются и опускаются его плечи. Он стоит со слегка растрёпанным видом в своих слаксах, с расстегнутой верхней пуговицей. Когда он чувствует моё присутствие, он поворачивает голову в мою сторону, и я вижу его покрасневшие глаза. Стыд отпечатался на всем его теле, он уничтожает его, но это я являюсь тем, кто должен это чувствовать. Не он.

Он отталкивается от стола и поворачивается лицом ко мне, и когда я медленно вхожу на кухню, я чувствую, что должна дать ему правдивую частичку меня. Хочу поделиться с ним правдой обо мне, которую он никогда не слышал. Чтобы, наконец, впустить его внутрь себя.

— Мне было тяжело находиться с тобой, — признаюсь я, мой голос дрожит. — Это возвращает меня в самое тёмное место моего прошлого.

— Тогда почему я? Почему ты не выбрала кого—то другого?

— Потому что... — я задыхаюсь, слёзы жгут мне глаза. — П—потому что ты всегда держал меня за руку, — я плачу. — По какой—то причине это простое прикосновение привело меня в нормальное состояние. Я заставила чувствовать себя с тобой в безопасности. Раньше никто ко мне так не прикасался.

Он не отвечает на мои слова, когда смотрит на меня мучительным взглядом. Поэтому я стою здесь перед ним и рассказываю ему свою правду. Я не перестаю плакать, мне стыдно от того, кем я являюсь на самом деле.

— В мой десятый день рождения мой приёмный отец заставил моего брата развратить меня, пока он смотрел и дрочил. — Первое в моей жизни признание в этой мерзости делает все это слишком реальным для меня. Слёзы льются по моим щекам, когда я выставляю свой позор и унижение перед своей любовью. — Я была ребёнком. Я даже не знала, что это был секс, пока я лежала под Пиком на грязном матрасе в подвале.

— Господи! — он в ужасе выдыхает слова.

— После этого дня я оказывалась в этом подвале почти каждый день в течение многих лет. Я не могла верить ни в рай, ни в Бога, когда меня заставляли делать такие вещи, в которые люди не хотят верить, что они существуют. Но то, что случилось со мной, заставило меня поверить в зло. И что дьявол реален и сделан из плоти.

Деклан отворачивается от меня, ставит руки на стол и опускает голову. Тяжело дыша, я добавляю:

— Мой приёмный отец... у него была власть надо мной, он раздевал меня догола и избивал ремнём до крови.

Его кулаки плотно сжимаются от моих слов.

— Раньше ты пугал меня, когда использовал свой ремень. Всё о чём я могла думать, это все то насилие, которое мне пришлось испытать в детстве.

— Хватит!

— Это правда! — рыдаю я. — Это то, чего я никогда бы не хотела, чтобы ты знал обо мне! Я уродливая, мерзкая, грязная и...

— Хватит! — кричит он.

Я вижу, как мышцы его рук напрягаются. Его глаза прикрыты, и я вздрагиваю, когда он ударяет кулаком о твердый гранит с гортанным криком. Я замерла, боясь пошевелиться, полностью разоблаченная и уничтоженная. Никогда я так не открывалась. Никогда, даже Пикю, потому что он был там. Свидетель. Участник.

Его глаза всё ещё прикрыты, и с желчью в голосе он говорит:

— Ты хоть представляешь, каково это, любить человека, которого ненавидишь?

Любить? Боже, он может ненавидеть меня сколько угодно, если все еще любит.

Открыв глаза, он делает пару шагов ко мне.

— Потому что я ненавижу тебя. Больше всего на свете. Я ненавижу тебя с каждым стуком моего сердца. Я хочу наказать тебя наихудшим способом, заставить тебя страдать и причинить тебе боль. Но помоги мне Господь... Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Это то, что я так сильно хотела услышать, что он любит меня. Но его слова наполнены страданием. Чтобы ни случилось с нами, эта любовь, которую он испытывает ко мне, она отравлена ядом с самого начала. Я втянула его в эту грязную ложь, и я всему этому вина.

— Но потом... — начинает он говорить, — ты говоришь мне всю эту правду. Правду, которую я хотел услышать с самого начала, но ты закрылась от меня, и я чувствую себя ублюдком из—за желания причинить тебе боль, но я всё ещё хочу этого. Я всё ещё хочу заставить тебя страдать.

— Я этого заслуживаю, — бормочу я.

— Почему ты продолжала это делать?

— Что делать?

Он мгновение колеблется, затем говорит:

— Почему вы продолжали заниматься сексом с твоим братом, когда повзрослели?

Стыд обжигает мою шею, и я чувствую себя мерзко, что мне приходится признаться в этом. Опустив голову от стыда, я продолжаю опускать глаза, когда отвечаю:

— В какой—то момент, когда мы были детьми, мы стали тайком спать вместе. В моей постели. Это не было принудительным, и в те моменты он давал мне возможность почувствовать себя нормальной.

— Нормальной? — спрашивает он в замешательстве.

Я нерешительно поднимаю на него взгляд и говорю:

— Я всегда чувствовала себя жалкой и бесполезной. Но кое—что в Пике заставило меня почувствовать себя чистой. Он давал мне ощущение любви и безопасности. Он был для меня всем в этом мире. — Я начинаю задыхаться от сказанных слов и продолжаю: — И он действительно любил меня. Он всегда защищал меня.

— Он насильовал тебя! — шипит Деклан сквозь стиснутые зубы.

— Нет! — защищаюсь я. — Он этого не делал. Карл, наш приёмный отец, заставил Пика заниматься этим.

— Он не должен был делать этого! У него был выбор.

— Он знал, что если бы это был не он, то Карл сделал бы это сам. Мне было спокойнее с Пиком.

— Но этот Карл... Он всё—таки сделал это...?

Я киваю.

— Да... прошло некоторое время, но, в конце концов, он это сделал.

И затем я признаюсь:

— Первый раз это произошло, когда мне было двенадцать. Он изнасиловал меня так же, как и ты.

Немедленно Деклан обнимает меня, и я плачу. Он хватается за мой затылок и крепко прижимает меня к груди. Его хватка сильная и твердая, но теплая. Я обнимаю его за талию, цепляясь за него.

Он повсюду вокруг меня, обволакивает меня, я в безопасности его объятий.

Дом.

Когда я начинаю контролировать свои эмоции и успокаиваться, он шепчет мне в волосы:

— Мне очень жаль. Я потерял контроль над собой.

— Все нормально.

— Нет! Это не нормально, — заявляет он, когда отходит, чтобы посмотреть на меня.

— Это я тебя обидела. Мне очень жаль, Деклан. Ты никогда не поймешь, как мне жаль, что я сделала с тобой. Я заслуживаю любого наказания.

— Я не хочу быть тем мужчиной.

— Ты не он. Ты не похож на того человека, — говорю я ему. — Были времена, когда мой разум уходил с тобой в то место, но ты не такой. Я всегда была в безопасности с тобой. Я всегда была уверена, что ты никогда не причинишь мне боль.

— Но я делаю тебе больно. И мне нравится это. И я хочу больше.

— Тогда возьми. Я дам это тебе. Я дам тебе всё, чтобы ты почувствовал себя лучше. Если тебе нужны моя боль и страдание, тогда возьми их. Они твои.

Его руки притягивают меня, пока я говорю. С нахмуренными бровями и сжатой челюстью, он хмыкает от разочарования, когда выпускает меня из своих объятий. Хватая себя за волосы, он рычит:

— Что, черт возьми, с тобой не так? Ты не должна хотеть этого. Ты не должна хотеть меня. Какой нормальный человек подверг бы себя этому?

— Я никогда не утверждала, что нормальная. Я знаю, что я ненормальная. Я знаю, что сломлена и не подлежу восстановлению. Это не исправить. Но я также знаю, что ты не найдешь такое же удовлетворение в наказании кого—либо, кроме меня.

— Зачем тогда делать так? Чтобы тебе стало лучше от того, что ты сделала?

— Отчасти.

— А с другой стороны?

Сделав несколько шагов к нему, я говорю:

— Потому что я люблю тебя.

— Ты не должна.

— Но я люблю. Я никогда не думала, что у кого—то может быть такая сила, что я буду чувствовать себя в безопасности и невинной, как с тобой. У тебя есть сила заставить меня чувствовать себя достойной этой жизни. Зная, что у меня есть шанс, жизнь просто может иметь для меня смысл.

— Тогда зачем ты бросила меня? Почему ты не осталась и не вызвала медиков? Почему ты оставила меня умирать?

Именно в его словах я слышу, какое страдание ему причинила.

— Я говорила тебе. Я была напугана. Все произошло так быстро, я не знала, что делать. Я запаниковала.

Он делает медленный вздох и замирает на мгновение, прежде чем говорит снова.

— Я уверен, что уже знаю, но мне нужно услышать это от тебя.

— Что?

— Я знаю, что Пик мёртв. И я знаю, что он умер в тот же день, когда он застрелил меня.

Я с трудом сглатываю, когда он это говорит, и я уже знаю его вопрос, прежде чем он спрашивает:

— Ты имела какое—либо отношение к его смерти?

Мой подбородок начинает дрожать, и когда я больше не могу сдерживать нахлынувшие эмоции, моё лицо искажается от боли, когда я признаюсь:

— Я никогда не прощу себе того, что сделала. Я так его любила.

— Мне нужно услышать, как ты это скажешь, — рявкает он.

Борясь со слезами, я делаю глубокий вдох и выдыхаю, прежде чем говорю дрожащим голосом:

— Я стреляла в него. Я убила его.

— Я хочу злиться на тебя. Я хочу бросить это тебе в лицо, но это сделает меня лицемером, и всё это из—за твоей лжи.

— Прости.

— Перестань извиняться!

Его голос срывается, когда гнев захватывает его.

— Я не хочу ничего больше слышать от тебя! Каждый раз, когда мы говорим, ты говоришь мне это дерьмо. Это невозможно понять и переварить.

Он подходит к центру островка, отвернувшись от меня, и смотрит в окно.

— Убирайся! — приказывает он, тяжело дыша.

Он не двигается, когда я прохожу мимо него, чтобы забрать пальто и ключи, но борьба видна внутри него. Я хочу сказать тысячу слов, но я знаю, что лучше промолчать. Поэтому я держу свой рот на замке и делаю то, что мне говорят.

Я ухожу.

— Что случилось, милая? — спрашивает Айла, когда я вхожу во входную дверь со своим багажом.

— Я опоздала на свой рейс. Ничего, если я останусь на ночь?

— Оставайся столько, сколько хочешь, — говорит она, когда подходит и берет одну из моих сумок. — Ты смогла поменять билеты?

— Ещё нет. Я даже не добралась до аэропорта. Завтра мне нужно позвонить в авиакомпанию.

— Это имеет какое—то отношение к МакКиннону? — спрашивает она.

Пройдя в центральную гостиную, я сажусь и отвечаю:

— Да.

— Душевная боль невыносима.

Посмотрев на неё, сидящую напротив меня, я слегка киваю. День прошёл, и я чувствую слабость от того, что произошло с Декланом. У меня в голове так много вопросов, и откидываясь на спинку кресла, я говорю:

— Могу я кое—что спросить?

— Конечно.

— Вы верите, что люди могут измениться?

Она берет паузу, а затем слегка качает головой пару раз.

— Нет, дорогая.

Ее ответ висит у меня над головой, словно меч.

И затем она уточняет:

— Я верю, что мы такие, какие мы есть, и суть того, как мы устроены, неизменна. Но я считаю, что мы можем изменить то, как мы делаем какой—либо выбор. Но только то, что мы можем изменить наше поведение, не означает, что мы изменили суть того, кем мы являемся. Это как у алкоголика. Они могут реабилитироваться и сделать лучший выбор, но я не верю, что внутренний голос и жажда когда—либо исчезнут. Изменение заключается в их выборе, чтобы не пить, но они все ещё хотят этого.

— Итак, зло всегда зло?

— Да. И добро всегда добро. Но я верю, что мы — потомки справедливости. Что каждый из нас, независимо от того, насколько плохими мы себя считаем, сама наша суть пронизана священными нитями.

С её словами я мысленно вернулась в свой дом в Нортбуке. На меня нахлынули воспоминания о моем отце, как мы устраивали сказочные чаепития, его песни и сказки на ночь, наши прогулки, наш безудержный смех. И Айла права... Было время, когда я была окутана только добром. Я была чиста, свободна и искренна. Но мне было всего пять лет, когда мой свет погас.

В тот день, когда у меня отняли папу, когда ничего не могло уже измениться. Я потеряла больше, чем просто свет — я потеряла себя. Потеряла себя полностью. Я позволила миру разрушить меня. Но каким образом кто—либо должен быть настолько сильным, чтобы сопротивляться чему—то столь огромному? Я была маленькой девочкой. Единственным человеком, загнанным со мной в угол, был Пик, но опять же, он был просто мальчишкой. Мы цеплялись друг за друга, потому что мы были единственной надеждой друг друга.

Я думала, что делала правильный выбор, но, оглядываясь в прошлое моей жизни, вижу, что она наполнена только разрушением. И сейчас, я единственная, кто остался.

Ну, почти.

Деклан все ещё здесь, но в некотором смысле, он тоже был разрушен. Его сердце все ещё бьётся, но уже не так, как прежде. Мой выбор — мои решения — они ядовиты. Я использовала этот яд для власти, но это имело страшные последствия.

— Ты в порядке? — прерывает мои мысли голос Айлы.

— Я сделала неверный выбор, — говорю я не думая. Слова просто вылетают из моих уст, прежде чем я могу их остановить.

— Добро пожаловать в жизнь, моя дорогая, — сочувствует она. — Я могла бы написать роман обо всех ошибках и неправильном выборе, которые я делала в свои годы. Но я пришла к пониманию того, о чем идёт речь уже потом. Иногда нам приходится падать, чтобы понять, как встать на ноги. Иногда мы должны причинять людям боль, чтобы признать наши недостатки и найти способ улучшить себя.

— Вы когда-нибудь замечали, что некоторые из ваших выборов были настолько плохими, что это было непростительно? — спрашиваю я, когда сожаление проникает в мои вены.

— Да, — признается она, высоко подняв подбородок. — Но хотя я и знала, что они непростительны, я всё же была прощена.

— Кто это прощал?

Она делает паузу, и, когда уголки её рта поднимаются в тонкой улыбке, она отвечает:

— Мой муж.

— Вы причинили ему боль?

— Я ужасно его обидела.

— Почему он простил? — спрашиваю я.

— Это называется милосердие. Когда мы любим, и когда эта любовь исходит из чистоты нашего сердца, мы даруем свое прощение. Находим сострадание и прощение, потому что мы все испорчены. Мы все совершаем ошибки, но преданная любовь не наказывает.

Я хочу верить, что любовь, которую Деклан когда-то мне давал, была от чистого сердца. Что все ещё есть надежда на прощение. Что внутри все ещё есть слабое мерцание, которое все ещё хочет меня. Потому что для меня это больше, чем мерцание — это бушующий огонь потребности и желания, который есть во мне для него. Но после того, что он сегодня сделал со мной, я этого не вижу. Слова Айлы хороши и цветисты, но цветы, в конце концов, вянут и умирают независимо от того, сколько любви вы отдаёте, заботясь об их потребностях.

— Ты выглядишь растерянной, — говорит она. — Почему бы тебе не подняться в свою комнату, и когда ты будешь готова, не хотела бы ты помочь мне приготовить обед?

— На самом деле это звучит прекрасно, но, к сожалению, я не умею готовить.

— Все умеют готовить. Всё что тебе нужно — это прийти.

Улыбаясь, я принимаю её предложение и соглашаюсь:

— Ладно, тогда. Но я предупреждаю вас сразу, я была известна, как сжигательница пищи до её употребления.

Я смеюсь над тем, как впервые Деклан попытался научить меня приготовить цыплёнка, и я сожгла его. Но этот смех невеселый. Он горький. Моё время, проведённое с Декланом в Чикаго — один из лучших моментов в моей жизни, хотя я была всего лишь иллюзией лучшей версии меня.

— Если бы я могла научить дочь готовить, как могу научить тебя, — говорит она мне, когда мы встаём.

Поднимая мои сумки, я смотрю и дразню:

— А она хорошо готовит?

— Она всегда готовила лучшие блюда.

— Готовила? — я спрашиваю ее, используя прошедшее время.

— Она покинула этот мир много лет назад.

— Как она умерла? — спрашиваю я, слишком хорошо зная, как раздражают расспросы, и мне жаль, когда люди, явно не испытавшие потерю, выдают свои сожаления.

— Это был бессмысленный акт насилия, но это часть жизни, милая, — говорит она, пытаюсь уменьшить боль, но её потеря видна в блеске непролитых слез в её глазах. — Я буду на кухне, — говорит она и выходит из комнаты.

Смерть неизбежна — я знаю это слишком хорошо, но независимо от того, сколько мы теряем, независимо от того, насколько мы оцепенели, мы всегда ощущаем досаду от пустоты. Части нашей души, которые наши близкие забирают с собой, когда они покидают этот мир, навсегда остаются незаполненными. Это пустые раны, которые всегда обнажены и не могут заживать.

Когда я добираюсь до своей комнаты, я укладываю свои вещи и решаю заняться тем, чтобы отбросить мысли, которые продолжают просачиваться. Воспоминания об осквернении этого утра. Образ Деклана, когда я смотрела на него, его мерзкие глаза, почерневшие от ярости, продолжали проникать в мою голову. Он был злобным зверем, беря то, что хотел, вымещая свою власть на мне.

Вытряхнув видения, я быстро выбегаю из комнаты, чтобы найти Айлу для столь необходимого мне отвлечения. Остаток дня мы проводим на кухне, и я наслаждаюсь этим временем. Мы готовим, открываем бутылку вина, наслаждаясь компанией друг друга, и я благодарна, что она отвлекает меня от моих мыслей.

Но когда я уйду, извиняясь за вечер, и ложусь в постель, всё сразу же возвращается. Деклан связал меня, плюнул на мою задницу, вдавил моё лицо в матрас, боль от его вторжений, звуки его исступлённого рычания. Я мечусь по кровати, сердце колотится, и я чувствую жар от его нападения, а затем это Карл, которого я вижу в затемнённой комнате. Я чувствую запах его сигарет.

Спрыгнув с кровати, я бросаюсь в туалет, и меня вырывает. Мой желудок скручивает, когда кислая желчь подступает к горлу, и когда я затыкаю рот, она наполняет мой нос и обжигает подобно дерьму. Мои глаза наполнились слезами, и ещё один приступ рвоты вырвался из моего кишечника, когда моё тело сжалось и свалилось на пол в туалете.

Когда это прекратилось, я чувствую усталость и прижимаюсь спиной к стене. Я вытираю пот со лба и медленно вздыхаю. Мои руки дрожат, и моё тело бьётся в холодном поту. Даже если бы я хотела закрыться, я бы не смогла. Я не думаю, что достаточно сильна, чтобы сражаться со скелетами, от которых я всю жизнь пряталась. Скелеты, которые Деклан разбудил, когда набросился на меня сегодня утром. Только один человек заставил меня почувствовать себя изношенной и грязной, и я сожгла его. Я никогда не думала, что Деклан будет преследовать меня так же, как Карл.

Тепло разливается по моему телу, и когда я начинаю двигаться, я чувствую тяжесть на себе. Открываю глаза, и моё тело подпрыгивает, когда я вижу, что Деклан навис надо мной.

— Тсс, детка, это я, — шепчет он.

— Что ты здесь делаешь?

Его глаза зажмурились, и он с облегчением вздохнул и сказал:

— Я не могу этого сделать. Я не могу держаться подальше от тебя.

Его слова успокаивают моё сердце, и я не спрашиваю его, потому что он мне нужен. Дойдя до верха, я провела рукой по его сжатой челюсти. Он опустил голову, и моё тело согрелось в тишине, когда его губы мягко прижались к моим. Я не могу контролировать стон, исходящий от меня, и крепко обнимаю его за шею, сильно прижимая к себе.

Ощущение его вкуса во рту успокаивает. Вселенная взмывает с моих плеч, и, наконец, я могу дышать — действительно дышать. Я не хочу, чтобы это закончилось. Мне это нужно — он нужен мне.

Когда наши тела начинают двигаться и извиваться вместе, он тянется назад и стягивает рубашку. Опустившись на меня сверху, он проводит пальцами по моим волосам и говорит:

— Прости меня за то, что я сделал с тобой. Пожалуйста, прости меня и разреши исправить. Позволь мне попытаться забрать это.

Я кладу руки на его голую грудь, и чувствую, как его сердце рушится внутри него. Я хочу успокоить это сердце так же, как он хочет стереть то, что произошло в его комнате, поэтому я киваю головой. Это все, что нужно для него, чтобы начать медленно раздевать меня. Снимая с меня одежду вместе со своей, он накрывает нас простынями. И наши обнажённые тела вновь обретают друг друга.

Он позволяет моим рукам свободно перемещаться по его телу — свобода, не характерная Деклану, которую он может мне предоставить, но я пользуюсь этим. Он проводит влажными губами по моей шее и вдоль моей ключицы, прежде чем его язык захватывает и втягивает в рот мой сосок. Накрывая губы своими губами, он засасывает тепло моего рта, и моё тело подчиняется в ответ на его прикосновение.

Я запустила пальцы в его волосы, и он переместился к моей другой груди. Его член упёрся в меня, и его медленные движения заставляют мою киску становиться влажной для него.

— Ты мне нужен, Деклан.

Я тяжело дышу. Он отстраняется и смотрит на меня взглядом, наполненным похотью. Его рука движется вниз по моему телу, моему животу, и, когда он достигает моей киски, он вздыхает, когда мои мышцы дрожат в ожидании того, чего, я думала, никогда не будет снова.

— О, боже, — бормочу я, когда он прижимается своими пальцы к моим мокрым складкам. Мои руки прижимаются к его телу, и я держусь, когда он начинает вводить их в меня.

Я пылаю, мне нужно больше его, поэтому крепкой рукой я обхватываю его вокруг запястья и ещё крепче держу его за руку. Когда я раскачиваю свои бедра и трахаю пальцы по собственному вкусу, он рычит, и его эротический звук подстёгивает мои бедра, чтобы оживиться и трахнуть его ещё более яростно.

— Вот это моя детка, — подбадривает он, и когда мои стоны усиливаются, когда моё тело поднимается, он вытаскивает из меня пальцы и быстро сжимает мои руки над моей головой.

Я расслабляюсь под его сдерживающим захватом. Глядя на него, я помню, что это Деклан. Он полностью контролирует меня, доминирует с любовью и лаской. Одной рукой фиксируя мои запястья, он берет другую руку, на пальцах которой блестит влага от моего возбуждения, и он просовывает их мне в рот. Я вращаю своим языком и высасываю вкус моей киски.

Затем он находит мой клитор мокрыми пальцами и мягко гладит по комочку нервов, в то же время он медленно засовывает свой большой, твёрдый член, так медленно, что это граничит с пыткой. Я чувствую каждый сантиметр его члена, пока он не погружается глубоко в меня.

И я, наконец, дома — в безопасности единственного человека, с которым я когда-либо хотела поделиться этим.

Он находится все ещё внутри меня, когда говорит:

— Ты единственная, кто когда—либо заставлял меня так себя чувствовать.

— Как?

Вытащив из меня член, он входит в меня обратно, рыча:

— Вот так, — и он заполняет меня очень глубоко.

Моё тело выгибается на кровати, когда он пробуждает плотские стоны из глубины моего чрева, и я раскрываю свои бедра ещё шире, потому что мне нужно больше.

Снова вытаскивая свой член из меня, он хлопает по мне бёдрами, спрашивая:

— Ты чувствуешь это? — ударяя по моему сладкому месту глубоко внутри.

— Да, — дышу я.

— Скажи мне, — требует он, когда входит обратно в моё тело, целенаправленно вдалбливаясь в меня и соединяя нас вместе.

Мои глаза закрываются, когда я позволяю ему взять меня с собой, давая ему моё тело целиком, чтобы он мог пользоваться и использовать его, как он хочет.

— Я люблю тебя, — я выпускаю воздух, который мы теперь разделяем.

— Скажи мне ещё раз.

Мою кожу покалывает от лучезарного удовольствия.

— Я люблю тебя, Деклан.

Я начинаю терять себя, извиваясь бёдрами, чтобы встретить каждый его толчок. Я чувствую, как его член становится все толще, тяжелее и жарче. Его хватка на моих запястьях сжимается, но это только заставляет меня чувствовать себя в безопасности.

— Открой глаза, — я слышу его, и в тот момент, когда я это делаю, я ощущаю его запах — сигаретного дыма и мочи.

Моё тело холодеет, когда мои глаза открываются, и Карл смотрит на меня сверху вниз, трахает меня своим отвратительным членом и дышит своим гнилостным дыханием.

Очнувшись и дрожа всем телом, мои глаза открываются, чтобы поприветствовать ещё одну снежную ночь. Ещё один дурной сон овладел моим подсознанием. Это третий кошмар, из—за которого я проснулась сегодня вечером. Ушли в прошлое ночи с Карнеги, моим другом—гусеницей. Его заменили сцены с Декланом, любящим меня, и сырые подвалы, воняющие мочой шкафы, и видения дрожащего Карла, когда он наблюдает за мной.

Я не спешу, чтобы успокоить моё колотящееся сердце. Я сосредотачиваюсь на снежинках, которые собираются на окне. Некоторые из них тают, перестраиваясь в капельные реки, которые медленно пробираются по стеклу. Я зарываюсь в одеяло, пытаюсь согреть себя, и когда я отрываюсь от залитого лунным светом снега, мне нужно немного времени, чтобы мои глаза привыкли.

После того, как я несколько раз моргаю, я вижу его, и задерживаю дыхание, размышляя, не воображаю ли я это — воображаю его.

Он сидит на стуле в нескольких футах от кровати, в которой я лежу, облокотившись на колени. Я знаю, что он действительно здесь. Когда он поднимает голову и смотрит на меня, луна освещает его зелёные глаза. Моя голова остаётся на подушке, и я глубоко вдыхаю.

Почему он здесь?

Ни один из нас не двигается и не говорит. Мы просто смотрим друг на друга в темноте и тишине. Но я хочу подойти. Моё тело пытается опуститься на колени, чтобы он властвовал всеми моими чувствами. Сон, из которого я только что вырвалась, был настолько реальным. Все что я хочу — быть в том месте, где мы можем иметь такие моменты. Но сон так быстро превратился в кошмар, и я знаю, это из—за того, что сделал Деклан.

Как я могу жаждать этого человека, который теперь мучает меня? Что в нем такого, что заставляет меня так легко прощать его, даже не задавая вопросов?

Я замечаю, что он хмурится, и мы оба ощущаем отчаяние.

— Что мы делаем?

Его голос — тихий хрип, наполненный скорбью.

Сидя, я не свожу с него глаз, но я не знаю, что сказать. Я хотела бы ответить на его вопрос, но я просто в замешательстве. Он владеет моими эмоциями, скачущими повсюду и борющимися внутри меня.

Я теряю зрительный контакт, когда он опускает голову в ладони, и его голос звучит негромко:

— Что я наделал?

И я не знаю, разговаривает ли он со мной или с собой, но я по—прежнему молчу, пока он продолжает:

— Что ты сделала? Я не знаю, что здесь происходит... Что это между нами... Что это внутри меня.

— Это борьба между сердцем и разумом, — шепчу я, и когда я это делаю, он смотрит на меня.

Я вижу, как его лицо сжимается от горечи, чувство наполняет комнату, и ему требуется некоторое время, чтобы снова заговорить. Его слова пропитаны стыдом.

— С тобой все в порядке?

Когда я не отвечаю ему, он выдыхает:

— Это глупый вопрос.

— Деклан...

— Мне очень жаль. То, что я сделал... Это не было...

— Остановись! — говорю я ему, когда его голос начинает ломаться.

— Что с тобой случилось в детстве? — Его руки сжимаются, когда он борется со своими нарастающими эмоциями. — Это, бл*дь, ломает меня.

— Не делай этого.

Но он даже не замечает моих слов, и продолжает:

— И потом, что я сделал с тобой... Я не знаю, как потерял контроль. Увидев тебя в этой комнате... Это все должно было быть нашим. Ты даже не знаешь, как сильно я этого хотел. Как я хотел забрать тебя от мужа, я думал...

Он позволяет своим словам дрейфовать, и я хочу плакать, но не могу. Я знаю, что он не хочет видеть мои слезы, поэтому сдерживаю себя, но внутри я погибаю. Сидеть здесь и слушать его слова, скрывая собственные крики, это ужасно. Этот человек очень дисциплинирован и имеет большой авторитет, поэтому тяжело слышать, что он разбит и настолько уязвим, это разрушает меня.

— Как я могу пережить обман такого масштаба? — в конце концов, спрашивает он.

— Если бы я знала. Я хотела бы вернуться. Но я не могу. Я даже не знаю, как это все объяснить. Я хочу быть честной. Я хочу, чтобы ты знал настоящую меня, чтобы знал правду, но это так тяжело. Поскольку истина настолько груба и искажена, ты, вероятно, даже не поверил бы этому, потому что люди не хотят верить, что жизнь может быть настолько ужасающей. Я испорченный человек. Я знаю это. Я не знаю, что значит быть здравомыслящим человеком, но ты заставляешь меня желать узнать это. Ты заставляешь меня желать попробовать.

— Его глаза были открыты, — говорит он неожиданно, и я смущена тем, что он имеет в виду, но затем добавляет: — После того, как я застрелил его. Я видел твои фотографии на его столе. Я собрал их вместе с досье, и когда я посмотрел на окровавленное тело Беннетта, его глаза были все ещё открыты.

Он говорит это, и я помню, что глаза Пика были такими же. Я никогда не забуду, как призрачно они выглядели.

— Он знал, кто ты.

— Знаю, — говорю я. — Я слышала его в больнице. Он следил за мной. Он знал, что мы были вместе.

Затем он встаёт, подходит к кровати и садится рядом со мной. Он не трогает меня, хотя я бы хотела, чтобы он это сделал.

— Я причинил тебе сегодня боль.

— Я в порядке, — шепчу я.

Затем он смотрит вниз на костяшки моих пальцев, которые обмотаны пластырем.

— Разбитое зеркало говорит обратное.

— Дурные воспоминания.

— Как часто это случалось? — спрашивает он едва слышным шёпотом. Как будто он боится, что его слова разрушат меня, и в первый раз за долгое время я чувствую, что они, возможно, могли бы. Что я не так сильна, как раньше.

Я киваю ему, но ему этого мало, он убеждает:

— Мне нужно, чтобы ты мне рассказала.

Я колеблюсь, облизывая губы, желая отдать ему правду, о которой он просит, но в то же время боюсь этого.

— Скажи мне, Нина.

— Пожалуйста... Не называй меня так.

— Прости, — говорит он, отводя взгляд от меня. — Это все, что я знаю о тебе.

— Посмотри на меня. — Он выполняет мою просьбу. — Это я. Это то, что я хочу, чтобы ты знал.

— Элизабет, — бормочет он.

Я киваю, утверждая:

— Да... Элизабет.

— Скажи мне тогда, Элизабет. Потому что мне нужно узнать тебя, чтобы понять.

— Хорошо, — отвечаю я. — Это случалось часто. Это было грязно, грубо и...

— Что он сделал с тобой?

Я с трудом сглатываю, боясь произнести эти слова. Мои руки нервно ерзают, и когда Деклан видит это, он накрывает их своими.

— Я никому не говорила, — признаюсь я. — Только Пик знал, он был там. Мне не нужно было говорить ни слова, потому что он все это видел.

— Я же рассказывал про маму, помнишь?

— Конечно, я помню.

— Я открыл тебе то, о чем я никогда никому не говорил. Я дал тебе эту часть меня. Кусок, который меня смущает и стыдит.

Я помню, как видела его слезы, когда он рассказывал мне, как он прятался под кроватью, пока наблюдал, как мужчина стреляет в голову его матери. Выстрел, который убил её. Он считает себя слабаком и трусом — это те слова, которые он использовал. Он сделал себя уязвимым для меня, поэтому я дам ему то, что он просит, то, что я никогда никому не давала.

— Это началось с моего десятого дня рождения, когда он заставил Пика заняться со мной сексом. Он отвёл нас в подвал. На полу лежал грязный матрац. Он наблюдал за нами, пока сидел в кресле и дробил. Большую часть времени он вставал, чтобы кончить либо на Пика, либо на меня.

После этих слов у меня перехватило дыхание, и я уже чувствую, как волна тошноты нахлынула на меня.

— Мы бывали в подвале по четыре раза в неделю. Через пару лет это изменилось, и Карл начал прикасаться ко мне.

Я останавливаюсь и опускаю голову. Я не могу больше смотреть на Деклана. Я чувствую, что грязь ползёт по моей коже. Слезы жгут мои глаза, когда я стараюсь держать их в себе, но они все равно подступают.

— Не отводи от меня взгляда, — говорит он, подтягивая мой подбородок к себе.

Подняв голову с закрытыми глазами, я говорю:

— Это унижительно.

— Мне все равно. Я не хочу, чтобы ты скрывала это от меня. Посмотри на меня и доверься мне, чтобы дать мне эту правду.

Я так и делаю. Я открываю глаза, и пока слезы продолжают капать из моих глаз и с моего подбородка, я рассказываю ему всё, что произошло в этом подвале. Как Карл насиловал, унижал меня, мочился на меня, избивал и порол меня. Как он кончил мне на лицо и смеялся надо мной, пока он вытирал его пальцем и заставлял меня лизать его. Когда он мочился на матрац и вжимал меня лицом в него, заставлял поглаживать его задницу, пока он похлопывал себя. Ему не потребовалось много времени, чтобы он превратил меня в машину, потому что это то, чем я должна была стать, для того чтобы выжить.

Я рыдаю, когда даю ему эту болезненную часть себя и объясняю, почему я начала заниматься сексом с Пиком. Объяснила, как это успокаивало меня и обеспечивало бегство для меня. Я разрывала себя на куски, и пусть гниль упадёт на колени Деклана, когда я раскрою ему своё извращённое детство.

Он слушает, не перебивая, лишь побуждая меня продолжать. Его глаза полны недоверия и жалости, и я знаю, что он никогда не будет смотреть на меня как прежде. Теперь он знает реальность моего жалкого существования. Никчёмность моего тела, на которое он смотрел с восхищением и обожанием. Он называл меня идеальной, красивой и безупречной.

Но теперь он знает правду.

Это тело никогда не должно было быть ценным для него. Для любого было бы глупо ценить эту кучу дерьма. Это просто оболочка — воображаемая упаковка, которая скрывает всё то, из чего я сделана... Из сточных вод.

— Почему ты ничего не рассказала?

— Потому что мне было страшно, что я могу потерять Пика. Я боялась идти в другой жестокий дом и остаться одной. Пик был всем, что у меня было, я не хотела остаться без него, — пытаюсь я объяснить.

— Он использовал тебя.

— Кто? Пик?

— Да. Если бы он любил тебя, как ты утверждаешь, он бы отправил тебя за помощью, отправил в безопасное место.

Качая головой, я отрицаю:

— Это бы не сработало. И он действительно любил меня. Он отдал мне всю свою жизнь. Я всегда была в безопасности с ним.

Деклан сглатывает, его челюсть дергается, и я говорю ему:

— Ты никогда не изменишь моё мнение о Пике. Я не жду, что ты поймёшь, но мы были просто детьми. Мы сделали все возможное, чтобы выжить. Верить ли ты, что это правильно или неправильно, что сделано, то сделано, и уже ничего не изменить.

— Хотел бы я забрать это.

— Ты не можешь, — говорю я слабо. — Точно так же, как я не могу избавиться от боли твою жизнь. Я хочу. Я хочу быть сильнее, чем ты знаешь.

Сидя в темноте и раскрывая себя, я удивляюсь, почему Деклан остаётся неподвижным рядом со мной. Меня разрывает желание забраться в его голову, и узнать, какие мысли он скрывает там. Выражение его лица трудно прочесть, когда он смотрит на меня. Тишина в комнате тревожная, но спокойная. Я начинаю задаваться вопросом, сможет ли он когда-нибудь быть в одной комнате со мной, не наказав меня.

— Я должен идти.

Он встаёт с кровати, а я остаюсь лежать. Я наблюдаю, как он поворачивается ко мне и ласковым движением натягивает одеяло на моё тело, а затем подпирает его руками под матрац, нависая надо мной.

— Останься.

— Почему?

— Я не знаю почему. Просто пока не возвращайтесь в Штаты.

Он отталкивается от кровати и идёт к двери. Мне тяжело, когда он уходит — одинокий и опустошённый. Его запах повис в воздухе, и я делаю глубокий вдох, чтобы запечатлеть его в своей душе. Я лежу в темноте, и меня преследуют демоны, которых я только что выпустила.

И теперь он знает всю ложность этого.

Что касается меня, то я только что прорезала глубочайший рубец и вновь открыла раны осквернения.

Я сражаюсь со своим сердцем, чтобы закрыться, превратиться в машину, которая защитит меня от того, что должно уничтожить. Воспоминания, которые только что возродились внутри меня, и потеря ощущения Деклана, вызывает множество эмоций, это слишком тяжело для меня, и прямо сейчас я не в состоянии думать.

Поэтому я покрываю себя броней и наслаждаюсь бесчувственным состоянием.

Вчера ко мне пришел мой адвокат и предложил заключить соглашение о признании вины. Поскольку моя роль во всем этом заключалась лишь в том, чтобы быть человеком из книг — мошенником с белым воротничком — они хотят, чтобы я слил более крупные имена для расследований. Но дело в том, что многих имен я не знал. Люди, которые управляют всем, стоят намного больше для федералов, чем я, но я не причастен к этой стороне дела. Одно имя, с которым я связан и которое я знаю, они хотят узнать больше всего.

Король картеля.

Но пересечься с ним — смертный приговор. Я усвоил этот урок. Поэтому я прикинулся дурачком и скрыл его имя. Если я буду стукачом, я покойник. Для меня гораздо безопаснее быть заключённым здесь — за сталью и железом.

Никто не смеет спорить со мной. Безопасность можно купить за деньги, неисчерпаемый источник которых у меня есть, и люди снаружи должны следить за тем, чтобы постоянный поток продолжал течь. Я собираюсь сейчас звонить Лаклану, который заботится о том, что для меня в настоящее время недоступно.

Охранник продолжает следить за мной, находясь за пределами прачечной, где я теперь работаю четыре дня в неделю, зарабатывая жалкие одиннадцать центов в час.

— Кэл, — приветствует он, когда, наконец, отвечает. — Как дела?

— Как, черт возьми, ты думаешь, у меня дела? Ты позаботился о деньгах?

— Да. Все сделано. Недавно проходило благотворительное мероприятие, так что было легко отфильтровать деньги на счетах.

— А Деклан? — спрашиваю я.

— А что с ним, сэр?

— У него есть какие-то подозрения?

— Нет. Он был занят в эти дни.

— Чем?

— Девушкой. Элизабет Арчер. Недавно она появилась в городе. Он приказал мне следить за ней.

Я не стал спрашивать почему. На данный момент время мне не союзник, но я могу только догадываться, что этот парень, вероятнее всего, навсегда облажался, когда дело дошло до доверия. Он никогда не рассказывал мне о стрельбе — кто это сделал и по какой причине. Но я знаю, что все сводится к Нине Вандервол. Все, что он сказал мне — это притвориться, что он мертв, и если когда-нибудь наши пути пересекутся, он хочет, чтобы я держался подальше от него. Я согласился, и он уехал в Шотландию, чтобы жить в том имении, которое купил много лет назад. Я не могу понять, что с ним, почему он хочет прозябать в одиночестве практически в глуши.

Я до сих пор не имею с ним контакта, и, насколько я знаю, этого никто не имеет. Он не знает, что я сижу в тюрьме за преступления, о которых ему ничего неизвестно. Преступления, которые я совершил, когда он был еще маленьким мальчиком.

— Она живет в городе рядом с ним, — добавляет Лаклан.

— В Гала?

— В «Водяной Лилии».

Что за хрень?

— Деклан был там? — спрашиваю я, гадая, знает ли он, что скрывалось от него.

— Там живет Элизабет. На днях он провел там пару часов посреди ночи, а затем вернулся домой.

Мне не дают возможность ответить, когда охранник захлопывает дверь и кричит: «Время вышло, заключенный!»

Он выхватывает телефон из моих рук и отключает звонок.

— Что, черт возьми, случилось с пятью минутами? — говорю я враждебно.

— Увеличение цены, сука. В следующий раз тебе это будет стоить дороже.

Схватив меня за руку, он выводит меня из прачечной, и, хотя мои кости горят от желания выбить дерьмо из этого подонка, я держу себя под контролем, потому что я не могу попасть в изолятор. Мне нужно иметь доступ к этому чертовому телефону и найти способ взять себя в руки.

Первое, что мне нужно сделать, это выяснить, кто такая Элизабет, к которой мой сын ходит к «Водяной Лилии». Поэтому я жду в своей камере до отбоя, а затем пробираюсь в телефонную будку, откуда могу позвонить.

— Кэл, малыш, — вздыхает голос Камиллы в трубку.

Я благодарю Бога, что ценности этой женщины немного сомнительны, чтобы встречаться с мужчиной, которому грозит до 25 лет в федеральной тюрьме.

— Как ты держишься, дорогая? — спрашиваю я.

— Я скучаю по тебе. Необходимость заботиться обо всем самостоятельно губит меня.

— Я знаю. Мне жаль. Мне нужно тебя увидеть. Ты нужна мне здесь на выходных.

— Конечно. Ты знаешь, что я никогда не пропускаю посещение. Все в порядке?

— Да. Я не хочу, чтобы ты беспокоилась обо мне, — говорю я. — Просто важно тебя увидеть. — Я настаиваю на своих словах, потому что мне нужно, чтобы она сделала для меня одну вещь, о которой я не могу упоминать в этих отслеживаемых звонках из—за определенных имён.

— Кэллум, — она тихо ворчит. — Ты в тюрьме. Как я могу не беспокоиться о тебе?

— Девяносто секунд.

— Чёрт! — я рывкаю и ударяю рукой о бетонную стену. — Ты положила деньги на мой счет?

— Да, но ты знаешь, насколько это медленно.

— Мне нужно, чтобы ты позвонила, потому что у меня все закончилось. Я не смогу позвонить тебе, пока не получу эти деньги.

— Я обещаю, Кэл.

— Осталось тридцать секунд.

— Боже, я ненавижу это, — она плачет. — Я очень сильно скучаю по тебе.

— Я тоже по тебе скучаю. Увидимся через пару дней.

— Я приеду. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Зайдя в камеру, я сажусь перед телевизором, который показывает эпизод из шоу «Опасность». Слева от себя я вижу, как несколько идиотов выкрикивают свои ответы, и я нахожу их более занимательными, чем само шоу.

— Эй, шлюха!

Моё тело напрягается, когда слова скользят по моему уху, и прохлада от того, что я представляю себе, как лезвие пронзает мою спину.

— Я разговариваю с тобой, esé, — говорит он, садясь позади меня, и его лицо парит рядом со мной, когда он тихонько говорит мне на ухо, чтобы не привлекать внимание.

— Чего ты хочешь? — я сохраняю голос ровным и твердым.

— Твой босс хотел, чтобы я передал тебе сообщение.

— Мой босс?

— Да, верно. Он не хочет, чтобы ты играл со мной. Произносил вещи, которые не нужно говорить. Упомянул имена, которые не нужно упоминать. — Он вонзает клинок в мою кожу, и я отодвигаю спину от лезвия, когда он насмехается: — Тебе же не нужно напоминать о твоей старухе, так ведь?

Я мотаю головой, чтобы посмотреть прямо на него, и он отступает, быстро засовывая лезвие в носок. Моя кровь кипит, и ярость, которая бурлит внутри, требует усилий, чтобы держать ее под контролем.

Парень улыбается, отмахиваясь от своих угроз в обмен на лёгкую усмешку, говоря:

— Эй, амиго. Расслабься.

— Расслабься? Ты упоминаешь мою бабу, и ждёшь, что я расслаблюсь? Мне не нужно напоминание, и я не твой амиго. В следующий раз, когда ты поговоришь с моим боссом, напомни ему, что часто преданность лежит в луже крови.

Он коротко кивает, принимая мои слова, а затем я добавляю:

— Если ещё раз ты будешь мне угрожать, я превращу тебя в гомика и засуну тебе в задницу палку.

Он смеётся, встаёт и, прежде чем уйти, качает головой и говорит:

— Ты меня удивляешь, белый. — И затем с улыбкой добавляет: — Я сообщу боссу, что мы поладили.

— Конечно сообщишь.

— Мне пришлось снять лифчик, Кэл!

— Что? Почему?

— По—видимому, я выгляжу подозрительнее, чем мусор, с которым я стояла в очереди, — шепчет Камилла, а затем просматривает комнату, чтобы убедиться, что никто больше её не слышал. — Это было унижительно.

Сидя за небольшим столом напротив женщины, которая трахала меня последний год, я зол на ту мразь, которая увидела сиськи моей куклы, в то время как у меня не было такой возможности, с тех пор, как они арестовали меня. Она оскорблена и сердита, и совершенно некстати. Она всегда выделяется, как больной палец, когда навещает меня, одетая в дизайнерскую одежду, но это моя Камилла.

— Я по тебе скучаю, любимый. Ожидание убивает меня. Я знаю, что не совсем правильно говорить это, когда ты здесь, взаперти, но я чувствую, что постоянно нахожусь в состоянии тревоги, — говорит она.

Я не сказал ей о том, что на столе было написано заявление о признании вины, потому что она хотела, чтобы я сделал что угодно, бросил кого бы то ни было под автобус, лишь бы вернулся обратно.

— Дело будет принято у присяжных достаточно скоро. Это первый шаг. Но пока я хочу, чтобы ты кое—что для меня сделала, хорошо?

— Хорошо.

— Во—первых, есть какие—нибудь новости об убийстве Вандервола? — спрашиваю я, поскольку я не могу заставить охранников включить телевизор на любой из новостных каналов.

— Вся компания находится под следствием, но для чего, общественность еще не знает. Она тяжело вздыхает, наклоняется вперёд и становится напряженной. — Что я должна

сделать, Кэл? Это всего лишь вопрос времени, когда все это попадает в прессу. Все будут знать. Наши имена будут звучать повсюду.

— Я могу тебе доверять, верно?

— Тебе даже не нужно подвергать это сомнению. Конечно. Я люблю тебя и сделаю все, что угодно, ты знаешь это.

— Мне просто нужно было услышать это снова. Это место умеет вогнать тебе в голову сомнения, — говорю я ей, но знаю, что могу ей доверять. Она не похожа ни на одну женщину, которую я когда-либо любил. Она может быть на двадцать три года моложе меня, но она боец. После моего ареста я рассказал ей о незаконной деятельности, в которой был замешан. Я рассказал ей все, она не разочаровалась во мне и предложила рассказать властям все, что я хотел. Эта женщина будет лгать, обманывать и красть для меня, и я люблю ее еще больше за это. Так как она сидит здесь, вся чопорная против мусора городских маргиналов, я улыбаюсь внутри, зная, что она, вероятно, будет вести себя еще грязнее, чем большинство из них, и она будет выглядеть просто великолепно, делая это.

— А как насчет его жены? Она была в новостях?

— Нет. На данный момент мало информации. Полиция держит рот на замке, пока дело расследуется.

Я киваю, а потом она добавляет:

— Дорогой?

— Что такое?

— Ты уже думал о том, чтобы позвонить сыну? Тебе не кажется, что он должен знать?

Сжав кулаки, я кладу руки на стол.

— Пока нет.

— Я могу позвонить ему.

Я качаю головой, говоря:

— Лаклан упомянул девушку, с которой он проводит время в Гала. Элизабет Арчер. Можешь простерстить это имя?

— Элизабет Арчер, — повторяет она. — Да. Зачем?

— Мне нужно знать, кто она и какой интерес она имеет к моему сыну. Лаклан сказал мне, что она в Шотландии только на короткое время. Я не смог получить больше информации, потому что звонок был прерван.

— Как ты думаешь, кто она?

— Не знаю. Но кто-то стрелял в Деклана через пару дней после убийства Беннетта, и он отказался назвать кто это. Там, где-то есть связь. Я знаю это.

— Это так несправедливо, — говорит она. — Я имею в виду, ты никогда никому не причинил вреда. Я не знаю, почему ты сидишь здесь, в тюрьме, а не те, кто вовлечен в это. Почему бы тебе не дать им имена?

— Ты знаешь почему, Камилла. Мы уже говорили об этом. Это не те люди, от которых можно отвернуться. Этот бизнес намного больше меня. И, зная суммы денег, которые я отмывал, моя жизнь на кону, если кто-то наступит, меня убьют.

— Я знаю, мы говорили об этом, это просто...

— Послушай, — говорю я, желая, чтобы она не погружалась в эмоции всего этого.

— Прямо сейчас, просто сосредоточься на заботе о себе. Сосредоточься на выяснении, кто эта девушка, которая проводит время с Декланом. Я не хочу, чтобы ты заикливалась на вещах, которые сейчас не под нашим контролем, хорошо?

Кивнув, она уступает:

— Хорошо.

Ступив ногой на чужую территорию, я чувствую себя свободным. Я избавлен от груза, который давил мне на плечи, и это приятное чувство, ходить, не оглядываясь постоянно через плечо.

Я приехал в Шотландию вчера, и после моей первой ночи крепкого сна за долгое время я проснулся сегодня утром, чувствуя себя живым.

Но пора вернуться к бизнесу.

Найти её — это мой билет на свободу.

Поэтому, когда я открываю свой ноутбук, я начинаю поиск двух имен, которые она использует: Нина Вандервол и Элизабет Арчер.

— Алло? — отвечаю я, когда звонит сотовый.

— Элизабет, это Лаклан.

Его голос разочаровывает. С тех пор, как Деклан пришел ко мне и попросил меня не уезжать, я надеялась услышать его, но пока ничего.

— Привет.

— Я хотел узнать, сможем ли мы встретиться. У меня есть информация о твоей матери.

Небольшой поток адреналина пронесется по моему телу. Или это тревога? Может, страх? Я не знаю, что именно, но это пробуждает что-то внутри меня, и я спрашиваю:

— Ты нашел ее?

— Да. У тебя есть время, встретиться со мной?

— Ты в городе? — спрашиваю я, зная, что он живет в часе езды от Эдинбурга.

— Я смогу быть там. Ты просто скажи, как лучше для тебя.

— Я могу приехать в город.

— Ты уверена?

— Да, — отвечаю я, — Будет здорово немного изменить обстановку.

Честно говоря, мне просто нужно отвлечься. Вчера у меня был мрачный день, после того, как прошлой ночью здесь был Деклан. Запутанная неразбериха этой ситуации сводит меня с ума. Попытка разобраться с раной, которую я открыла вчера вечером, оказалась слишком сложной для меня.

И стоит открыться одной ране, открывается и другая.

С позором и отвращением моего прошлого, которое я вынуждена была хранить в тайне так долго, мне нужны были тиски, чтобы справиться с войной внутри меня.

Поэтому я сделала то, от чего мне стало хорошо, и когда безмятежная кровь, стекающая по моей шее, исчезла, я начала забивать кулаками свои бедра. Я продолжала до тех пор, пока, наконец, не увидела кровь, скопившуюся под моей кожей. Изуродованный алебастр.

Я повесила трубку после того, как записала его адрес и схватила свой шарф и пальто. Я отправляюсь в Эдинбург. Когда я перехожу на Мерчистон Гарденс, меня приветствуют красивые викторианские дома.

— У тебя были проблемы с поиском? — спрашивает Лаклан, открывая входную дверь, когда я подъезжаю к его дому.

— Я в чужой стране, — дразню я.

— У меня всегда есть проблемы, когда я приезжаю сюда.

Он смеется, и, когда я приближаюсь к нему, он шутливо замечает:

— Ну, ты выглядишь невредимой, и машина по-прежнему выглядит целой.

— Счастливая машина, — подмигиваю я, прежде чем войти в фойе.

Я вижу стены, залитые богатыми темно-серыми тонами слоновой кости, деревянные полы цвета красного вина и большие окна. Дом просторный, с большим количеством естественного освещения.

— Прекрасный дом.

Лаклан проходит мимо меня, и я следую за ним по дому к главной гостиной.

— Могу я предложить тебе выпить? — предлагает он.

— Нет, спасибо. — Сняв пальто, я накинула его на диван и села рядом с Лакланом. — Впечатляет.

Он смеется и говорит:

— Ты великодушна. Можно было бы сказать, что я живу в трущобах по сравнению с Брунsvикхилл твоего мужчины.

— Моего мужчины?

— Разве не так?

Продолжая легкий стёб, который проходит между нами двумя, я говорю:

— Ну, для любого, кто знает Деклана, ясно, что никто не может требовать от него что—либо. Он действует наоборот. — Сжав ноги, я усмехаюсь и добавляю: — Тотально контролирующий фрик.

— Попробуй на него работать.

Его слова сбивают с толку, и я спрашиваю:

— Ты работаешь на него? — И когда он кивает, я замечаю: — Ты об этом не говорил.

— Ты не спрашивала.

— Есть ли что—то еще, о чем я не спросила и о чем должна знать?

— О, да, — преувеличивает он шутливо, — Но какое может быть удовольствие в прозрачности?

— Человек—загадка.

Он улыбается, и я смеюсь.

— Итак, скажи мне, Лаклан. Что ты делаешь для Деклана?

— Я управляю его финансами среди прочих вещей. А что насчет тебя?

— Меня?

— Какая у тебя профессия?

Его вопрос возмущает, и я отвечаю:

— Я предпочитаю не брать на себя обязательство единственного образования.

— Предприниматель?

— Разве это не просто модное слово для безработных?

— Какое ты предпочитаешь?

— Честно и прямо, — говорю я ему, — нет никаких причин приукрашивать правду, потому что, когда люди понимают, что *crudité* (грязь) — это просто вегетарианское блюдо, они чувствуют себя обманутыми, а виновник выглядит мошенником.

Он смеется, но вряд ли он знает, что *crudité* здесь я. Я искаженная гипербола. По крайней мере, это то, чем я была. Я пытаюсь избавиться от этого облика, потому что мне нужна прочная основа, чтобы понять, кто я. Каковы реальные волокна, из которых я соткана?

И затем я вспоминаю, почему я здесь, и мне интересно, готова ли я к этому? Я действительно хочу знать? Он сказал мне, что нашел мою мать, которую я никогда не знала, и на меня обрушивается множество вопросов: она когда—нибудь любила меня? Любила ли она моего отца? Почему она не хотела меня? Знала ли она, что мой отец сидел в тюрьме? Знала ли она, что я нахожусь в приемной семье? Почему она не пришла за мной? Почему она не спасла меня? Как она могла просто избавиться от меня?

— С тобой все в порядке? — задает вопрос Лаклан, его голос наполнен беспокойством.

Я поднимаю свои глаза на него, понимая, что позволила своему разуму переместиться и вытащить меня отсюда.

— Да. Прошу прощения, — я меняюсь и, оставив юмор позади, говорю: — Мне немного не по себе.

— Как так? — его голос смягчается от смены настроения.

— Интересно, хочу ли я открыть эту дверь, которая была закрыта всю мою жизнь.

— Мы можем этого не делать, — говорит он мне. — Если ты передумала или хочешь подождать... тебе решать.

— Кажется странным, — замечаю я, — Сидеть здесь с тобой — практически с незнакомцем — и, тем не менее, ты знаешь о моей матери, когда для меня она не что иное, как вопросительный знак.

— Она не должна быть вопросительным знаком. Но если ты не готова...

— Я думала, что это так. Теперь я не уверена.

Он встаёт, подходит к буфету и берет конверт. Мои глаза следуют за ним, когда он подходит ко мне и садится рядом. Положив конверт на мои колени, он говорит:

— Я не думаю, что здесь есть правильный или неправильный выбор, но если ты считаешь, что хочешь открыть дверь в тайну, то здесь всё написано.

Я пробегаю ладонями по бумаге, которая отделяет меня от моей мамы, и мои опасения растут. Это загадка, что содержит этот конверт — надежду или печаль. Это приведет меня к ответам или просто создаст больше вопросов? Или мне всё равно? Не похоже, что она что-то значит для меня, ведь так?

И потом я удивляюсь, почему я никогда не делала попытки узнать о ней. Может быть, это потому, что Пика было достаточно для меня, чтобы заполнить отсутствие семьи. Я имею в виду, что он никогда не мог заполнить пустоту моего отца — никто не в силах этого сделать, но Пик стал моей семьей. Он был моим защитником и утешением, и я не чувствовала, что мне нужен кто-то еще, потому что его было достаточно.

Но теперь он ушел.

И Деклан тоже. Несмотря на то, что он меня держит рядом, он больше не принадлежит мне. И принадлежал ли он когда-либо мне?

За эти несколько недель с тех пор, как все рухнуло, мое одиночество выросло до предельного уровня. И теперь часть меня чувствует, что мне это нужно, что бы ни было внутри этого конверта.

— Скажи мне, Лаклан, твои родители все ещё живы? — спрашиваю я подавлено, запутавшись в своих чувствах, думая, есть ли кто-нибудь на этой планете, кто мог бы понять меня.

— Да.

— Большая или маленькая семья?

— Большая.

— Она рядом? — спрашиваю я.

— Да.

Грустная теплота ползёт по моим щекам, и я нахожу минутку, чтобы отбросить это чувство, прежде чем заговорить снова.

— У меня никогда не было этого.

Он не отвечает, но что тут говорить?

— Хочешь отвлечься? — предлагает он.

Я вздыхаю в отчаянии:

— Пожалуйста.

Его улыбка дружелюбна, и она увеличивается, когда он берет меня за руку, заставляя подняться.

Подавая мне моё пальто, он говорит:

— Пойдём отсюда.

Затем он везет меня в кафе Cuscina, где мы балуем себя капучино и Куин Аманн (прим. перев. kouignou amann — одна из самых известных французских выпечек — булочка из теста

с большим количеством соленого сливочного масла и сахара). Лаклан обещает мне, что я буду ими наслаждаться, и французская выпечка не разочарует.

Мы проводим не спеша несколько часов, теряясь в беседе. Он рассказывает мне истории о своем времени с Декланом в Сент—Эндрюсе, а также несколько забавных историй из своего детства в Шотландии. Я задаю вопросы о культуре, он спрашивает о моей жизни в Штатах. Меня удивляет, что он никогда не был в США. Я дразню его по поводу фасоли на завтрак, и он дразнит меня тем, что употребление тридцати двух унций содовой, или, как он ее называет, газированного сока, является естественным в Штатах.

Я провожу приятный день с Лакланом, отвлекаясь от грустных мыслей. В целом, я мало времени проводила с ним, но приятно чувствовать, что у меня здесь есть друг, с которым я могу разговаривать и смеяться. В присутствии Лаклана я чувствую себя расслабленно, и мне нравится наше дружеское подшучивание.

Но теперь радость ушла, когда я сижу здесь, в моей комнате в Гала. С тех пор как я вернулась, я сижу здесь с этим конвертом, споря о том, должна ли я просто выбросить его, уничтожить, сжечь. Или я должна открыть его и прочитать. Я спросила Лаклана, так как он знает, что там вложено, стоит ли это того, чтобы я читала. Его ответ был расплывчатым, о том, что люди находят утешение по—разному, и только я могу принять такое решение.

И я это сделала. Видите ли, насколько бы жизнь не подвела меня, насколько бы я хотела притвориться, что больше не трачу свое время на надежду — я все еще цеплялась за неё. И в тот вечер, сидя в своей уютной комнате в «Водяной Лилии», в Галашиилсе в Шотландии, я приняла решение и позволила этой надежде расцвести внутри меня. Я думала, что может, просто, может быть, у меня была мать, которая хотела меня, но никогда не могла найти. Возможно, в конверте был ключ к моему материнскому неожиданному счастливому событию. Но то, что я узнала далее, испугало меня, и позвольте мне сказать вам, что я не была женщиной, которую легко напугать.

Первое, что я вижу, когда вытаскиваю содержимое из конверта — это фотография моей мамы. Я узнаю её лицо по фотографии, которая у меня всегда была. Но на этом изображении она выглядит расстроенной, с пятнами на лице и грязными волосами. Я смотрю в её глаза, глаза, похожие на мои. Вместе с фотографией находится стопка судебных документов, свидетельство о рождении и контактная распечатка для Центра психиатрического здоровья Элджина.

Государство против Гвинет Арчер бросается мне в глаза, когда начинаю читать. Её зовут Гвинет. У неё всегда было лицо, благодаря той одной моей фотографии, но я до сих пор не знала ее имени. Я начинаю сканировать документы суда, и мой живот начинает скручиваться, когда я выделяю конкретные слова. С дрожащими руками я листаю бумаги. Мой сердечный пульс нарастает от шока и замешательства, когда мои глаза бегают туда—сюда, не в силах сосредоточиться на предложениях.

Подсудимая... Пренебрежение уходом за детьми... Недосмотр за ребенком... Незаконная продажа ребенка... Мошенничество в сфере коммуникаций...

Неверие поглощает меня, когда я читаю слова. Я в бешенстве, когда продолжаю внимательно просматривать документы. Я пытаюсь сфокусироваться на этих словах, но чувствую, что уже на грани срыва.

Это не может быть реальным. Это не может быть правдой.

Психическое заболевание... Послеродовая депрессия... Маниакальная депрессия...

Я продолжаю читать, и с каждым словом мой разум борется с процессом, я прихожу в бешенство. Комната начинает кружиться вокруг меня, и моё сердце сжимается, затрудняя дыхание.

Прокурор: *«Миссис Арчер, вы заключили сделку о продаже своей двухмесячной дочери, Элизабет Арчер»*

Ответчик: *«Да».*

Истеричный взрыв шума в ушах рикошетит в моей голове, пронзительный, стреляющий, безжалостный взрыв боли. Мои руки крепко сжимают бумаги, так как мое зрение плывёт и выходит из фокуса. Я зажмуриваюсь, решая читать дальше, но быстро угаваю, когда мои глаза сканируют: *«Невиновна по причине невменяемости».*

Бумаги падают, рассыпаясь по полу, когда мои руки поднимаются к моим ушам, пытаюсь заглушить пронзительный звон, но он исходит из моей головы. Звон нарастает, и это раскалывает мой череп. Нахлынувшие эмоции внутри меня создают невыносимое давление, и мне нужно освобождение.

Я не могу принять это.

Это так громко, так больно, слишком живо, слишком много.

О, мой Бог! Она продала меня!

Путаясь в своих ногах, я теряю равновесие, когда перехожу через комнату. Я ничего не слышу, кроме крика в ушах. Я спотыкаюсь и удерживаюсь от падения, хватаясь за ручку двери шкафа. Я задыхаюсь, картинка перед глазами размывается, и я начинаю плакать — рыдать — плакать — кричать.

Она даже не хотела меня.

Стоя в дверном проеме чулана, я хватаюсь за дверной косяк и крепко держусь. Я опускаю голову, мое зрение уменьшается как в тумане, и это слишком много, чтобы сдержаться. Я больше не могу справиться с огромной истерией внутри меня.

Я не могу этого сделать.

Меня сейчас вырвет.

Я не могу этого сделать.

Я не могу.

Подняв голову, я вонзаюсь ногтями в дерево, с силой расщепляя его. Быстрым движением я откидываю голову назад, стискиваю зубы и использую каждую унцию силы во мне, когда яростно бьюсь головой о дверной косяк. Отступая назад, я терплю и делаю это снова, разбивая свой лоб об массивную древесину. Моё зрение пронзает полоска света.

В дверь стучат, но этот звук очень далек от меня.

Густая, теплая кровь стекает по моему лбу, по глазам, носу и щекам. Моё тело сгибается и скользит вниз к полу. Звон гаснет, и моё тело покалывает от удовольствия, когда кровь сочится из моей разбитой головы.

Я слабо слышу, как дверная ручка в мою комнату рвется взад и вперед, а потом стук.

— Открой дверь!

Я не могу сосредоточиться на голосе кричащего за пределами моей комнаты, когда звон возвращается к моим ушам, и слова, которые я только что прочитала, пробегают в моем сознании. Откинув голову назад, мои глаза начинают гореть от смеси моих слез, крови и макияжа. Звуки, которые захватывают, неконтролируемы и мучительны.

Стук становится громче, и я двигаю глазами, чтобы сосредоточиться на двери.

— Открой эту чертову дверь!

Я даже не вздрагиваю, когда слышу грохот и раскалывание дерева, когда дверь выбивают, потому что я слишком далеко зашла. Я затерялась внутри себя, и больше ничего не чувствую.

Другой удар, и я смотрю в оцепенении, как Деклан хватается меня.

— Боже мой! — я слышу крик женщины, и я знаю, что это Айла, но я обращаю свое внимание исключительно на Деклана.

— Иисус! — он впадает в панику, когда его руки касаются моего лица, но все это похоже на сон.

Я даже не чувствую его прикосновения. Мое тело поет в лучистых покалываниях, но почему—то плоть совершенно онемела.

— Мне нужны влажные полотенца! — кричит он, и звон внутри меня опускается до низкого монотонного гудения. Это не прекращается.

— Может мне вызвать врача?

— Нет, — выплёвывает он Айле, прежде чем протирает моё лицо влажным полотенцем.

Но я ничего не чувствую.

Мое сердце ещё бьется?

Я знаю, что это должно случиться, когда я, наконец, чувствую давление от прикосновения, но это не от Деклана. Я поворачиваю голову в сторону, и Пик здесь со мной. Он берет меня за руку и крепко держит.

— Ты здесь.

— *Я всегда здесь.*

— Да, дорогая. Я здесь. Что случилось?

Я слабо слышу голос Деклана, но это почти эхо, когда я концентрируюсь на Пике.

— Я так по тебе скучаю, — говорю я, когда начинаю заново плакать.

— *Поговори со мной.*

— Я здесь, Элизабет. Не плачь.

— Она никогда не хотела меня, — задыхаюсь я.

— *Кто?*

— Кто?

— Моя мама. Она продала меня.

— *К чёрту её. В любом случае, ты никогда не нуждалась в ней.*

— Тсс... Просто дыши, хорошо?

— Мне нужен кто—то. Я так одинока, — говорю я Пику.

— *Ты не одна,* — настаивает он, а затем кивает головой в сторону Деклана.

Я ненадолго оглядываюсь, и его руки все еще на мне, крепко прижимают полотенце к моей голове. Когда я оглядываюсь назад на Пика, я предостерегаю:

— Он не хочет меня. Он жалеет только те отходы, с которыми теперь знаком, со мной.

— Элизабет, о чем ты говоришь?

— *Он заботится о тебе. Иначе, зачем бы он был здесь прямо сейчас?*

— Как он может заботиться обо мне после того, что я сделала?

— *Любовь есть любовь. Она просто не исчезает.*

— Как ты можешь быть так в этом уверен?

Его рука сжимает мою руку, успокаивая озноб, который теперь начинает одолевать меня, и наклоняется, чтобы тихо прошептать мне на ухо:

— *Потому что, даже если ты в меня стреляла и убила, я все равно люблю тебя каждым кусочком своего сердца. Я все еще хочу отдать тебе мир.*

— В чём я могу быть уверен? О чем ты говоришь? — спрашивает меня далёкий голос Деклана, думая, что я разговариваю с ним.

— С ней все будет в порядке?

— Она в порядке! Пожалуйста, уйдите и дайте нам немного времени, ладно?

Я едва слышу Деклана и Айлу, но мои глаза не покидают моего брата, когда слёзы текут ещё сильнее. Как он может любить меня, когда я такая отвратительная?

— Мне очень жаль, — кричу я.— Я хочу забрать всё плохое обратно, Пик, но я не могу! Я не знаю, как.

— Дорогая, посмотри на меня. С кем ты разговариваешь?

— Скажи мне, Пик. Как мне вернуться и всё исправить?

— *Ты не можешь.*

Окончателность моего выбора, знание того, что его нельзя отменить, — это ужасный груз, который я теперь ношу с собой. Я сомневаюсь, что смогу нести его еще долго.

— Элизабет, посмотри на меня! Сосредоточься!

— *Посмотри на него, Элизабет.*

— Он не любит меня. Это причиняет мне боль, смотреть на него.

— *Он скрывает это, но, если ты согласишься достаточно внимательно, ты согласишься увидеть его трещины.*

— А как насчет тебя? Я хочу, чтобы ты остался. Я хочу, чтобы ты вернулся. Я умоляю тебя, — как маленький ребенок прошу о чем—то невозможном, но я все равно прошу.

— *Я внутри тебя. Я не могу быть еще ближе.*

— Черт побери, посмотри на меня!

— *Ты его пугаешь,* — говорит он спокойным голосом, а затем в последний раз убеждает: — *Посмотри на него, Элизабет.*

И когда я это делаю, одно прикосновение меняется на другое. Моя рука становится холоднее, моё лицо согревается под прикосновением Деклана, я резко переключаюсь и начинаю неудержимо рыдать.

ГЛАВА 26
ДЕКЛАН

— Мне очень жаль, — рыдает она, не глядя на меня. — Я хочу забрать все плохое, Пик, но я не могу! Я не знаю, как.

Она только что сказала Пик? Что, черт возьми, происходит?

— Дорогая, посмотри на меня. С кем ты разговариваешь? — спрашиваю я, надавливая на голову Элизабет пропитанным кровью полотенцем, пытаюсь остановить кровотечение. Но она как будто не слышит меня и продолжает говорить с кем—то.

— Скажи мне, как, Пик. Как мне вернуться и исправить всё это?

— Элизабет, посмотри на меня! Сосредоточься! — Я кричу на нее, пытаюсь вырвать ее из той галлюцинации, в которой она находится.

— Он меня не любит, — продолжает она. — Это причиняет мне боль, смотреть на него.

Бл*дь, что с ней происходит? Она пугает меня дерьмом своих загадочных глаз и этим таинственным разговором.

— Но как же ты? Я хочу, чтобы ты остался. Я хочу вернуть тебя.

— Черт побери, посмотри на меня! — Я снова кричу, хватая ее за плечи и встряхивая.

Медленно, она, наконец, поворачивает голову и поднимает глаза. Мои руки теперь убаюкивают ее лицо, и после пары морганий она срывается и начинает реветь — полностью разбитая. Я держу ее так, что мое сердце бешено колотится, сбитое с толку этим дерьмом.

Количество адреналина в моей крови медленно снижается, когда я сажусь с ней на пол. Ее кровь повсюду, и я до сих пор не знаю, что, черт возьми, случилось в этой комнате, прежде чем я вышиб дверь ногой.

Её тело внезапно вздрагивает, руки прикрывают уши, а лицо сжимается, когда она издаёт жуткий крик. Ужас охватывает меня, и я хватаю ее за плечи, чтобы поднять.

Ее глаза закрыты, когда она кричит:

— Это так громко! Останови это!

— Что остановить? Расскажи мне, что происходит, — прошу я.

Она протягивает руку за спину, и когда я пытаюсь заставить ее открыть глаза и успокоиться, я в ужасе замечаю, как она расцарапывает кожу на своей голове. Она извивается, шипя от боли. Я борюсь с ней, хватая ее за руки, чтобы удержать их за спиной. Она изо всех сил пытается освободиться, но я усиливаю свою хватку, когда вижу нелепые коросты, которые она сорвала ногтями.

Гребаный Христос, у этой девушки конкретное нервное расстройство.

— Прекрати бороться со мной, — резко требую я.

Но она, не останавливаясь, кричит:

— Это так громко. Отпусти меня!

— Дыши. Перестань сражаться со мной и просто дыши.

Я отпускаю ее руки, но тут же быстро прижимаю их к ее бокам и крепко обхватываю ее руками за грудь, взяв над ней контроль. Ей тяжело бороться со мной и дергаться в этом положении, но она продолжает пытаться. Итак, я держу ее, пока она не начинает уставать. Делая все возможное, чтобы сохранить ровный тон, я продолжаю свои попытки успокоить ее, повторяя снова и снова:

— Все в порядке... Ты в безопасности... Дыши...

Когда ее тело ослабевает, теряя напряжение, и снова прикидается ко мне, я ослабляю свою хватку. Она тихо и глубоко вздыхает. Я не знаю, что с ней происходит, но я знаю, что она теряет свое дерьмо. Тот факт, что она скрывается здесь и причиняет эти увечья своему телу, уже не тревожит. Но что, если она хочет покончить с собой. И тот факт, что я только что поймал ее, когда она беседовала с тем, кого больше не существует, это безумие.

Я не знаю, что делать, но я знаю, что не могу оставить ее здесь одну. Бог знает, что она будет делать дальше. Итак, я встаю и собираю все бумаги, которые валяются на полу, а затем хватаю ее на руки. Ее кровь повсюду, и на мне, и на её лице. Ее тело свернулось в моих руках, и я забираю ее нахрен отсюда.

— Она в порядке? Куда вы ее везете? — с заботой спрашивает Айла, когда я пробираюсь к входной двери.

— Она в порядке. Я забираю ее к себе.

Выйдя в резкий ночной холод, я посадил ее в свой внедорожник. Она молчит. Она совершенно отсутствует. Я пристегиваю её ремнем безопасности и еду к себе домой.

Пока я еду, я вытаскиваю свой телефон и звоню своему другу, у которого жена врач. Я подчеркиваю срочность данной ситуации и жду, когда он объяснит своей жене что происходит, затем она соглашается приехать ко мне домой.

Как только мы возвращаемся ко мне, я поднимаю ее на руки и несу наверх, чтобы отнести ее в душ и помыть. Она полностью в отключке, когда я начинаю снимать с неё одежду. Увидев ее раздетой, я был потрясен.

Она покрыта множеством синяков: синими, фиолетовыми, зелеными, желтыми, коричневыми. Они повсюду: на ее груди, животе и бедрах — пятна приглушенных оттенков.

— Ты сделала это с собой? — спрашиваю я, но она не отвечает. Она опускает глаза и не произносит ни слова. — Посмотри на меня.

Но она этого не делает.

Я наклоняю голову, чтобы попытаться поймать ее взгляд, но я не получаю ничего, кроме опустошения. Включив воду, я тоже снимаю одежду и помогаю ей в душе. Она стоит, не двигаясь, когда я умываю ее. Вода становится красной, пробегая по нашим телам и унося кровь в водосток.

Я продолжаю двигаться, чтобы отвлечь себя, но после того, как мы оба чисты, все замедляется. Стоя под горячей водой, я вижу девушку, которую никогда не видел. Она разорвана, потеряна и слаба. Она не похожа на ту женщину, с которой я познакомился в Чикаго — Нину. И я начинаю задумываться, насколько эти два человека на самом деле отличаются друг от друга.

Кто такая Элизабет? Она похожа на Нину? Сильная? Вспыльчивая? Веселая? Умная? Кто эта девушка, стоящая передо мной?

Я пробегаю ладонями по ее щекам и зажимаю подбородок, подталкивая ее голову ко мне. Ее взгляд переместился на меня, и когда я смотрю на нее, я бормочу:

— Кто ты, Элизабет?

Она моргает, без выражения на лице, и после некоторого времени она, наконец, отвечает холодными словами:

— Я никто.

С тем же безумием, насколько я её ненавижу, насколько хочу отметить ее падение, я желаю убедить ее, что она — кто—то. Я хочу напомнить ей все причины, по которым я её полюбил, но кто может знать, не были ли эти причины просто продуктом ее обмана. Мне нужна четкая ясность происходящего с ней, но я не знаю, случится ли это когда—нибудь.

И что бы я сделал, если бы получил ее?

Столько всего, что я хочу сказать, так много вопросов, но я знаю, что сейчас не время для этого. Отключив воду, я хватаю полотенца и завязываю одно вокруг талии, прежде чем заворачиваю ее.

Я подвожу ее к кровати и, усаживая, говорю:

— Оставайся здесь. Я скоро вернусь с одеждой.

Я мчусь в свою комнату, чтобы бросить штаны и футболку, прежде чем вернуться с парой моих боксеров и рубашкой для нее. Я одеваю ее и кладу на кровать. Она остается спокойной. Я даже не пытаюсь говорить, когда она скатывается на бок, отвернувшись от меня. Я знаю, что она должна быть физически и эмоционально истощена, и я хочу позволить ей отдохнуть, но я также боюсь оставить ее одну прямо сейчас.

Поэтому, пока я жду прибытия Кайлы, я беру конверт с бумагами, которые я взял из комнаты Элизабет, и сажусь у окна на один из стульев в углу комнаты. Я вытаскиваю пачку документов и начинаю сортировать их, чтобы привести в порядок, прежде чем начну читать.

Информация, содержащаяся в судебных документах, вызывает тревогу, и я не могу поверить в то, что читаю. Я провожу следующие полчаса, вчитываясь в показания ее матери, где она признается, что хотела прервать беременность, когда узнала об этом, но муж попросил ее сохранить ребенка для него, и она это сделала. Но после рождения младенца она стала впадать в депрессию и начала думать о вреде и даже убийстве Элизабет. Как она чувствовала, что ее муж любит их дочь больше, чем ее. И, в конце концов, как она тайно продала ребенка тому парню, с которым познакомилась через друзей, живших в Кентукки.

Внутренняя связь гудит, предупреждая о нахождении кого—то у ворот, вырывая меня из моих глубоких мыслей.

Положив бумаги на столик, я подхожу к кровати и с удивлением вижу, что она все еще не спит, безучастно глядя в окно.

— Ты в порядке?

Нет ответа.

— Мне нужно спуститься вниз ненадолго, — говорю я ей, но все равно не получаю ответа.

Прежде чем выйти из комнаты, я нажимаю кнопку на домофоне, открывающую ворота, а затем спускаюсь вниз, чтобы встретиться с Кайлой.

— Спасибо, что приехала так быстро, — говорю я ей, когда она входит в мой дом.

— Алик подчеркнул, насколько важно для вас держать этот вопрос в секрете.

— Да. Последнее, что мне нужно, так это чтобы какой—то репортер начал крутиться вокруг, узнав, что я был в больнице с женщиной.

Ее улыбка теплая, и когда она касается моей руки, она говорит:

— Ты и Алик были друзьями в течение многих лет, и, хотя мы с тобой не так хорошо знакомы, я хочу, чтобы ты знал, что можешь доверять мне.

— Спасибо.

— Прежде, чем я проверю девушку...

— Ее зовут Элизабет, — перебиваю я, мой живот все еще туго скручен от чтения о ее матери.

— Прежде чем я обследую Элизабет, вы можете рассказать мне, что случилось сегодня вечером?

— Мне позвонил друг, сообщив, что она узнает что—то, что, вероятно, ее расстроит.

Ее брови поднялись.

— Детали не важны, но, разумеется, она не восприняла новость хорошо. После того, как я закончил разговор с моим другом, я бросился туда, где она остановилась, желая проверить её, и когда я приехал, она заперлась в своей комнате. Она кричала, как маньяк, и рыдала. Я

выбил дверь, и она была покрыта кровью. Она, должно быть, ударилась головой обо что—то. Всё кругом было в крови. Она немного успокоилась и заговорила. Я думал, что она говорит со мной, поэтому я отвечал ей, но она не смотрела на меня. И затем она упомянула чужое имя.

Я рассказываю ей, не желая раскрывать слишком много деталей.

— Должно быть, у нее были галлюцинации, а потом было похоже, что все ее тело заболело, и она стала жаловаться на звон в голове.

— У нее было такое раньше?

— Я предполагаю, но точно не знаю. Когда я привел ее сюда, я посадил ее в душ, и все ее тело было покрыто синяками. Как будто она избивала себя. Я знаю, что у нее есть рана на голове, которую она раздирает.

— Она на каких—нибудь лекарствах, о которых вы знаете?

— Нет. Я не знаю.

— Все в порядке, — уверяет она, а затем просит ее увидеть.

Я провожаю ее по лестнице в комнату для гостей, где я оставил Элизабет. Я стою в стороне, а Кайла подходит к кровати, чтобы поговорить с ней.

— Привет. Я доктор Аллавай. Вы можете сказать мне свое имя?

Я смотрю, ожидая какого—то движения, но нет никакого сдвига, когда я слышу ее слабый голос:

— Элизабет.

— Фамилия?

— Арчер.

Кайла ставит свою медицинскую сумку на тумбочку и начинает задавать Элизабет ряд вопросов о событиях вечера. Кайла помогает приспособиться Элизабет в постели и усаживает ее со стопкой подушек за спиной. Они начинают говорить, и голос Элизабет звучит глухо, когда она рассказывает о своей матери, и по тому, что она говорит, я могу сказать, что она не знает всех фактов, как я. Вероятно, она только прочитала несколько слов и так взбесилась, что сорвалась.

— Был ли еще кто—нибудь в комнате с вами и Декланом? — задает она вопросы, зная, что я упомянул о том, что она говорила с кем—то, кого там не было.

Я прислоняюсь к стене молча, скрестив руки на груди, и я вижу, как ее глаза блестят от слез.

Она кивает, и Кайла спрашивает:

— Кто еще был там?

— Мой брат, — слабо отвечает она.

— Можешь сказать, где сейчас твой брат?

— Я не сумасшедшая, — немедленно защищается Элизабет.

— Никто так не считает. Но мне нужно, чтобы ты была честна со мной, чтобы я могла помочь тебе.

— Вы не можете мне помочь.

— Ты позволишь мне попробовать? — предлагает она. — Мы можем не говорить сейчас о твоём брате, если ты не хочешь, но позволишь ли ты мне взглянуть на твою голову?

Кайла начинает лечить раны на лбу, а также одну на затылке. Затем она движется, чтобы исследовать синяки на ее теле, в то же время осматривая ее жизненно важные органы. Пока она делает все это, она продолжает говорить с Элизабет, и вскоре та рассказывает:

— Иногда, когда я действительно расстроена или испытываю стресс, я вижу своего брата. Он разговаривает со мной и успокаивает.

Закончив осмотр, она выписала рецепт успокоительного, и когда я провожаю ее, она говорит:

— Я бы хотела увидеть ее снова, но я хочу, чтобы она также посетила психиатра. Как я уже сказала, я мало знаю об этом случае или семейной истории пациента, но моя первая мысль заключается в том, что она, скорее всего, имеет дело с необработанным депрессивным эпизодом с некоторым конгруэнтным психозом.

— Что это значит?

— Нет сомнений, что она сейчас ужасно подавлена, но из—за того, что она видит и слышит вещи, которые не существуют, и из—за ее неустойчивого поведения, возникает довольно много красных флагов. На самом деле это хороший знак, хотя ее галлюцинации, похоже, связаны с ее бедой.

— Я никогда не знал, чтобы она была такой неустойчивой, — говорю я ей, вспоминая то время, которое мы проводили вместе в Чикаго. — Она всегда была так скрытна и остроумна. Уверен, что у нее были моменты грусти, но ничего подобного.

— Это не совсем необычная реакция, и чаще всего она проявляется в моменты сильного стресса, — сообщает она. — У нее также небольшое сотрясение из—за травмы головы. Ничего серьезного, но я настоятельно рекомендую вам будить ее каждые два—три часа, хорошо?

— Конечно.

— Я пришлю вам список врачей, которых я рекомендовала бы ей посетить, когда завтра приеду в офис.

Когда она надевает свое пальто, я подаю ее сумку, говоря:

— Не знаю, как отблагодарить вас за это.

Она улыбается и кивает.

— Если вам что—нибудь понадобится или вы заметите какие—либо изменения в ней, пожалуйста, позвоните мне.

Я наблюдаю, как она идет к своей машине, и прежде чем она выходит, она напоминает:

— И уберите эти бумажки.

— Осторожней в пути.

Возвращаясь обратно, я немедленно вытаскиваю свой телефон и звоню Лаклану.

Он берет со второго гудка.

— Здравствуй?

— О чем, бл*дь, ты думал, когда звонил мне после того, как передал ей информацию о ее матери? — огрызаюсь я.

— Все в порядке?

— Я сказал тебе, что хотел бы узнать, как только ты узнаешь, а не после того, как ты с ней встретишься. Если тебе трудно следовать моим простым инструкциям, может быть, ты лучше подойдешь для работы тем, кому наплевать на внимание к деталям.

— Это была полная оплошность с моей стороны. Я извиняюсь.

— Ты знал, что было в этих судебных документах, и твоя забота о ней была очень пренебрежительной.

— Согласен.

— Как, черт возьми, ты смог заполучить эти документы, связанные с несовершеннолетним? — спрашиваю я.

— К счастью, я знаю кое—кого, кому известно, что я могу расплатиться в обмен на бумаги, — объясняет он, а затем спрашивает: — Она их читала?

— Да, она читала их.

— Она в порядке?

— Не твое дело. Я думаю, ты забываешься. Я хочу, чтобы ты прекратил следить за ней, потому что, кажется, ты отвлекаешься, и я не хочу никакого надзора с твоей стороны, — заявляю я, а затем отключаю звонок.

Когда оборачиваюсь, я замираю увидев Элизабет, стоящую у подножия лестницы.
— Ты следил за мной?

— Ты обвиняешь меня? — спрашивает он после моего вопроса.

И он прав, я не могу винить его. Как я могу ожидать, что он не будет относиться ко мне с подозрением?

На его лице читается разочарование, когда он подходит ко мне. Он потирает мое плечо, говоря:

— Ложись спать, — а затем поднимается вверх по лестнице.

— Почему я здесь?

Он поворачивается и смотрит на меня.

— Потому что я не доверяю тебе оставаться наедине с собой.

Он начинает подниматься по лестнице и через несколько шагов, не обращая на меня никакого внимания, добавляет:

— Доктор говорит, у тебя небольшое сотрясение мозга, поэтому я буду будить тебя каждые пару часов. Тебе нужно отдохнуть.

— Почему ты настолько холоден? Ты таким и останешься? — спрашиваю я, смущенная своей реакцией на него.

— Конечно, тебе не нужно напоминать, почему, не так ли?

Я наблюдаю, как он поднимается, затем остаюсь одна в тишине его дома. Его поведение меняется мгновенно, и я могу только предположить, что тот, с кем он разговаривает по телефону, является причиной внезапной перемены. Я не беспокоюсь о том, что меня преследуют, потому что я заслуживаю недоверия.

Поднимаясь вверх по лестнице, я замечаю, что дверь в его комнату слегка приоткрыта. Когда я заглядываю, он лежит на своей совершенной постели. Сложив руки за головой, скрестив лодыжки и глядя в потолок. Я позволяю себе немного времени, чтобы полюбоваться им, прежде чем он почувствует мое присутствие.

Его тело неподвижно и глаза прикованы к потолку, и он без малейшего выражения произносит:

— Убирайся из моей комнаты.

Его тон ровный, но я слышу враждебность глубоко внутри. Поэтому я иду в комнату, в которую он поселил меня, и заползаю под одеяло. Внутри меня пустота, без сомнения, из—за окончания этого вечера. Может быть, мне должно быть стыдно, что Деклан увидел, что я полностью сбилась с пути, как и он, но сейчас я оцепенела от эмоций. Мое тело истощено, и для анализа этой ситуации потребовалось бы больше энергии, чем у меня есть. Поэтому я скатываюсь на бок и смотрю из больших окон на полнолуние, которое освещает краски ночи и медленно засыпаю.

Меня окутывает шепот, оборачиваясь сладким тембром вокруг моего сердца, и осторожно вытаскивает из моего сна.

— Элизабет, — зовет он, — открой свои глаза.

Пальцы прочесывают мои волосы, и прикосновение посылает через меня сверкающую дрожь, согревающую изнутри и пробуждающую.

Деклан сидит на краю кровати, держа рукой мою голову, глядя на меня сверху вниз. Он такой красивый, и я сомневаюсь, что все еще сплю.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Усталость повсюду, и как бы я ни хотела остаться с ним, мои веки тяжелеют. Я могу ответить на его вопрос только кивком и снова погружаюсь в сон.

Слабый свет проникает через мои веки, и когда мои глаза раскрываются, я вижу, что Деклан двигается по ванной. Когда он появляется в дверях со стаканом воды, он выключает свет, погружая комнату в темноту. Я в тумане, когда его тень приближается ко мне, и я чувствую, что кровать прогибается, моя рука инстинктивно тянется к нему.

— Вот, — говорит он, — возьми это.

Почувствовав в руке пару обезболивающих средств, я кладу их себе в рот, а затем делаю глоток воды, которую он мне дает. Моя голова откидывается назад на подушку, весом в тысячу фунтов, и пульсирует от возрастающей головной боли. Я благодарна за то, что Деклан был на шаг впереди меня, зная, что мне понадобится обезболивающее. И закрыв глаза, я чувствую, что туман сгущается, и я погружаюсь в темноту.

Тяжело дыша, я вырываюсь из мертвого сна, чувствуя, как вздымается мое тело. Глаза широко раскрываются, и я прижимаю ладонь к груди. Моя голова затуманена сном, ей с трудом удается нагнать мое напряженное тело. Осматривая незнакомую мне обстановку, я впадаю в панику. Я дезориентирована.

— Элизабет.

Мое внимание устремляется к дверям комнаты, где стоит Деклан, и тогда моё замешательство рассеивается.

— Ты в порядке? — спрашивает он, подходя ко мне, и садится на кровать.

— Да, — дрожу я.

— Что случилось?

— Я не знаю. Плохой сон, наверное.

Мы сидим лицом друг к другу, и я замечаю, что на нем нет рубашки, и как только мои глаза улавливают это, моё дыхание сбивается.

Он там, на его груди — мой позор.

Очевидное доказательство.

Реальность моего мошенничества.

Мое внимание сосредоточено на том, что осталось от моей извращенной игры. Это портит его совершенное тело.

Два пулевых ранения заклеили его на левом плече, запятнав его грудь моей нечистью.

Мой пульс учащается, и когда он смотрит вниз, чтобы понять, что меня так потрясло, мое сердце пронзает та же боль, как от мысли что потеряла его навсегда.

Моя рука поднимается, и он не останавливает меня, когда я протягиваю руку и скольжу кончиками пальцев по пулевым ранениям. Упругая плоть, которая скрывает глубокие шрамы, ее вид ранит меня в самое сердце.

Я не свожу глаз с его груди, когда он позволяет мне прикоснуться. Мой подбородок начинает дрожать, и я заставляю себя произнести слова сквозь комок, застрявший у меня в горле из—за слез.

— Я думала, ты умер.

И в неожиданном движении, нежном жесте, который, я думала, никогда снова не получу, он заключает мое лицо и слизывает капельки слез. Мои руки крепко сжимают его запястья, пока он держит меня за щеки. Закрыв глаза, я наклоняюсь к его рту, когда он глотает мои соленые слезы.

В одно мгновение его облизывание переходит в шелковистый поцелуй, который вспыхивает чудесным воскрешением внутри моего лона. Я хочу верить, что его эмоции реальны, я делаю вид, что они есть, потому что я так сильно хочу его любви. Я хочу верить, что его губы искренны, и они означают именно то, что мое сердце жаждет для них значить.

Я успокаиваюсь, так как теперь мы дышим одним воздухом. Мои руки все еще цепляются за его запястья, потому что мне нужна поддержка его силы в этот момент. Открывая мои губы своими, он погружает свой язык глубоко в мой рот, требуя и связывая нас вместе.

Его вкус — это по—домашнему знакомо и восхитительно.

Мое тело начинает плавать в блаженстве, когда он кладет меня на спину, и мои ноги опускаются на него. Он невероятно жестко прижимается ко мне. Я хныкаю, когда его поцелуи становятся более стремительными. Его губы начинают пылко двигаться, восхищаясь моим ртом, и я сливаюсь с ним, позволяя ему брать, брать, брать. Я бы отдала ему последний вздох, если бы он этого захотел.

Он — эпитафия моего тела.

Его интенсивность растет, и мы не что иное, как дикие сердцебиения, отчаянные вдохи, кровоточащие губы, разбитые души. Мы сливаемся, хватаем и цепляемся за наш путь к непостижимой близости. Его рот находит изгиб моей шеи, и я извиваюсь от удовольствия, когда он кусает меня, помечает мою плоть, прорывает тонкую ткань.

Он глубоко рычит, грудь вибрирует возле моей. Достигая низа, он хватается край моей рубашки и тянет ее вверх, но быстро останавливается. Держась надо мной, он смотрит вниз на мой живот, и, когда мои глаза двигаются, чтобы увидеть, что оттолкнуло его от меня, мои внутренности переворачиваются. Я изуродовала свою кожу, одарив ее чудовищными синяками.

Деклан опускает голову, кончики его волос щекочут мне живот. В тот момент, когда мои руки касаются его головы, он вскакивает и отталкивается от меня. Я сажусь, и мне сразу не хватает его, я наблюдаю за его внезапным изменением. Его глаза сужаются, затем замуриваются, когда боль пронизывает его лицо.

То, что он может исправить внутри меня так быстро, он разрушает еще быстрее.

Он встает и уходит, разрушая добро, которым он только что наполнил меня. Но прежде чем уйти, он разворачивается и говорит:

— Ты выдыхаешь лживые пары, я почувствовал это в нашем поцелуе.

И затем он ушел, оставив мне опустошенный беспорядок, не желая думать о войне, которая происходит внутри него, потому что эта война всегда будет направлена на меня, и я не могу справиться с бременем ответственности в этот момент. Я слишком слаба.

Когда солнце начинает светить сквозь окна, я просыпаюсь. Моя голова раскалывается, когда я потягиваюсь и сажусь, устав от пробуждения среди ночи. Мне было тяжело снова

заснуть после поцелуя Деклана, и когда я иду в ванную, мои темные круги под глазами подтверждают это.

Я роюсь кругом, но не могу найти никаких туалетных принадлежностей. Все мои вещи остались у Айлы. Я дрожу от холода в этом доме, когда пробираюсь в комнату Деклана, но она пуста.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, напугав меня, и когда я оборачиваюсь, он поднимается по лестнице с кружкой в каждой руке.

— Я проснулась и... Я просто искала тебя. Я хотела освежиться, но в ванной ничего не было.

Он вручает мне одну из кружек, и меня немедленно встречает цветочно—пряный аромат чая, который он сделал для меня.

— Ммм... спасибо, — бормочу я, когда он проходит мимо меня в свою спальню.

Я не знаю, следует ли мне последовать за ним, поэтому я остаюсь на месте, но мне не приходится долго ждать, он возвращается со своей кожаной сумкой для туалетных принадлежностей, которую я помню с его квартиры в Чикаго.

— Вот, — говорит он, протягивая мне руку. — Ты можешь использовать мои вещи.

Затем он входит в мою комнату, и на этот раз я следую за ним. Он садится на место возле окна, и я вхожу в ванную, закрывая за собой дверь. Я открываю его сумку, вытаскиваю его зубную щетку и с удовольствием использую ее вместе с его дезодорантом. Я расчесываю волосы, стараясь не сорвать повязку, которую доктор положил на струпы на затылке.

Когда я выхожу, он устраивается поудобнее, выглядя собранным в чистых брюках и угольной рубашке. Но я вижу усталость под его глазами. Я подхожу и забираюсь обратно в постель, накрываясь теплым одеялом, садясь напротив мягкого изголовья кровати. Я делаю глоток чая из своей чашки и смотрю на Деклана, который просматривает стопку бумаг.

— Это?..

Он поднимает голову и говорит:

— Я хотел знать, что тебя расстроило, поэтому я взял их из твоей комнаты.

— У тебя... Я имею в виду, ты... — я путаюсь в своих словах, вспоминая, что я читала, и мое беспокойство усиливается.

— Я подумал, что было бы лучше поговорить об этом и разобраться, вместо того, чтобы следить за тобой.

Покачивая головой, я говорю ему:

— Я не хочу говорить об этом, Деклан.

— Почему?

Отставив чай на тумбочку, я ложусь в постель и признаюсь ему.

— Потому что это слишком больно. Потому что разговор не изменит ничего. Потому что моя жизнь уже слишком запутана для меня.

Он кладет бумаги на кофейный столик перед собой, наклоняется вперед и говорит:

— Игнорирование только ухудшит ситуацию. Это твоя проблема, Ни—Элизабет. — Покачивая головой, он оглядывается на меня и продолжает: — Когда ты все это скрываешь, ты даешь этим власть над собой.

— Я не...

— Ты так не считаешь?

— Нет, — отвечаю я.

Он вздыхает и говорит:

— Тогда объясни мне вчерашний вечер.

— Это не было...

— Ты в последнее время смотришь на себя? — говорит он. — Женщина, которая контролирует ситуацию, не будет разбивать свою голову об гребаную стену.

— Ты не понимаешь, — защищаюсь я.

— Тогда, пожалуйста, объясни мне. Позволь мне понять, почему твое тело покрыто ушибами.

Он смотрит на меня острым взглядом, вымещая на мне свое разочарование, пока я неловко сижу здесь. Зная, какой Деклан видел меня прошлой ночью, зная, что я ему открыла, я чувствую себя лишенной своей брони, за которой привыкла прятаться. Я раскрылась перед этим человеком, но теперь я хочу снова спрятаться. Хотела бы я покончить с этой видимостью и наброситься на него с грубыми словами. Избавить его от той честности, которую я ему давала.

Он видит, что я хочу избежать этого разговора, тогда он нажимает.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, почему ты решила уничтожить себя. Скажи мне почему.

Качая головой, я заикаюсь.

— Не знаю... Ты не поймешь... Я не могу...

— Зачем скрывать сейчас? Зачем? Просто поговори со мной. Расскажи мне.

Но я сомневаюсь, что он сможет понять, если я расскажу ему. Я сама этого не понимаю. Когда я продолжаю избегать ответа, он встает и подходит ко мне, садясь на кровать передо мной. Его близость, особенно после поцелуя прошлой ночью, меня тревожит, и я позволяю своему страху расти.

Жестким голосом со своим сильным акцентом, он говорит:

— Помоги мне понять тебя. Скажи мне, почему ты причиняешь себе боль?

— Я не... — начинаю я, когда слышу скорбь в обрывках его сурового голоса. Я подчиняюсь его просьбе, потому что я знаю, что он этого заслуживает. Я должна ему все, что он хочет. — Я не причиняю себе вреда.

— Я не понимаю.

— Так я чувствую себя лучше, — признаюсь я. — Когда мне больно, действительно больно, я бью себя, и это снимает боль.

— Ты ошибаешься. Ты просто маскируешь боль. Ты не избавляешься от неё.

— Но я не знаю, как от неё избавиться.

— Ты справишься с этим. Поговори об этом, признай это и проанализируй.

Его слова напоминают слова Карнеги. Однажды он сказал мне что—то очень похожее, когда я говорила с ним о Беннетте. Но дело в том, что перед лицом такой боли требуется особая сила, которой я не обладаю.

— А как же ты? — предъявляю я ему. — Ты скрываешься.

— Да, — признается он. — Я скучаю по своей маме, и я прячусь от всей этой хреновой ситуации. Но это не мучает меня так, как ты относишься к вещам. Я не из тех, кто набрасывается на себя с кулаками, как ты.

Его слова едкие. Они злят меня, потому что они правдивы. Он прав, и я ненавижу это.

Ненавижу, что стала прозрачной для него. Ненавижу, что допустила это. Пропала маскировка. Я оставила её для искупления, для раскаяния.

— Я не знаю, как это сделать, — признаюсь я.

Он с пониманием кивает.

— Я знаю. Я просто хочу, чтобы ты поговорила, вот и все.

— О моей маме?

— Это хорошее начало.

— Что сказать? Я имею в виду, я боюсь узнать слишком много, — говорю я ему, изо всех сил стараясь не сломаться.

— Слишком много? Ты не все прочитала?

— Нет. Я была так расстроена, что я... Я просто не смогла все прочитать. Я не могла сосредоточиться.

Он настаивает, что мне нужно это знать, поэтому я сижу и слушаю, как он рассказывает мне документально подтвержденные факты, как и почему моя мать продала меня какому-то парню, которого она едва знала. И сфабрикованная история, которую она рассказала отцу и полиции, что меня похитили, когда она оставила меня в автокресле без присмотра, пока заходила на заправку, чтобы заплатить.

Он говорит подробно, поскольку я сижу здесь как каменная, заставляя свои чувства отодвинуться дальше. Я сохраняю свое дыхание настолько, насколько могу, концентрируюсь на восстановлении своего стального каркаса, пока он продолжает рассказывать мне о её психической нестабильности. У нее была крайняя послеродовая депрессия, а позже ей был поставлен диагноз маниакальная депрессия и суды признали ее безумной, поэтому она была приговорена к заключению в психиатрическую больницу вместо тюрьмы.

— Скажи что-нибудь.

Я держу глаза опущенными, боюсь, если я посмотрю на него, я не смогу себя держать в руках так же хорошо, как сейчас.

— Она все еще там?

— Нет. Через двенадцать лет она была освобождена.

— Что? — выпалила я в недоумении, наконец, глядя на Деклана. — Но... Я была еще ребенком. Почему она не пришла за мной?

— Она отказалась от своих родительских прав.

Мысли начинают путаться в моей голове, и когда я отворачиваюсь от его лица, он ловит меня.

— Не делай этого. Не прячься.

— Почему я не достойна любви?

— Посмотри на меня, — требует он, и когда я это делаю, его лицо размывается сквозь мои не пролитые слезы.

— Твоя мама была больна. Она...

— Что, черт возьми, ты делаешь? — кричу я в недоумении. — Почему ты защищаешь ее?

— Я не защищаю, я веду себя разумно.

— Ты не можешь объяснить того, что она сделала, — бросаюсь я на него. — Она продала меня! Что, если бы полиция никогда не нашла меня? Но ей было все равно, что со мной случилось, пока она не получила то, что хотела.

— Ты не думаешь, что это имеет смысл? Чтобы найти какое-нибудь подобие понимания?

— Ты шутишь, что ли? Нет! То, что она сделала, было неправильным! Такие люди, как она, не заслуживают понимания!

— Ты имеешь в виду людей вроде тебя? — бросает он мне.

— Что?

— Разве то что она делала отличается от того, что делала ты?

Его предположение, что я такая же, как женщина, которая продала меня, выводит меня из себя, и я огрызаюсь:

— Что, черт возьми, это должно означать?

— Я говорю о тебе. Почему ты вышла замуж за Беннетта? Почему ты заставила меня влюбиться в тебя? Почему ты лгала?

— Это не одно и то же, — заявляю я, отказываясь верить, что я такой же мерзкой природы, как и моя мать.

— Потому что ты хотела, чтобы что—то заставило тебя почувствовать себя лучше. Потому что ты думала только о себе, и тебе было все равно, что случилось с людьми, которые встретились на твоём пути или кого ты уничтожила, — отвечает он мне с нарастающей яростью.

Его слова заставляют меня замолчать. Я не хочу признавать параллели, но они есть, безошибочно. Он просто бросил их мне в лицо.

— Она лучше знала, — слабо утверждаю я.

— Как и ты, — утверждает он.

— Я не могу простить ее за то, что она сделала.

— Никто и не говорит, что ты должна. Я просто хочу, чтобы ты столкнулась с фактами и разобралась с этим. Мне плевать, как ты справляешься с этим, пока ты что—то делаешь с информацией, а не прячешься от нее, — говорит он. — И да, то, что она сделала, было ужасно, и это не имеет никакого смысла, однако и твои действия тоже.

— И твои поступки тоже, Деклан, — осуждаю я, и он точно знает, что мои слова подразумевают.

— Да, ты права. Я не могу понять, что я сделал с тобой. Но я знаю достаточно, чтобы признать, что с тех пор, как я лишил жизни человека, я остался тем же самым. Я ношу ужасающее количество неприязни внутри себя, и я не знаю, как справиться с этим.

— Значит, мы все испортили?

— В некоторой степени, да, — отвечает он. — Я не хочу преуменьшать того, что сделала твоя мать. Я просто хочу, чтобы ты столкнулась с фактами и что—то с этим сделала.

потому что мне не нужно даже задумываться, чтобы понять, что я не хочу ни в малейшей степени походить на эту женщину. Я не хочу, чтобы во мне больше жила и размножалась эта враждебность. Я хочу отпустить обиду. Я хочу отпустить вину. Я хочу избавиться от постоянной жажды расплаты. Но иногда мы не получаем того, чего хотим, и даже если я хочу остаться без него, часть меня, вероятно, всегда будет хотеть держаться за него.

Я наступаю на небольшой участок снега, чтобы услышать его хруст под моим резиновым сапогом. Звук приносит мне крошечный кусочек радости, когда я иду по земле. Снег начал таять вчера, когда солнце, наконец, выглянуло из—за тяжелого одеяла серых облаков. Но сегодня еще один промозглый день, холодный и сырой.

Деклан все еще держит меня у себя в доме. Он отвез меня обратно в «Водяную Лилию», чтобы упаковать кое—что из моих вещей, но я все еще оплачиваю комнату, потому что он сказал мне, что наша договоренность временная, пока я не отдохну и не почувствую себя лучше.

Это мой второй день здесь, и я почти не вижу Деклана. Большую часть времени он проводит на третьем этаже, где находится его офис. Когда вчера вышло солнце, он предложил мне принять солнечную ванну, поэтому я решила насладиться уединением. Я провела несколько часов в клинкерном сооружении. Оно имеет небольшой круглый стол с двумя стульями в центре под стеклянным потолком. Даже несмотря на то, что температура была как в тридцатые годы, солнце нагрело комнату, где я сидела и мечтала, как маленькая девочка. Как будто этот грот был моим дворцом, и я, принцесса в плену, ожидала, что мой принц спасет меня.

И теперь, когда я гуляю по территории, переступая с одного снежного покрова на другой, я чувствую, что воображаю эту сказочную собственность своим волшебным лесом. Извилистые деревья, небольшие холмы, цветочные сады, которые появятся в ближайшие месяцы, а также скамейки и искусственные каменные и галечные ручьи. Я хочу, чтобы один из ручьев был мифической рекой забвения, из которой мы с Декланом могли пить, чтобы растворить прошлое в парах пустоты. Чтобы искоренить страдания наших душ.

Как будто это лес, в котором я провела детство. Раньше по ночам я сбегала из своих приемных семей в порыве страсти к путешествиям, надеясь найти место, о котором мне рассказывал отец. Сказки о королях и королевах, летающих конях и, конечно же, Карнеги — моего пожизненного гусеничного друга, который заполнял мои мечты. Он не появлялся с той ночи, когда я тоже превратилась в гусеницу. Его заменили разрушительные воспоминаниями моего прошлого, а когда мне повезет, то пустые ночи в пустом месте.

Я нахожу место на холме, чтобы присесть. Присев, я ощущаю, что мои брюки промокают от соприкосновения с тающим снегом, который впитывается в землю подо мной, но мне все равно, потому что я ощущаю гармонию. Я сгибаю ноги перед собой и смотрю вниз на дом, который в данный момент я представляю моим королевством. И когда я закрываю глаза и ложусь на сырую землю, я думаю, что человек, скрывающийся в своем кабинете на вершине замка, мой принц.

Я вдыхаю, погружаясь в невинную детскую мечту, и мне снова пять лет. Одета в платье принцессы, я вижу, что мой отец держит букет розовых маргариток. Его лицо все еще представляло собой кристально ясный и совершенный образ в моей голове. Хотя прошло двадцать три года, я все еще маленькая девочка и он все еще мой красивый папа, который может что—то исправить своими объятиями и поцелуями.

— *Ты такая красивая,* — его голосом шепчет ветер, и, открыв глаза, я сажусь.

Мое сердце трепещет от реальности его голоса, и я снова слышу его.

— *Где ты была, дорогая?*

— Папочка? — мой голос звучит оптимистично сквозь ветер, дующий через деревья.

— *Это я.*

Оглядываясь вокруг, я никого не вижу. Я знаю, что это нереально, но мне все равно. Я позволяю всему тому, что отравляет мой мозг, поглощать меня, и я поддаюсь иллюзии.

— Я скучаю по тебе, — говорю я ветру, который исполняет желания.

— *Я тоже по тебе скучаю. Больше, чем ты можешь себе представить,* — говорит он, и я улыбаюсь тому, как его голос согревает мою грудь.

— *Что ты делаешь здесь на холоде?*

— Убегаю.

— *Убегаешь от чего?*

— Всего, — говорю я, — Находясь здесь, я переношусь обратно в место счастья. Где не существует зла и не теряется невинность.

— *А что там внизу?* — я смотрю вниз на дом, когда он продолжает: — *Почему ты не можешь найти это внутри этих стен?*

— Потому что внутри этих стен лежит истина. И это правда... зло существует, а невинность — всего лишь сказка.

— *Жизнь — это то, что ты хочешь, милая.*

— Я в это не верю, — говорю я ему. — Я не верю, что мы сильнее сил этого мира.

— *Может и нет, но я бы хотел думать о моей маленькой девочке, которая будет бороться за свою сказку.*

— Я боролась всю свою жизнь, папа. Я готова все бросить и сдаться.

— С кем ты разговариваешь?

Повернув голову, я вижу Деклана, стоящего на расстоянии.

— Я не сумасшедшая, — немедленно защищаюсь я.

Он подходит ко мне:

— Я этого не говорил.

Но если бы я сделала то, о чем кричит моя душа, он бы это сказал. Потому что прямо сейчас пустота, наполняющая то, что только что согрел мой отец, заставляет меня хотеть кричать во все горло, чтобы он вернулся. Она кипит внутри меня, вцепившись в струны моего сердца, но я маскирую это, опасаясь полного разрушения.

Деклан сидит рядом со мной, и я отклоняюсь, дразня:

— Ты можешь испортить эти брюки, сидя в грязи со мной.

Он смотрит на меня, и выражение на его лице трудно прочесть, но оно почти подавлено.

Когда он молчит, я спрашиваю:

— Почему ты прятался в своем офисе?

— Почему ты пряталась здесь? — возражает он.

— Я первая спросила.

Глубоко вздохнув, он признается:

— Честно... Меня заставляет нервничать то, что я нахожусь рядом с тобой.

— Почему?

Он подтягивает к себе колени и кладет на них руки, объясняя:

— Потому что я не знаю тебя. Я чувствую, что знаю персонажа, которого ты играла, я знаю Нину. Я чувствовал себя с ней комфортно. Но ты... Я тебя не знаю, и это заставляет меня нервничать.

Но прежде чем я успеваю сказать, он говорит:

— Теперь настала твоя очередь ответить. С кем ты разговаривала?

Отведя от него взгляд, я признаюсь:

— С папой, — и жду его ответа, но то, что он говорит, меня удивляет.

— И что он говорит?

Возвращая свое внимание к Деклану, я замечаю, что он искренне желает узнать, поэтому я признаюсь:

— Он сказал мне, что мне нужно быть сильнее.

— Расскажешь мне о нем? — спрашивает он, а затем ухмыляется, добавляя: — Правду на этот раз.

— То, что я тебе рассказывала о нем, как он утешал меня, как вы похожи друг на друга, все это было правдой, Деклан. Ложь была с историей Канзаса. По правде говоря, мы жили в Нортбруке. Он был отличным отцом. Мне никогда не приходилось сомневаться в его любви ко мне, потому что он давал ее бесконечно.

Мысли из прошлого накапливаются, и я улыбаюсь, когда говорю ему:

— Причина, по которой мой любимый цветок — розовая маргаритка, заключается в том, что он всегда покупал ее для меня.

Мои легкие сжимаются, когда слезы от воспоминаний падают из моих глаз и скатываются по моим щекам.

— Раньше у нас были чаепития. Я наряжалась, а он присоединялся ко мне, притворяясь, что ест маленькие пластмассовые пирожные. — Я вытираю слезы и говорю: — Я никогда не спрашивала о моей маме. Я никогда не задумывалась о ней, потому что моего папы было более чем достаточно. Я никогда не чувствовала, что мне чего—то не хватает.

— Ты упомянула, что он попал в тюрьму, — говорит он, и я киваю.

— Да, — отвечаю я и фыркаю, прежде чем объяснить: — Его поймали за торговлю оружием. Мне было пять, когда копы арестовали его на моих глазах. В моем сознании все еще хранится четкая картина, как мой папа стоит на коленях, в наручниках, и обещает мне, что все будет в порядке.

— Так что же произошло?

Пожав плечами, я отклоняюсь:

— Вот и все. Я его больше не видела. Меня отдали в приемную семью, и у меня был самый дерьмовый соцработник. Его отправили в тюрьму Менард, а я оказалась в Позене, который находился в пяти часах езды оттуда.

— Никто не приглашал тебя навестить его?

— Нет. Мой соцработник едва успевала навестить меня, не говоря уже о том, чтобы везти меня через весь штат. Но она все—таки приехала, чтобы сказать мне, что моего отца убили ножом в драке.

— Сколько тебе было лет?

— Двенадцать.

Он берет меня за руку, поворачивая мою ладонь вверх. Его голос нежен, когда он говорит:

— Ты не ответила мне, когда я спрашивал тебя об этом раньше, но мне нужно знать.

Затем он проводит большим пальцем поверх слабых белых шрамов на моем запястье.

— Расскажи, как ты это получила?

Моя голова опускается в смущении, не желая добавлять еще один слой отвращения ко всему, что он знает обо мне. Моя рука все еще в его руке, когда он берет другую и закрывает ею мое запястье. Когда я смотрю ему в глаза, он действительно просит:

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне.

Итак, я делаю большой глоток воздуха и собираю все силы, чтобы ограничить боль. Это занимает у меня минуту, и после замершего дыхания я открываю еще одну рану и позволяю ей истекать кровью для Деклана.

— Когда меня не было в подвале, я была в шкафу. Мой приемный отец привязывал меня своим кожаным ремнем к штанге для одежды в шкафу под лестницей и запирает меня.

— Иисус, — бормочет он, не веря. — Как долго ты была?..

— Каждые выходные. Я заходила в пятницу и выходила в воскресенье. Иногда я бывала там в будние дни. Но летом это было постоянно. Я была там три—пять дней за один раз. Он выпускал меня ненадолго, чтобы спуститься в подвал, но потом он привязывал меня обратно и снова запирает дверь.

Я чувствую онемение, когда я говорю ему это, сдерживая эмоции, которых я боюсь. Трудно наблюдать ужас на его лице, поэтому я опускаю голову, но он поднимает её. Подвинувшись ближе ко мне, и положив руки мне на щеки, он поворачивает меня, чтобы я посмотрела на него. Моя челюсть плотно сжата, пока я продолжаю держать себя в руках.

— Почему? — Он резко ругается, когда держит меня в своих руках. — Почему ты никому не сказала? Почему ты позволила этому случиться с тобой?

Его слова нервируют меня, но вместо того, чтобы взорваться от ярости, я сужаю глаза и закипаю:

— Ты ни хрена не знаешь! У тебя был дом, у тебя была семья, ты был в безопасности. Так что не смей сидеть здесь и сомневаться в моих действиях. Ты не знаешь страха, как я. Может я больная на голову, но я точно знаю одно... Я бы не позволила этим вещам случиться со мной. То, что произошло, не было моей виной, так что иди ты... За то, что ты обвиняешь меня!

Я отстраняюсь от него и встаю, но он быстро хватается за руку. Он тянет меня к себе, и когда я пытаюсь вырваться от него, сжимает хватку.

— Отпусти меня! — кричу я, но он молчит, пока я пытаюсь освободить свою руку. Я не жду ни секунды и начинаю спускаться с холма подальше от него. Я не ожидаю, что кто—то поймет мое детство, но думать, что маленькая девочка позволила бы кому—то унижить ее, как это чертовски безумно.

— Мне жаль, — кричит мне его голос, но я продолжаю идти. — Элизабет, остановись!

Я мгновенно останавливаюсь, как только слышу его голос. Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него сквозь деревья, я выдыхаю более мягким тоном:

— Я была просто маленьким ребенком.

Торопливыми шагами он пробирается вниз, и когда он останавливается передо мной, он говорит:

— Мне очень жаль. Мои слова прозвучали неправильно. Я просто разозлился. — Он хватается за меня. — Я так чертовски злюсь, когда ты говоришь мне такие вещи. Я чувствую себя беспомощным.

— Почему?

— Потому что я хочу забрать это у тебя. Потому что где—то внутри моей ненависти к тебе часть меня до сих пор беспокоится.

Глядя на него, я знаю, чем полагаться на доброту и надежду, лучше остановиться на том, что он только что сказал, поэтому я спрашиваю:

— Какая из них? Ты беспокоишься больше, чем ненавидишь?

Я наблюдаю за напряжением в его глазах, и проходит минута, прежде чем он отвечает:

— Нет.

Его честность горит и опускается во мне. Я спрашиваю, почему же я здесь, если он меня так ненавидит. Я чувствую себя игрушкой для него, но я даже не знаю, что он получает от игры со мной.

Пожав плечами, я отступаю на пару шагов от него и требую:

— Отвези меня обратно к Айле.

— Нет.

— Это была не просьба, Деклан. Я уйду, — говорю я ему, а затем разворачиваюсь и мчусь к дому, безумно закипая.

Я быстро двигаюсь, стараясь изо всех сил избежать ледяных участков, когда слышу его тяжелые шаги позади меня. Оглядываясь через плечо, я вижу, как быстро он движется, но я слишком зла, чтобы встретиться с ним прямо сейчас, поэтому я ускоряюсь и начинаю убегать от него.

— Элизабет, остановись! — кричит он позади меня, но я этого не делаю, и с каждым моим шагом моя броня трескается.

Его слова просто напомнили мне, как я одинока в этом мире. Глупо с моей стороны думать, что он хотел меня здесь ради того, чтобы быть рядом со мной.

Когда я добираюсь до дома, я обхожу сзади, но он ловит меня. Его рука смыкается вокруг моего локтя, и когда я спотыкаюсь о свои ноги, он разворачивает меня лицом к нему и обхватывает меня за талию. Я вскрикиваю, когда он хватается за меня, поднимая с земли.

В мгновение ока его тело прижимает мою спину к каменной стене дома. Когда он бросается на меня, мы оба тяжело дышим, я не борюсь с ним, когда эмоции переполняют нас.

Он молчит, и я тоже, и, прежде чем я могу что-либо понять, не задумываясь, мои руки обхватывают его шею. Наши взгляды встретились. Он прикасается своим лбом к моему, и мое сердце неудержимо колотится, когда он подвигает руки к моим брюкам.

Мы соприкасаемся нашими головами, глядя друг другу в глаза, и в них плескаются незнакомые эмоции, которые мы оба испытываем, его холодные пальцы прижимаются к моему животу, когда он расстегивает мои брюки.

Он стягивает их вниз, я скидываю с себя резиновый сапог и одну мою ногу вынимаю из штанов, когда он расстегивает свои брюки.

Туманные пары от наших тяжелых вдохов кружат между нашими ртами, и внезапно его руки обхватывают мои колени, поднимая меня вверх. Я замыкаю свои лодыжки вокруг него, и как только я чувствую тепло его члена напротив меня, пара слез сбегает по моим щекам.

Он захватывает его рукой и прижимается к моим складкам, смачивая свой член. Он запускает свой горячий конец сквозь скользкое тепло моей киски. Мои руки крепко обхватывают его, когда он еле-еле продвигает головку внутрь, дразня меня, растягивая меня. Я сжимаю свои бедра вокруг него, и еще несколько слез падают, когда он толкает себя внутрь меня.

Я стону в плотском жаре, когда он загоняет себя в мое тело. Мое сердце стучит от нашей связи. Я наконец-то умиротворена и свободна. Я наслаждаюсь, зная, что у него есть противоядие, чтобы очистить во мне гниль. Я как ангел самопожертвования, а он мое очищение.

— Скажи мне, что ты не уйдешь, — говорит он тяжелым голосом, граничащим с насилием, и я уступаю ему, говоря:

— Я не уйду, — потому что я сделаю для него все что угодно в этот момент, чтобы сохранить его прикосновения.

После моих слов он яростно целует меня в губы, и начинает трахать меня мощными, глубокими толчками. Его глаза чернеют в первобытной похоти, когда он берет меня, загоняя назад к стене с каждым его резким толчком. Звуки моих стонов, смешанных с его пьянящим дыханием, наполняют воздух вокруг нас.

Его тело становится жестким, когда он подвигает свою руку к моему горлу, обхватывает своими пальцами вокруг моей шеи легким удушьем. Он выпускает хриплое рычание, и я чувствую, как его член усиливается и пульсирует внутри меня.

— Прикоснись к себе, — приказывает он, и я подчиняюсь.

Сначала облизывая пальцы, я опускаю их к набухшему клитору и начинаю скользить мягкими кругами. Мой взгляд расплывается, потому что наши тела вновь объединяются впервые за несколько месяцев.

Его хватка сжимается вокруг моего горла, уменьшая количество воздуха, которое я могу принять, но я не паникую, поскольку мое тело находит комфорт в знакомстве с его нежной силой во время секса.

— Засунь его в себя, чтобы ты почувствовала меня, — инструктирует он, и я просовываю немного дальше, моя шея надавливает на его руку, когда я скольжу пальцем вдоль его члена, погружая его в мою киску, в то же самое время, когда он врезается в меня. Я качаю своим пальцем в ритме с ним. Прикасаясь к нам таким образом, я чувствую тепло наших излеченных тел, скользких от возбуждения, это слишком много.

— О, Боже, — громко охаю я, чувствуя, как мои стенки пульсируют вокруг моего пальца и его члена.

— Никогда больше не уходи от меня, — рычит он.

— Никогда.

— Ты хочешь кончить?

— Да, — я напрягаю связки в горле, которое он продолжает удерживать своей хваткой.

И умело контролируя меня, он приказывает:

— Проси разрешения.

— Пожалуйста.

Мое тело бушует огнем почти среди мороза.

— Проси!

— Пожалуйста, — повторяю я, затаив дыхание. — Мне это нужно.

— Не делай этого. Не бросай мне вызов, — предупреждает он, и когда я достигаю края, я прижимаю бедра к его бедрам с максимальной силой, чтобы замедлить его.

Сдерживая свое дыхание, я сражаюсь изо всех сил, чтобы предотвратить оргазм, который вот—вот вспыхнет.

— Вот так, — он наслаждается своей властью надо мной.

Но я не могу удержаться. Глядя в его глаза, я сдаюсь:

— Могу ли я кончить? Пожалуйста, мне это нужно.

— Ты хочешь этого? — насмехается он.

— Да.

— Трахай себя быстрее, — приказывает он, и я это делаю.

Я теряю всякий контроль и начинаю ласкать себя против его члена, который набухает внутри меня, стимулируя мой взрыв.

Я кончаю.

Жестко и дико.

Каждая мышца моего тела стягивается в спазмах эйфории, вжимая мои бедра в Деклана, жадно, чтобы продолжить получать удовольствие. И тогда я чувствую его освобождение. Он впитывает мой палец, который все еще внутри меня, трахая, пока он заполняет меня. Я не перестаю двигаться, потому что его сперма просачивается из меня, сбегая по моей руке.

Его зубы скрипят, когда он все время смотрит на меня, и я наблюдаю, как он хрипит от наслаждения сквозь осколки света, которые разрушают мое зрение на тысячу призматических чешуек чистого экстаза.

Когда наши тела замедляются, он отпускает мою шею, моя голова падает на его плечо, и я позволяю своему телу ослабнуть. Он держит меня, пока наши сердца успокаиваются, и мы переводим дыхание.

Я желаю застывшего времени, забытых грехов и бесконечной любви.

Но я знаю, что это не любовь с его стороны. Я не уверена, что это такое, но я знаю, что это не так. Я хочу, чтобы это было так, поэтому я держу голову в изгибе его шеи, боясь двигаться, потому что я знаю, что в тот момент, когда я это сделаю, реальность возобновится, и его ненависть ко мне вернется.

Я крепче сжимаю ноги вокруг него, желая продлить его пребывание внутри меня, но моя попытка отодвинуть время не длится долго. Когда я чувствую, как Деклан вырывается из меня, я вынимаю палец и обхватываю его все еще затвердевший член. Но он не допускает контакта, беря мое запястье и заставляя меня отпустить.

Стоя ногами на земле, я смотрю, как он заправляет обратно штаны. Он не произносит ни слова, и его глаза больше не смотрят на меня. А затем он ушел, повернулся спиной и ушел от меня, оставив со спущенными брюками, покрытыми его спермой, на сильном морозе.

Может быть, я должна чувствовать себя использованной и грязной. Может быть, я должна его ненавидеть. Может быть, мне стоит сдаться и покончить с этим. Но мое сердце не позволит мне. Потому что, в конце концов, я знаю, что я всегда буду хотеть его так, как только смогу.

Я — эпикуреец его боли. (прим. переводчикаб Эпикуреец — последователь, сторонник эпикуреизма. Эпикуреизм — учение, согласно которому основой счастья человека является удовлетворение жизненных потребностей, разумное наслаждение и покой (по имени древнегреческого философа—материалиста Эпикура))

Он мой садист, а я его мазохист.

Мы являемся отражением монстров друг друга.

Я не видела Деклана с тех пор, как он ушел, оставив сегодня меня одну на морозе. Но я тоже его не разыскивала. Я провела большую часть дня, бродя по дому, изучая историю, произведения искусства и книги в библиотеке.

И теперь, когда я лежу на кушетке в холле задней части дома, я смотрю на черное бархатное небо, усеянное звездами через стеклянную конструкцию. Вдали от цивилизации и при отсутствии облаков, вы можете видеть каждую звезду в небе. Тысячи из них сверкают в обсидиане ночи, каждая хранит в себе пожелания глупых людей и надеющихся детей. И я не могу с собой ничего поделаться, когда сегодня вечером я посылаю свое желание нескольким из них.

В доме темно, единственный шум издает ветер, когда свистит сквозь голые деревья. И постоянное влечение, и притяжение Деклана напоминает мне ветер. Он дует, оборачивается вокруг меня, но как только я чувствую его, он исчезает. Это неуловимо, неудержимо, неуправляемо, и как бы я не хотела Деклана, все, что я действительно делаю — это гоняюсь за ветром.

Я поворачиваю голову, замечая тень Деклана, который стоит в открытом дверном проеме. На нем надеты только длинные пижамные штаны, которые свисают на бедрах. Тепло проникает в меня, я восхищаюсь глубокими сокращениями его мышц и четкими мускулами, которые связывают его широкие плечи и руки. Он такой красивый, что мне больно смотреть на него, но я не могу остановить себя.

— Ты в порядке? — говорит он после долгого молчания.

Я киваю, но это ложь. Я не в порядке. Он трахнул меня, как животное, и оставил на холоде. В одно мгновение он изменился — из заботливого и милого стал злым и молчаливым, полностью закрылся в себе, не желая иметь со мной ничего общего. И вот он здесь, и мне интересно, какой вариант я получу на этот раз.

Он входит в комнату, и я не свожу с него глаз, наблюдая легкость его движений.

— Что ты здесь делаешь? Разве ты не замерзла?

— Мне нравится холод, — говорю я ему.

— Я знаю, что ты делаешь.

Его слова заставляют меня хотеть улыбнуться, но я сдерживаюсь. Подойдя ближе, он садится рядом со мной на кушетку.

— Где ты пропадал весь день? — спрашиваю я.

— В моем офисе. Я искал тебя, потому что завтра я должен уехать в Лондон.

— Ох.

— Я уеду всего на пару дней.

— Что в Лондоне?

— Бизнес, — отвечает он, не предоставляя никакой дополнительной информации, поэтому я спрашиваю:

— Другой отель?

— Да. Я недавно заключил сделку по земле. Завтра у меня встреча с несколькими разными архитекторами, которых я могу нанять.

— Это действительно интересно. — И когда я сажусь, я спрашиваю: — Когда ты отвезешь меня к Айле?

— Я не хочу, — равнодушно говорит он. — Я бы предпочел, чтобы ты осталась здесь, где я могу следить за тобой.

— Следить за мной?

Затем он отворачивается и кивает головой в направлении маленькой камеры, прикрепленной к одной из стальных балок, которая соединяет панели из стекла.

— Они находятся во всех комнатах, — утверждает он, и в этом есть определенный смысл, как еще поддерживать такой уровень безопасности в доме такого масштаба.

— Деклан, — я колеблюсь, чувствуя себя неловко от того, что остаюсь здесь, пока он уезжает.

— Я не могу доверить тебя и Айле. Дважды, когда я приходил, ты причиняла себе боль.

— Но мне странно быть здесь, если ты этого не хочешь.

— Тебе здесь не нравится? — спрашивает он, и я сразу отвечаю:

— Нет, это не так. Мне здесь нравится. Просто это...

— Тогда ты останешься здесь, пока я не вернусь.

— Я не понимаю тебя, — слабо шепчу я.

Услышав мои слова, он глубоко вздыхает, поворачивается, чтобы отвернуться от меня, и опускает локти на колени.

— Деклан, пожалуйста. Дай мне хоть какую—нибудь зацепку, с которой я могу начать. Скажи мне что—нибудь, чтобы помочь мне понять.

Он держит голову прямо, и напряжение борется в нем. Мышцы на его спине напрягаются, и я вижу, как она поднимается и опускается, когда его дыхание учащается. Я знаю, что это отражение строящихся эмоций, мне просто жаль, что я не знаю, из чего они состоят.

Я хочу прикоснуться к нему, но я боюсь, что это его разозлит, и он снова уйдет, поэтому держу руки на коленях и просто смотрю.

Когда он, наконец, начинает говорить, его голос ломается вместе с моим сердцем.

— Твой голос... Как только я услышал твой голос после того, как меня застрелили, я сделал все, что мог, чтобы открыть глаза, чтобы увидеть тебя. Я уже прочитал досье. Я уже знал, что ты лгала обо всем. Но часть меня...

Его голос опускается, прежде чем он тяжело сглатывает и смотрит через плечо, чтобы встретиться со мной, продолжая:

— Часть меня хотела верить, что я все понял неправильно и что это не ложь. Но когда он сказал идти, ты сделала это легко, оставив меня умирать... — Его лицо искажается болью, которую он пытается скрыть. — Никто никогда не заставлял меня чувствовать себя таким бесполезным и одноразовым.

— Я испугалась. — Мои слова дрогнули, я не знала, что еще сказать. — Я была так напугана.

— Я тоже, но ты ушла.

Я задерживаю дыхание, глядя в его глаза, которые скрывают шрамы, которые я нанесла. Бремя вины, которое поглощает меня, парализует, когда я смотрю, как он обнажает хрупкие куски, которые так хорошо скрывает. Он человек, который не что иное, как сила и контроль, но в этот спокойный момент он показывает, насколько он сломлен. Сломленный и брошенный, и это все из—за меня.

— Когда я приехал сюда, — снова начал он, — я не хотел иметь с тобой ничего общего. Я хотел тебя убить, но потом я оказался снаружи с лопатой, выкапывая цветочные кусты, которые окружают дом, как чертов маньяк, который сходит с ума.

— Зачем ты их выкопал?

— Потому что ты сказала мне, что ненавидишь фиолетовый цвет, а эти кусты распускают фиолетовые цветы весной.

И это кинжал, который пронзает мою видимую прочность. Слезы накапливаются в моих глазах, и мое тело сдерживается, чтобы не расплакаться до конца.

— В моей голове все было настолько хреново, что я не могу вытащить тебя из неё.

— Когда мне было восемь лет, — начинаю я, мне нужно говорить, потому что звук его голоса слишком расстраивает меня. Итак, я отвлекаюсь и раскрываю еще одну часть своего прошлого. Еще одна развязка для него. — Меня перевели в другую приемную семью. Та, которая заставила меня поверить, что монстры реальны. Я была напугана до глубины души, и когда мне показали комнату, в которой я буду спать, все стены в ней были окрашены в фиолетовый цвет. — Рука Деклана находит мою щеку, пока я продолжаю говорить. — Все годы пыток и жестокого обращения были окрашены в фиолетовый.

Его вторая рука покрывает мою другую щеку, и он держит меня. Я не хочу терять связь, но мне нужно больше, чтобы устранить кислую желчь, которая пульсирует у меня в животе. Отражая его чувства, я накрываю его щеки своими руками. Порыв комфорта успокаивает меня, когда я чувствую скрежет его небритой челюсти под руками. Я притягиваю его, и он охотно подходит ко мне, прикасаясь губами к моим. Мы не двигаемся, пока сохраняем покой друг против друга.

Момент разрывается, когда он внезапно отстраняется. Мои руки соскальзывают с него, в то время как его жестко хватают моё лицо. Я чувствую напряжение в его руках, когда его нервы вибрируют у меня на щеках. Его тело замкнулось, напряженные мышцы сократились вокруг его плеч.

— Почему? — дышу я. — Почему ты становишься таким холодным?

Он скрипит зубами, и его глаза вспыхивают с презрением.

— Потому что я не хочу быть так близко к тебе. Потому что я презираю тебя. Потому что ты коварная ведьма.

Его тон вонзается, словно нож для колки льда, и мне интересно, всегда ли он будет таким со мной. Если он действительно неспособен позволить себе когда-либо быть уязвимым со мной снова. Может быть, ему суждено быть томительной болью моего сердца.

Боль восхитительна.

— Тогда зачем я здесь? Почему бы тебе не вышвырнуть меня, сказать, что ты меня ненавидишь?

— Я ненавижу тебя, — говорит он.

— Тогда зачем прикасаться ко мне, целовать меня, трахать меня?

— Это — моя больная тяга, — признается он. — Голод усиливается, чем больше я его кормлю.

И коварная ведьма, в которой он только что обвинил меня, оживает. Потому что с ним я хочу быть эгоисткой. Я хочу, чтобы он был моим, а не чужим.

Я знаю, что я самолюбива, когда наклоняю голову в сторону, представляя ему мягкую кожу шеи, но мне все равно, и я приглашаю его, говоря:

— Тогда ешь.

— Ты не хочешь, чтобы я был таким.

— Я хочу тебя любыми способами.

Его низкое рычание глубоко в груди, но далеко от сердца, которое смертельно бьется. Он дегенерат любви, но я все равно хочу его.

Он встает и требует:

— Раздевайся. И когда я вернусь, я хочу, чтобы ты встала на колени, лицом вниз на пол и задницей вверх.

Он заставил меня снова почувствовать себя ребенком и выполнять приказы от Карла. Я смотрю, как он выходит из комнаты, и начинаю сомневаться, было ли это ложью. Если я действительно хочу его каким—либо образом, я могу получить его. Потому что прямо сейчас я хочу зарядить кулаком ему в пах, за то, что приказал мне выставить себя в унижительном положении на этом ледяном бетонном полу.

Как бы мне ни хотелось плюнуть на него своими резкими словами, я знаю, что я брошена.

Поэтому я делаю, как приказано.

Я раздеваюсь.

И когда я иду в центр комнаты, я становлюсь на колени. С раздвинутыми коленями я опускаю свою голую грудь на ледяной пол, скуля от резкого холода, который кусает нежную кожу моих сосков. Протягивая руки перед собой и упираясь щекой в пол, я раздвигаю колени шире, поднимаю задницу вверх и закрываю глаза, пока мое сердце дико бьется. Представляя себя в деградации, я жду.

И жду.

И жду.

Время проходит. Я не уверена, как долго я была в таком положении, когда мышцы ног начинают гореть и судорожно сжиматься. Мое тело становится холоднее с каждой минутой, потерянной в ожидании Деклана.

Дрожь настигает меня, и когда я больше не могу удерживать это положение, я позволяю своему телу упасть в сторону. Лежа голой и униженной, я, наконец, смаргиваю слезы, подтягиваю колени к груди и тихо плачу.

Это был его план? Это было наказание? Опозорить меня, зная, что он не вернется за мной?

Через некоторое время мое тело онемело, что затруднило движение мышц, когда я попыталась подняться с пола. Медленно я натягиваю свою одежду, пока мечусь между одиночеством, обидой, грустью и гневом. Все это проникает через меня, забирает мою энергию и истощает меня до такой степени, что я просто хочу исчезнуть.

Обернув одеяло вокруг себя, я вхожу в кухню, чтобы выпить, и когда я это делаю, я замечаю автомобиль у ворот на экране внутренней связи. Окна тонированы, поэтому, когда я приближаюсь к черно—белому экрану на стене, я не могу разобрать человека, который сидит за рулем. Но затем машина разворачивается и отъезжает, я начинаю задумываться о жизни Деклана здесь, в Шотландии, и о людях, которыми он себя окружает, если таковые вообще есть. Я знаю только о Лаклане, вот и все. Интересно, он такой же одинокий, каким кажется, и кто прячется у ворот посреди ночи.

Я даже не останавливаюсь, чтобы заглянуть в его комнату, когда направляюсь в постель. Мне слишком стыдно.

Он вообще возвращался в холл и видел ли, как я обнажала своё тело для него?

Я отбрасываю эту мысль и, когда вхожу в ванную, я вижу, что он поставил на раковину банку таблеток, которые прописал мне доктор. Я вынимаю таблетку и смотрю на нее, думая, что я такая же, как она, та женщина, которая никогда не хотела меня. Интересно, кто я, черт возьми. Боюсь, я никогда не узнаю, останусь ли я здесь в этом перетягивании каната с человеком, который меня ненавидит.

Я стряхиваю таблетку с моих пальцев, и она плюхается в туалетную воду. Я знаю, что если уйду отсюда и вернусь в Штаты, то не хочу делать это в одиночку. Мне нужен Пик. Я, вероятно, всегда буду нуждаться в нем, потому что он все еще у меня есть, и, если я приму эту таблетку, я могу потерять его. А я не могу потерять его.

— Убирайся, — я бормочу, когда возвращаюсь в спальню и вижу Деклана.

— Я не мог этого сделать, — говорит он. — Я знал, что если бы вернулся к тебе, то трахнул бы и причинил тебе боль, потому что хочу наказать тебя. Я бы не смог удержаться от того, чтобы вплеснуть весь этот гнев, который у меня имеется.

— Я не могу этого сделать, Деклан, — говорю я, признавая поражение. — Я хочу этого. Я хочу быть достаточно сильной, потому что я никогда не хочу быть без тебя. Но я начинаю думать, что быть здесь с тобой может только хуже, чем не быть с тобой вообще.

Он подходит и садится на край кровати, опустив голову.

— Слишком много боли во мне. Там столько ярости и ненависти, и я не знаю, как от нее избавиться, — говорю я ему. — Я боролась всю свою жизнь, пытаюсь избавиться от этих чувств, которые никогда не исчезнут. — Я двигаюсь, чтобы сесть напротив него на одно из кресел. — Я думала, что избавление от Беннетта будет тем, что мне нужно. Что каким-то образом я почувствую себя лучше в этой жизни, но... — Я начинаю плакать. — Я не чувствую себя лучше. Ничто не кажется лучше. Я убила своего брата, и я не совсем уверена зачем, но я убила, и я ношу это с собой каждый день. Я замышляю месть, я убиваю, я сражаюсь и до сих пор ненавижу эту жизнь. Мне по-прежнему больно, и это не пройдет.

Я даже не осознаю, что мои глаза закрыты, и я склонилась от рыданий из-за моих слов, пока не почувствовала его руки на коленях. Я открываю глаза, чтобы увидеть его на коленях передо мной.

— Но это тоже причиняет боль, — добавляю я. — Мне больно быть здесь с тобой, и как бы я ни хотела ненавидеть тебя за все то, как ты унижал меня и наказывал меня, я боюсь уйти. Я боюсь, что больше никогда тебя не увижу.

— Пик был единственным?

— Что? — спрашиваю я, смущенная тем, что он спрашивает.

— Ты сказала, что убиваешь. Он был единственным?

Я нерешительно качаю головой, и потрясение пробегает по его лицу.

— Сколько?

Прикрыв глаза, я признаюсь:

— Три.

— Иисус Христос, — бормочет он с неверием. — Кто еще?

— Мои приемные родители, — говорю я, оглядываясь на него, и его плечи немного расслабляются.

Его руки скользят мимо моих коленей и сжимают мои бедра. Он спрашивает:

— Что случилось?

— Пик и я сбежали вместе, и вскоре после этого мы вернулись однажды вечером с его другом и...

— Я хочу все знать, — резко требует он. — Я хочу знать, как эти ублюдки умерли.

— Пик и его друг, Мэтт, привязали их к кровати и вылили на них пару канистр бензина, — говорю я. — Я помню, как стояла там, наблюдая, как они кричат и мечутся, пытаюсь освободиться. Мэтт вручил мне спичку, как подарок, завернутый в самый нежный шелковый бант, так это и было. Когда я зажгла спичку и бросила ее на кровать, это был величайший подарок, который мне когда-либо давали, — я плачу. — Эти больные ублюдки уничтожили меня. Но вот действительно больная часть, такая счастливая, что заставила меня убить их, этого все равно было недостаточно. Этого никогда не бывает достаточно, Деклан, потому что я все еще так одинока. Я все еще чувствую себя бесполезной и отвратительной, и все, что я когда-либо хотела, это то, что Беннетт отобрал у меня. Я скучаю по отцу.

Деклан вытаскивает меня из кресла, и я сажусь на пол вместе с ним, я теряю себя в эмоциях, которые привыкла держать в клетке. Он держит меня на руках, собирает меня полностью и крепко прижимает к себе.

— Я так по нему скучаю. Это так больно. Но потом я встретила тебя. И мне понадобилось некоторое время, чтобы увидеть это, увидеть, как я к тебе отношусь, потому что я никогда раньше не испытывала этого чувства. Я никогда не любила так, как любила тебя, никогда не открывалась никому. И когда я смотрю на тебя, я вижу в тебе частицу моего отца. То как ты меня утешал и любил. Никто никогда не давал мне этого.

— А что с Пиком?

— Он был моим братом. Это было по—другому. С тобой я почувствовала, что у меня есть дом. Но я знала, что разрушила нашу любовь с самого начала. Я знала, что у нас никогда не было шанса.

— Но это не остановило тебя.

— Я была эгоисткой. Я знала, что с тобой времени будет недостаточно, чтобы мне было легко уйти.

Его глаза презирают всего лишь секунду. Эта перемена мгновенная, и я знаю из—за чего, когда он выплевывает:

— Но ты ушла.

Я не знаю, что еще сказать. И когда мы сидим, его прикосновение ко мне исчезает по мере того, как возрождается его неприязнь. Это нас сдерживает, и я знаю, что наш срок близок.

Осознание того, что у нас есть этот смертный приговор, заставляет меня хотеть сделать две вещи, но я не знаю, какую выбрать.

Должна ли я убежать, или мне остаться и наблюдать, как мы умираем мучительной смертью?

Я ездил по сельской местности, пытаюсь найти дом, о котором мне рассказала старушка из "Водяной Лилии". Мне удалось разыскать Нину, как только я узнал, что она снова стала представляться Элизабет Арчер. Это немного облегчило мне жизнь, и когда я узнал, где она остановилась, я был благодарен, когда хозяйка дома рассказала, где я могу ее найти. Она не усомнилась во мне, когда я солгал и сказал, что я дядя Элизабет и пытаюсь связаться с ней.

Мне пришлось посмеяться про себя, потому что, когда Беннетт не так давно поручил мне следить за ней, она была самой простой целью для розыска. И теперь, как я и думал, она с тем же убудком, с которым была в Чикаго.

Но теперь, я потратил впустую день, потому что этот гребаный город не очень внимателен к дорожным знакам. Я проехал еще один поворот дороги, но домов видно не было. Я замедлился, выглядывая из окна, когда мои фары осветили небольшую табличку на каменной стене, и вот тогда я увидел ворота. Замедлившись, я увидел знак, который гласил, что это Брунsvикхилл.

— Шах и мат, — пробормотал я себе под нос, выключая фары и подъезжая к воротам.

Выйдя из машины, я посмотрел на крутой холм, но ничего не увидел в темноте. Нет света. Ничего.

— Бл*дь.

Вернувшись за руль, я решил закругляться. Я знал, что они за этими воротами, вероятнее всего. На данный момент я устал до чертиков, но, по крайней мере, у меня есть место слезки. Зная, что в Иллинойсе идет охота на людей, мои следующие шаги должны быть быстрыми и смертоносными.

Я все еще чувствую вибрации, которые рикошетили мои кости с каждым выстрелом. Две пули, которые Пик выстрелил в грудь Деклана, и единственный выстрел пистолета, который отнял у меня моего брата. Звук, который я никогда не забуду. Удар настолько мощный, он отбрасывает плечи назад, оглушая и поражая. И когда попадаешь в цель, лед твоего бесчувственного сердца наполняет твои вены, и ты знаешь, что больше никогда не будешь прежним.

Меняешься навсегда.

Вечное чудовище.

Каждая пуля оставляет на вашей коже след, от которого вы не можете избавиться, и вы никогда не забудете вкус пороха на своем языке. Каждая жизнь, которую ты забираешь, клеймит тебя навечно.

Я надеялась, что это не так. Я надеялась, что последствия исчезнут, как и эхо. Но если я чему—то и научилась в этой жизни, так это осознанию того, что отголоски живут вечно. Возможно, я больше не слышу криков демонов своего прошлого, но они действительно продолжают кричать. Это напоминание о том, что ты никогда по—настоящему не освободишься.

Я не знаю, куда я иду или что я делаю, но я не думаю, что это место для меня. Все утро я была сама не своя. Деклан уехал на рассвете в аэропорт. После его отъезда мне нужно было найти утешение, и я поняла, что не забрала свою куклу.

Я позвонила Айле, чтобы сказать ей, что заеду, чтобы собрать остатки своих вещей. Так как он взял внедорожник, я взяла его Мерседес Родстер, чтобы добраться до Айлы.

Когда я подъезжаю к очаровательному дому, в котором находилась с момента моего прибытия несколько недель назад, я знаю, насколько это больно, что для меня нет ничего в Шотландии. Я не знала, что искала, когда приехала сюда. Последнее, что я думала, что найду, это Деклана живым, но это так. И, может быть, этого достаточно, чтобы знать, что он есть, что его жизнь не была принесена в жертву из—за моего обмана.

Ключ находится под керамическим горшком, Айла сказала, что оставит его там. Я вхожу, и, хотя я была у Деклана всего пару дней, это кажется намного дольше. Но с другой стороны, каждый день с ним наполнен непреодолимыми эмоциями и разговорами. Мне пришлось столкнуться лицом к лицу с прошлым и признаться в истинах, которые я скрывала так долго. Труднее всего видеть боль, с которой Деклан борется внутри себя — боль, которая родилась из—за меня. Я признаю это; он терпит это.

Я поднимаюсь по лестнице, и, найдя свою куклу, начинаю собирать вещи и сосредотачиваюсь на том, чтобы не допустить страха. Мне жаль, что у меня не было наставника, мне хотелось бы знать, что я делаю и куда иду. Тяжело переживать, чтобы понять, как я одинока на самом деле. Но я стараюсь держать себя в оцепенении от тех вопросов, на которые нет ответов.

Чем больше мои мысли блуждают, тем быстрее я двигаюсь. Воспоминания о том, что произошло в этой комнате, начинают грызть, и когда я подхожу к кровати, чтобы схватить свой телефон, который оставила, я замираю. Под окном на улице припаркована та самая машина, которую я видела на мониторе у Деклана прошлой ночью. Или, по крайней мере, я

так думаю. Здесь так много одинаковых машин, так что я не могу быть уверена, но что—то внутри у меня вызывает паранойю.

Машина находится прямо под моим окном, так что все, что я вижу — это крыша. Спрыгнув с кровати, я мчусь вниз, запираю входную дверь и пробираюсь через дом, чтобы посмотреть, смогу ли я получить лучший обзор. Проходя мимо окна, я оказываюсь в комнате, в которой никогда не была раньше — в комнате Айлы. Толкаю незапертую дверь, в комнате темно, тяжелые шторы закрыты. Слегка раздвинув занавески пальцами, я выглядываю в окно, но машина пропала. Улица перед входом свободна, ничего, кроме моей машины.

Я открываю шторы шире, чтобы лучше осмотреться, и, конечно же, машина исчезла. Покачив головой, я издаю жалкий вздох.

Ты теряешь рассудок, Элизабет.

Я восстанавливаю дыхание, выбрасывая свои дурацкие мысли, которые не имеют оснований. Я поворачиваюсь спиной к окну и закрываю глаза, смеясь сама над собой. Когда я открываю их обратно, я вижу комнату Айлы. Сканируя вокруг, я подхожу к ее тумбочке, чтобы посмотреть на книгу, лежащую сверху. Я пробегаю пальцами по обложке мадам Бовари, когда замечаю коллекцию фотографий на полке над камином. Я медленно двигаюсь вперед, глядя на каждое изображение.

— О, мой Бог.

Поднимая потускневшую серебряную раму, я сжимаю ее, пока смотрю в недоумении.

Интересно, это глупая паранойя, которая осталась от машины снаружи, или это именно то, что видят мои глаза.

Как она заполучила ее? Почему у нее есть его фотография?

Он моложе, чем я когда—либо видела его, маленький мальчик, но глаза неопровержимы. Ошибиться невозможно, я это прекрасно знала.

Это он.

Но почему?

Срабатывает дверной звонок, пугая меня, и я роняю рамку, стекло разбивается, приземляясь на деревянный пол.

— Дерьмо.

Карабкаюсь, я поднимаю небольшую рамку и запихиваю ее в заднюю часть штанов, когда бегу, чтобы посмотреть, кто у входа.

Прежде, чем я это делаю, раздается громкий стук.

— Элизабет? Ты там?

Лаклан?

Смотря в окно, я вижу, что это он.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, когда открываю дверь.

— Деклан попросил меня проверить тебя, и когда никто не ответил на мой звонок у ворот его дома, я пришел сюда.

— Его не было всего несколько часов. В какие неприятности я могла попасть в такой короткий промежуток времени? — Я поддразниваю, однако прохладная металлическая рама в штанах свидетельствует об обратном, и я ухмыляюсь.

— Что тут смешного?

— Вы, мужчины, нуждаетесь в увлечениях, — говорю я, поворачиваясь спиной и направляясь к лестнице.

— Я беспокоился.

— А сейчас?

— Деклан сказал мне, что ты тяжело восприняла документы, — говорит он.

Стыд пробуждается, но я быстро его отключаю.

— Я предпочла бы больше никогда не обсуждать этот вопрос.

— Конечно. Прости.

— Слушай, я ценю, что ты проверяешь меня, но, если ты не против, я продолжу собирать оставшиеся вещи, чтобы вернуться к Деклану.

— Ты уверена, что все в порядке? — давит он, как если бы он был посвящен в то, что, по его мнению, мне было известно.

Назовите это интуицией, но все в сегодняшнем дне приводило меня в состояние повышенной готовности по какой—то тревожной причине.

— Да, все в порядке, — говорю я мягко с легкой улыбкой, чтобы успокоить его. — Прошедшие несколько дней были сложными, я уверена, ты можешь понять.

Он кивает, принимая мои указания, не упоминая про документы.

— Ты можешь доложить своему боссу, что этот ребенок хорошо заботится о себе.

Я улыбаюсь своим словам, и он смеется в ответ, соглашаясь:

— Сделаю.

Он поворачивается, чтобы уйти, но прежде чем закрыть за собой дверь, он говорит:

— Между прочим, я пытался позвонить тебе пару раз...

— Я оставила свой телефон здесь. Никто не звонит мне на него, но теперь, когда я знаю, что у меня есть няня, будь уверен, я заряджу его для тебя, — шучу я.

Он с улыбкой качает головой и уходит. Я иду к двери и запираю ее за ним, прежде чем возвращаюсь в свою комнату. Бросая остальные вещи в чемодан, я вынимаю фотографию из рамки и засовываю ее в сумку. Я не знаю, почему у нее эта фотография, но я хочу ее для себя.

Когда мой багаж загружен в машину, я отправляюсь назад в Брансвикхилл, оставив ключ в цветочном горшке. Часть меня хочет позвонить Деклану, чтобы спросить, почему он послал Лаклана проверить меня. Он говорит, что ненавидит меня, но потом я вижу эти намеки о человеке, которого я знала еще в Чикаго. Человека, который был в ярости, если я опаздывала больше чем на минуту. Человека, который контролировал и доминировал, чтобы облегчить свою тревогу. Но я не позвоню ему, потому что никогда не узнаю, что именно во мне заставляет его отталкивать меня.

— Что это, черт возьми? — бормочу я, когда проезжаю поворот дороги и вижу ту же машину, что была у Айлы, и теперь она находится возле ворот Деклана.

Замедляя Мерседес, я останавливаюсь и жду, так как эта машина блокирует мой путь. Мною овладело любопытство, интересно, это Деклан по—прежнему следит за мной, и если да, то почему настолько очевидно.

Я сигналию, и когда я это делаю, дверь водителя открывается. Я наблюдаю, как блестящие черные туфли выходят на улицу, и тысячи проникающих эмоций отстреливаются внутри меня.

Какого черта он здесь делает?

Мои нервы напрягаются, когда я крепко сжимаю руль. Я смотрю, как он приближается к моей машине, и на долю секунды я рассматриваю его. Но правда в том, что я понятия не имею, почему он вообще здесь.

Поэтому, не теряя ни секунды, я возвращаюсь к персонажу, которого я знаю так хорошо, и прячусь в маске Нины. Выпрямив спину, я забываю все об Элизабет и открываю дверь.

— Как же быстро ты передвигаешься, — насмехается он, когда я предстаю перед ним.

— Тоже рада тебя видеть, Ричард.

— Сомневаюсь, что ты это имеешь в виду, но все равно спасибо.

— Что ты делаешь в Шотландии?

— Я мог бы спросить тебя об этом же, но я думаю, что это и так ясно.

Его слова раздражают меня, как всегда, и я огрызаюсь в ответ:

— Кончай пороть чушь, Ричард. Скажи мне, почему ты пролетел полмира?

Его лицо выравнивается без проявления глупостей, когда он заявляет:

— Нам нужно поговорить.

— О чем?

— О твоём супруге.

Насколько мне известно, Ричард ничего не знает о лжи и обмане. Он знает меня только как Нину, жену Беннетта, а теперь вдову. Он был бизнес—партнером Беннетта с самого начала, и они были близки. Хотя и недостаточно, потому что я знаю, что Ричард не имеет понятия о том, что Беннетт трахал его драгоценную женушку и что сын, которого Ричард считает своим, на самом деле просто жалкий внебрачный ребенок.

— Со мной не связывались по поводу расследования, — говорю я ему. — Есть ли какие—нибудь новости?

Его глаза сузились, и я не доверяю ухмылке на его лице.

— Ты не думаешь, что это немного трудно быть в курсе информации, когда ты пользуешься дешевым, одноразовым телефоном?

Мое лицо решительно непроницаемо, но мое тело оцепенело, я удивлена, откуда он знает о моем не отслеживаемом телефоне. Мои слова отклоняют мою панику, когда я говорю:

— Вечно суешь свой нос, куда не следует, не так ли?

— Как я уже сказал, нам нужно поговорить.

— Тогда говори.

— Внутри, — твердо заявляет он.

— Почему не здесь?

Он становится раздраженным, громко закипая:

— Потому что здесь чертовски холодно, и моим яйцам это не нравится.

Он чертовски мерзкий.

Я не хотела бы приглашать его в дом Деклана, но полагаю, там безопаснее со всеми камерами, чем здесь, на улице.

— Отлично.

Он следует за мной через ворота до самого дома. Когда я веду его в библиотеку, он замечает:

— Ты никогда не жила в трущобах, не так ли?

— Есть ли смысл в этой чепухе, которую ты несешь? — Я сажусь напротив него, и когда он тоже садится, я говорю: — Так что это? Что такого важного, что тебе пришлось преодолеть весь этот путь?

Он наклоняется вперед и берет паузу, прежде чем смотрит на меня и произносит:

— Я знаю, кто ты.

— О да, и кто же?

— Нечего играть в скромницу, потому что я знаю твои грязные маленькие секреты.

В его слова слышится угроза, и меня настораживает его уклончивость.

— Заканчивай с этим дерьмом и переходи к делу.

— Он знал. Беннетт заставил меня следить за тобой, когда начал подозревать, что ты ему изменяешь.

— Это был ты?

Он кивает, когда откидывается назад, чувствуя себя в своей тарелке, на мой взгляд. Вспоминая больницу, я поняла, что голос звучал знакомо, когда он говорил Беннетту, кем я на самом деле была, но тогда я не могла точно определить его из—за всех лекарств, которые я принимала.

— Само собой разумеется, я не был удивлен, когда обнаружил твой роман, — говорит он снисходительно. — Что меня удивило, когда я узнал, так это то, что ты была всего лишь сбежавшей бездомной дрянью.

— К чему ты клонишь, Ричард?

— Почему ты вышла за него замуж?

— Потому что я любила его, — лгу я. — Нет ничего плохого в том, чтобы заново создать себя, чтобы начать новую жизнь.

— Кроме случаев, когда человек, ради которого ты переделала себя, оказывается мертв.

— Ты засранец, — бросаюсь я на него с отвращением.

— У меня только один вопрос... кто сделал это? Что у тебя с ним?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Как удобно, но я не думаю, что копы купятся на это, если я передам всю информацию, которая у меня есть на тебя.

— Ты такой милый, — усмехаюсь я, разозлившись. — Ты думаешь, что твои угрозы влияют на меня? Почему бы тебе просто не сказать, что тебе нужно, и не тратить мое время впустую.

— Без всякой хрени, перейдем к делу?

— Пожалуйста.

Со всей серьезностью он говорит мне:

— Мне нужны деньги.

Я смеюсь, и он срывается:

— Что, черт возьми, тут смешного?

— Ты. — Я сижу сложа руки, скрещиваю ноги и спрашиваю: — С какой стати ты приходишь ко мне, прежде всего, за деньгами?

— Потому что я верю, что ты будешь держать свой милый маленький рот на замке, если кто-то придет и будет задавать вопросы.

— Зачем тебе деньги?

— Ты не смотрела новости?

— Я была немного занята, чтобы следить за американскими новостями.

Он качает головой с высокомерной ухмылкой, и я раздраженно скрещиваю руки.

— Просвети меня. Пожалуйста.

— «Linq Incorporated» находится под следствием. Я думал, ты уже знаешь это, потому что отец твоего любовника сидит в тюрьме за участие в мошенничестве.

— Что? — Я сомневаюсь, что, черт возьми, Кэл имеет отношение к бизнесу моего мужа и что было мошенничество в отношении компании. — Какое мошенничество?

— Компания просто прикрытие для отмывания денег.

— Каких денег?

Затем Ричард встает и идет через комнату. Он встаёт прямо передо мной, я холодею, когда он вытягивает руку из пиджака.

— Пистолет, — заявляет он, вытаскивая его и нацеливая на меня.

Адреналин просачивается через мой организм, когда я смотрю на ствол пистолета, который нацелен на меня. Я стараюсь казаться спокойной, но мои глубокие вдохи говорят о том, что я боюсь.

— Я хочу то, что оставалось тебе в завещании Беннетта. Отдай мне это, и я исчезну. Ты больше никогда не услышишь меня.

— Я не... Он этого не сделал... — Я заикаюсь, произнося свои слова. — Я не получила всего.

— Ты лжёшь мне. Я знаю, что ты единственный наследник.

Покачивая головой, я пытаюсь объяснить:

— Я думала, что была, но... Он изменил его перед смертью. Я не знала, пока не встретила адвоката.

Он хмурится, делает еще один шаг ближе и прижимает холодную сталь к моему лбу. Я задыхаюсь от страха, сжимая ручки стула, мое сердце бьется в беспорядочном ужасе.

Мой голос резок, когда я яростно объясняю:

— Послушай, если то, что ты хочешь, это деньги, чтобы бежать, я... у меня не так много для тебя. Я имею в виду... Этого было бы недостаточно.

— Тогда где они?

Отчаяние в его глазах заставляет меня бояться того, что он сделает, если я скажу ему правду. Он, скорее всего, потеряет свое дерьмо и нажмет на курок, если узнает, что его сын принадлежит Беннетту. Но помимо этого, какого черта Беннетт делал со своей компанией? Он вообще знал об этом? Мой разум искажается в замешательстве, он переполнен слишком многими вопросами, что я начинаю терять внимание.

— Где они? — кричит он, пугая меня до смерти своим убийственным взглядом.

Кончик пистолета трясется у меня над головой, когда я смотрю в его яростно обезумевшие глаза, и я начинаю дрожать. Все мое тело дрожит от страха.

— Я... я не знаю.

СИЛЬНЫЙ УДАР!

Я кричу от обжигающей боли, когда падаю со стула на пол. Моя рука прикрывает мою голову, где он только что ударил пистолетом. Тупая боль испускает огонь света в моем видении, когда я сражаюсь с резкой агонией, которая пронзает мой череп.

Он стоит надо мной, указывая пистолетом на мое лицо, и я воплю:

— Хорошо! Ладно!

Я поднимаю руки вверх, сдаваясь.

— Прекрати эту гребанную херню!

— Я не...

— Где они?

— Они в трастовом фонде, — говорю я. — Он положил их в траст, к которому у меня нет доступа.

Ричард опускается на одно колено, зависая надо мной, стиснув зубы:

— Чей траст?

Когда нервы на пределе, я говорю ему:

— Траст сына.

— Ты лжешь, шлюха.

— Пошел ты. Это правда. — Я набрасываюсь, когда мой гнев на его унижительные слова растет. Мои эмоции уходят от меня, и моя голова кружится на волнах невесомости. Когда я смотрю на этого человека, которого я ненавидела годами, я вижу в его глазах убожество и отчаяние, и я чувствую себя немного безумной, когда начинаю смеяться над ним.

— Какого хрена ты смеешься надо мной?

— Он разыграл нас обоих, — говорю я, когда мой смех усиливается.

— О чем ты говоришь?

— Беннетт, — говорю я ему.

— У него нет сына. Я знаю Беннетта с детства. Я знаю о нем все, поэтому я не знаю, о чем ты, черт возьми, говоришь.

— Нет? — спрашиваю я с насмешкой. — Тогда скажи мне вот что, — начинаю я, и внутри меня расцветает удовольствие, чтобы быть тем, кто расскажет ему правду. Я улыбаюсь и продолжаю: — Насколько внимательно ты смотрел в глаза Александру? — я смотрю, как

его лицо искажается и добавляю: — Потому что, если ты посмотришь достаточно глубоко, ты увидишь, что Беннетт смотрит на тебя.

И когда реальность охватывает его лицо, он делает шаг назад, находясь в шоке. Я знаю, что Ричард обожает своего сына. Наверное, больше, чем жена. Так что быть тем, кто вонзит кинжал правды в его сердце, восхищает меня.

Я двигаюсь, чтобы встать, и когда я это делаю, хихиканье, соскользнувшее с моих губ, маниакально, я злорадствую:

— Верно, Ричард. Твоя драгоценная женошкa трахнула моего мужа, и у них родился ребенок.

— Ты несешь чушь!

— Беннетт оставил ему все. Но если ты думаешь, что можешь получить деньги, ты ошибаешься. Видишь ли, Беннетт был достаточно умен, чтобы не назначать Жаклин в качестве исполнителя. Он назначил своего адвоката.

Его ноздри раздуваются, и я теряю себя в полном бреде, продолжая смеяться над каждой испорченной частью этой сумасшедшей истории. Комната вращается вокруг меня, расплывчатое царство цветов и теней, как мои слуховые туннели в отголосках моего собственного смеха.

— Пошла ты! — Его голос прорезается, но только на мгновение, прежде чем он замахивается рукой. Все это происходит словно вспышка замедленного движения, но слишком быстро для меня, чтобы остановиться, когда он ударяет пистолетом с силой, которая параллельна его гневу по моей голове, сбивая меня с ног.

Моя голова ударяется об угол стола, а потом разбивается о пол.

Свет мигает за моими веками.

Искры.

Алмазная пыль.

Облака.

Чернота

— МММ! — я пытаюсь кричать сквозь скотч на губах.

Мое сердце колотится так сильно, что я чувствую пульсацию в своей голове. Паника пронизывает каждый орган внутри меня, наполняя мое тело чистым страхом, когда я мечусь из стороны в сторону в темноте. Я дергаюсь и брыкаюсь, но мои ноги и запястья связаны за моей спиной скотчем.

— МММ! — Я заставляю звучать свой голос настолько громко, насколько могу, ощущая, как он царапает мои напряженные связки. Я знаю, что меня никто не слышит, но мне все равно.

Я напрасно пытаюсь освободить свои запястья, которые надежно закреплены. Меня накрывает разочарование, покалывая мои ладони, и я теряю контроль. Я выпускаю еще один ничемный, приглушенный крик, прищурив глаза, пытаюсь усилить звук, пока я дергаю свое тело как маньяк в багажнике автомобиля, в котором я очнулась.

Время пролетает мимо меня, когда увеличивается скорость машины и моя паника растворяется. Мое тело расслабляется, поглощая удары на дороге, когда я попадаю в лабиринт отчаяния Ричарда.

Я знала, лучше сохранять контроль, чем давить на него, как я делала, но я потеряла его. Я была безумной и наслаждалась моими пытками. Но теперь эти ремни связывают меня в багажнике его машины, и у меня нет возможности сбежать.

Я чувствую возбуждение, пытаюсь понять, для чего, черт возьми, компания Беннетта использовалась как прикрытие. Ричард сказал оружие, но в каком качестве? Все, о чем я могу думать, это дело моего отца. Он продавал оружие. Возможно ли то, что Linq является прикрытием? Ещё одна схема торговли людьми? Конечно, нет. Но если да, то это как—то связано с моим отцом? Мои мысли неразумны. Я имею в виду, может быть, это совпадение.

Чёрт, что происходит? Знал ли Беннетт? Мне так трудно поверить, что он это сделал. Он был таким прямолинейным человеком, построенным из строгих ценностей и всегда придерживающийся правил. Было противно смотреть, но это было основой Беннетта.

И как, черт возьми, был задействован Кэл? Возможно, Беннетт знал. В конце концов, Беннетт и Кэл работали над несколькими деловыми сделками вместе на протяжении многих лет. Знает ли Деклан о своем отце? Боже, он тоже выглядел таким честным, но, возможно, он знал.

Раздражение нарастает, чем больше я думаю и спрашиваю, но какой смысл? Я не собираюсь делать это в одиночку.

Мое тело реагирует, когда я чувствую, что машина замедляется, а затем останавливается. Мой пульс ускоряется, когда я слышу, как дверь захлопывается.

Мы в общественном месте? Люди вокруг? Могу ли я рисковать, если подниму шум?

Делая медленные, спокойные вдохи, я сосредотачиваюсь на том, что происходит снаружи, но я ничего не слышу. Каждая мышца моего тела напрягается, пока я жду, но ничего не происходит. Время идет, и, в конце концов, я чувствую, что погружаюсь в сон. Я изо всех сил пытаюсь бодрствовать, когда мои глаза закрываются.

Не знаю, как долго я была в отключке, но я почувствовала, как машина внезапно остановилась. Интересно, как далеко мы уехали. Я слышу, как дверь закрывается, и через пару секунд багажник открывается.

Свет обжигает мои глаза, и я вздрагиваю, когда руки Ричарда хватают меня, выдергивая из машины. Я даже не думаю, что вокруг меня, просто борюсь против его хватки, дергая своим телом.

Он ударяет меня о твердую каменную стену. Он выбивает из меня дух, и я отчаянно вдыхаю через нос, пока мое горло задыхается из—за истощенных легких. Сгорбившись, я впадаю в панику и задыхаюсь, когда он хватается за мои волосы и поднимает голову. Волосы вырываются из кожи моей головы, и стальное лезвие проходит по моей щеке.

Мои глаза расширились от ужаса, дыхание перехватило. Хныкая, я закрываю глаза, когда он вдавливая лезвие в мою мягкую плоть. Мой крик заглушается лентой, которая все еще закрывает мой рот, я чувствую треск моей кожи, когда он разрезает меня.

Затем он прижимает лезвие к ленте, которая закрывает мои губы, и говорит:

— Если ты думаешь, что у меня есть пределы, ты ошибаешься.

Нагнувшись, он ножом разрезает клейкую ленту вокруг моих лодыжек, но оставляет мои запястья связанными. Кровь из щеки капает с челюсти, приземляясь на мою кофту.

— Иди, — приказывает он, хватая меня за руку и ведя по переулку.

Я оглядываюсь, быстро пытаюсь понять, где мы, но слишком темно, а переулок слишком узкий. Он ведет меня вниз по лестнице в подzemелье, и я помню, как Лаклан рассказывал мне о подвалах под городом. Он сказал мне, что некоторые из них теперь служат клубами или ресторанами, некоторые для призрачных туров, а другие просто остаются пустыми. И нет никаких сомнений, что именно туда он ведет меня, когда он проводит меня через каменный туннель, сырой от воды, в довольно большую комнату.

Учитывая, то что меня сейчас окружает, я могу сказать, что это место использовалось для своего рода бизнеса. Там есть электричество, встроенные счетчики вдоль одной из стен, письменный стол и пара стульев. Я наблюдаю, как Ричард подходит к столу и кладет свой пистолет. Когда он возвращается ко мне, он сдирает ленту, закрывающую мой рот, и на мои глаза навораиваются слезы от жжения.

— Садись, — говорит он мне, и я подчиняюсь.

— Что ты задумал? — спрашиваю я.

— Ты все, что у меня есть. Мне нужно, чтобы ты помогла мне исчезнуть.

— От кого?

— Если копы найдут меня, я проведу остаток своих лет в тюрьме.

И он прав. Ричарду за пятьдесят. Я не знаю преступлений, которые он совершил, но тот факт, что он просто похитил меня, говорит мне, что он в полном дерьме.

— Но я сказала тебе, у меня нет того, что ты ищешь, — говорю я ему.

— Ты не можешь помочь, а тот, кто тебя любит, может.

— Кто?

— Деклан МакКиннон.

Я качаю головой, говоря:

— Ты ошибаешься. Он меня не любит. Он ненавидит меня.

— И все же ты живешь с ним? Думаю, ты мне врешь.

— Я не... Ты должен мне поверить. Он меня не любит. Он удерживает меня, чтобы наказать.

— Наказать за что? — задает он вопрос, но я прикусываю свой язык, не уверенная, как много я могу говорить.

Я не буду обвинять Деклана, но могу ли я обвинить себя? Если я это сделаю, я рискую попасть в тюрьму сама. Поэтому я даю ему то, что он уже знает, следя за мной в Чикаго, и говорю:

— За то, что я не оставила Беннетта ради него.

Я говорю неправду, но я ненавижу это, потому что Деклан стоит гораздо больше, чем кто—либо другой на этой планете.

Ричард раздраженно посмеивается.

— Я не знаю точно, что ты делала с Беннеттом, но я достаточно умен, чтобы знать, Элизабет Арчер, что ты не любила его. Так что это было для тебя? Что ты искала? Деньги?

Я не отвечаю, когда он смотрит на меня. Через мгновение он хватается за стул, ставит его передо мной и садится. Он наклоняется ко мне, и моя голова пульсирует ноющими горящими толчками, где он ударил меня пистолетом.

Его глаза вонзаются в меня, когда хитрая ухмылка ползет по его губам. Его голос низкий, когда он спрашивает:

— Или все это имеет какое—то отношение к твоему отцу?

Мое тело дрожит от холода при упоминании о моем отце. Я напрягаю мое опустошенное сердце и удивляюсь, почему он упомянул моего отца.

Что он знает?

Я не говорю ни слова от полного ужаса, что я связалась не с теми людьми, когда начала эту чертову игру. У меня всегда всё было под контролем, когда дело касалось моего спектакля в жизни Беннетта. Но теперь весь этот контроль ушел в руки этого ублюдка, и это напугало меня. Я притворяюсь сильной, но реальность этой ситуации выбивает из меня всякую уверенность. Меня похитили, и я не имею ни малейшего понятия, как выбраться из этого.

— Я не знаю, что ты от меня хочешь, — наконец говорю я слабым голосом. — То, что я рассказала тебе о Деклане, было правдой. Он ненавидит меня, ему все равно, если ты причинишь мне боль.

— Тогда тебе нужно найти способ заставить его позаботиться, — усмехается он, прежде чем ударить меня так сильно, что я падаю со стула на пол.

Мое зрение теряется на мгновение, когда моя голова ударяется о бетон, и жуткое желание накинуться дымится внутри меня, но я связана и бессильна.

— Нет ничего, чего бы я ни сделал для своей семьи, — говорит он мне, а затем уходит.

Глядя на него, мое разочарование умножается, и поскольку я не могу выбить из него дерьмо, я нападаю своими словами.

— Даже с членом Беннетта внутри твоей жены? Ты бы сделал что—нибудь для нее в тот момент?

— Твоя ложь смешна.

Я не признаю его отрицания, потому что продолжаю враждовать с ним, плюя словами:

— Тебе понравилось бы трахать ее, когда сперма моего мужа все еще была бы в ее грязной киске?

Он ударяет меня по спине, и я смеюсь, чтобы еще больше разозлить его. Он хватается за волосы и сразу же затыкает, ударяя кулаком мне в лицо. Все становится ярко—белым, и мой рот наполняется кровью, когда зубы прокусывают внутреннюю часть щеки.

Извиваясь в мучениях, я стону от взрыва боли в моей голове. Мой череп сдавливает от сильной пульсации, и я не могу открыть глаза, потому что это слишком больно. И следующее, что я знаю, он снова закрывает мой рот лентой.

Боль со временем усиливается. Я прижимаюсь своим телом к стене, пока продолжаю лежать здесь, и мне жаль, что он просто не вырубит меня, чтобы избавить меня от страданий.

Когда Ричард выходит из комнаты в коридор, я пытаюсь разорвать ленту, кручу свои запястья, но она не сдвигается с места. Я скатываюсь с бока на живот, прежде чем начинаю тереться щекой вдоль пола. Когда я начинаю ощущать, как уголок ленты отрывается от моего рта, я нажимаю на свое лицо сильнее, переворачивая его, чтобы попытаться поймать больше ленты, чтобы снять её.

Как только я чувствую, как лента отрывается от моих губ, я использую свой язык, чтобы оттолкнуть его, и когда я могу пошевелить ртом и говорить, я жду возвращения Ричарда.

Я могу слышать, как он разговаривает с кем—то по телефону, но я не могу разобрать, что говорят. Через некоторое время он возвращается, и я сдерживаю свой голос от враждебности, как только могу, когда говорю:

— Это правда.

Его глаза встретились с моими, и я добавила:

— Они сделали тест ДНК, который Беннетт держал в своем сейфе. Беннетт оставил ему все. Я не могла в это поверить, когда узнала, но это правда.

— Око за око — сказал он, сбивая меня с толку.

— Что это значит?

Затем он подтягивает ко мне стул и садится, пока я лежу здесь и смотрю на него.

— Ты причинила мне боль, я сделал больно тебе.

Мои брови сжимаются вместе, не понимая его загадочных слов.

Он продолжает:

— Мне нечего терять, и, если я не получу свои деньги, ты не уйдешь отсюда живой. И из того, что я помню о твоём отце, он не был сильным бойцом, у меня такое чувство, что твои дни сочтены, как и его.

— Пошел ты! — Я огрызаюсь на него, за то, что он говорит дерьмо о моем отце. — Ты не понимаешь, о чем говоришь.

Он смеется надо мной, показывая:

— Я знаю больше, чем ты думаешь, маленькая девочка. Видишь ли, я знал твоего отца.

Моя грудь взволнованно трепещет, когда он говорит это, и возникают тысячи вопросов.

— Мы со Стивом давно знакомы.

Я не хочу верить, что Ричард как—то связан с моим отцом, или что мой отец как—то связан с ним. Но... если бы он был еще жив, он был бы примерно в возрасте Ричарда, так что есть вероятность, что он говорит правду. Но как?

— Когда Беннетт заставил меня следить за тобой, я начал копаться в твоём прошлом. Когда все части собрались вместе, я не мог поверить, что девочка Арчера была прямо перед моим лицом в течение многих лет. Я должен был догадаться, что ты превратишься в аферистку. Сначала я думал, что я твоя цель, когда был уверен, что ты знаешь, кто я. Но, когда я начал вспоминать, я понял, что это не так. Я понял тогда, что ты охотишься за Беннеттом. Но я до сих пор не знаю, почему.

— С чего мне преследовать тебя? — спрашиваю я в ужасе, гадая, кто этот парень на самом деле.

— Может быть, ты обвинила меня в том, что произошло.

— Расскажи мне, откуда ты знал моего отца.

— Я могу многому тебя научить, понимаешь? Ты была очень хороша в том, чтобы дурить Беннетта все эти годы, но что бы это ни было, что ты пыталась сделать, ты слишком медленно двигалась и не оценивала людей, которые тебя окружали.

— Скажи мне, — требую я, борясь, чтобы сдержать слезы, потому что, говоря о моем отце, я просто разваливалась на части. Он моя слабость, моя самая слабая часть, и теперь я боюсь, что Ричард имеет какое—то отношение к моей потере его.

— Расскажи мне!

— Позвони Деклану.

— Как? У меня нет его номера.

— Тогда мы подождем, — говорит он. — Я знаю, что он в Лондоне и завтра вернется.

Тогда ты позвонишь на его стационарный телефон.

— Расскажи мне, откуда ты знаешь моего отца, Ричард. Ты хочешь причинить мне боль? Это то, что ты хочешь? Тогда просто скажи мне, потому что все, что ты хочешь сказать о нем, наверняка будет кинжалом.

— Это слишком просто.

Затем Ричард оставляет меня, он перемещается на другую сторону комнаты и сидит. Я изо всех сил пытаюсь успокоиться, мои руки все еще связаны вместе. Я лежу на холодном бетоне и прижимаю мою щеку к полу, чтобы успокоить боль, которая пульсирует через рану. Моя голова тяжела от мучительной головной боли, и я закрываю глаза, чтобы заглушить дешевое флуоресцентное освещение, но жужжание от ламп заставляет меня волноваться.

Проходят часы, пока я дрейфую туда—сюда, когда туман от всех возбужденных эмоций начинает проясняться, и я, наконец, в состоянии сосредоточиться. Я пробегаю по всему, что сказал мне Ричард, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит, когда вспоминаю его заявление.

Оружие.

Мои встречи были долгими, я сидел и слушал, как несколько архитектурных фирм показывают свои презентации, и просматривал заявки на работу. Это будет еще один бутик—отель, который будет обслуживать богатых и давать, прежде всего, уединение. "Lotus" был моим первым сольным проектом и за несколько месяцев стал успешным. Мы поддерживаем эксклюзивную клиентуру, в которой Чикаго отчаянно нуждался. В каждом роскошном номере предоставляется полный спектр услуг, в зависимости от того, кому разрешено бронировать номер, и лондонская недвижимость будет такой же.

Я звоню домой, пока возвращаюсь в отель, чтобы поспать. Уже поздно и это мои последние дела на сегодня.

Странно видеть Элизабет в моем доме, она будто больше, чем просто гость. У нее психические расстройства. Иногда я вижу ее, и мне хочется разбить ее лицо о стену, потому что мой гнев слишком велик, чтобы его сдержать. Иногда я смотрю на нее, и мне хочется, чтобы с нами все было как раньше. В такие моменты мне хочется прикоснуться к ней и вдохнуть ее мягкий аромат. Я хочу чувствовать ее, лизать ее, пробовать ее на вкус, трахать ее. Я хочу всего этого, но мое сердце отказывается быть слишком близко к ней.

Она ангел дьявола.

Как только я начинаю пересекать с ней границы, я отключаюсь. Это даже не то, что я сознательно делаю, это просто происходит. В один момент я хочу, чтобы мой язык попробовал ее сладкий рот, а в следующий, я хочу вырвать еще больше ее волос.

Трахать ее вчера на улице напротив моего дома было извращенным наслаждением, которому я эгоистично предавался. Когда я увидел ее из окна своего кабинета, сидящую на земле, я увидел кого—то настолько сломленного, что усомнился в ее злости. В этот момент я потерял бдительность и запутался. И ничто не может отрицать утешение, которое поглотило меня, когда я погрузил свой член в ее сладкую киску. Когда она обнимает меня, Господи, ни одна женщина не чувствовалась так хорошо, как она. Но ее тепло и уют — всего лишь иллюзия. Она — ловушка фокусника, в которую я по глупости постоянно попадаюсь.

Она жестока и двулична и все же часть меня хочет ее — очень тревожная часть меня. Потому что никто в здравом уме не хотел бы иметь ничего общего с вдовой, которая вводит яд своими корыстными побуждениями. По какой—то причине, зная, что она мошенница, я не хочу, чтобы она уходила. Часть меня жалеет ее. Мне жаль ее. Я никогда не видел человека падшего так низко, как она сейчас. Это должно быть ее дно, и я не хочу видеть, что произойдет, когда она на него опустится. Ее тело заклеено в жестоком обращении с собой. Она жаждет момента, когда сможет причинить себе боль. Я знаю, что Элизабет больная женщина, которой нужна помощь, и темная часть моей души хочет предложить ей эту помощь. Это неправильно, поскольку я тоже хочу наказать ее.

Когда я сказал ей раздеться прошлой ночью, мой план состоял в том, чтобы унижить ее, посадив на землю, как я велел. Я оставил ее, чтобы взять веревку и собирался наказать ее. Я ходил по дому возбужденный, просто думая об этом. Мой ум был поглощен видениями о ней, связанной, когда я бы шлепал по ее груди и киске веревкой, пока они не покраснели бы, представляя, как засунул бы член ей в горло, заткнул бы ее, как видел бы ее слезы, падающие на розовые щеки.

Даже теперь, когда я знаю, что она пережила в детстве, будучи маленькой девочкой со своим приемным отцом, я все еще так хотел ее унижить. Я знаю, что это неправильно, поэтому и не вернулся к ней. Я не мог позволить себе удовольствие, которое только укрепило бы дикаря, которым, боюсь, я и являюсь — дикаря, каким она меня воспитала. Но я все равно причинил ей боль, и в тот момент, когда я вошел в ее комнату и увидел ее подавленное лицо, я возненавидел себя.

Когда я звоню, никто не отвечает, поэтому я вешаю трубку и снова набираю домашний номер.

Ничего.

Наверное, она снаружи.

Я открываю приложение безопасности на телефоне, чтобы войти в домашнюю систему. Как только он подключен, я нажимаю на каждую камеру, чтобы просмотреть комнаты в доме. Из кухни в библиотеку, атриум, спальни, столовая, кабинет, крыша... ничего. Затем я переключаюсь на наружные камеры и проверяю грот, задний двор и различные камеры, которые выходят на большую часть территории. Никого не видно. Когда я нажимаю кнопку, чтобы посмотреть гараж, я замечаю, что мой Мерседес отсутствует, что объясняет, почему ее нигде не видно. Меня раздражает, что я не знаю, что она задумала и где находится.

Ненавижу не знать подробностей, особенно когда дело касается ее. Я знаю, что все контролирую и властен, но это единственный способ, которым я могу действовать, не теряя свой рассудок.

У нее больше нет старого сотового, а я не видел нового, так что я не могу с ней связаться.

Я решаю позвонить Лаклану. Я говорил ему прекратить следить за ней, поскольку мне не нравилось, как он вмешивается в ее жизнь, но я проглатываю свою гордость и все равно звоню ему.

— МакКиннон, как прошли встречи? — говорит он, отвечая на звонок.

— Хорошо, — огрызаюсь я. — Послушай, я пытаюсь дозвониться до Элизабет, но ее нет дома и у меня нет ее номера телефона.

Как только он называет ее номер, я вешаю трубку и звоню по нему.

ЭЛИЗАБЕТ

Тонкой вибрации достаточно, чтобы я проснулась. Я чувствую металлический привкус крови во рту после удара Ричарда. Я переворачиваюсь с бока на спину. Я отлежала руку, на которой спала, и сейчас она покалывает и сильно болит. Оглядев комнату, я вижу Ричарда, откинувшегося на спинку стула с закрытыми глазами и положившего руку на пистолет.

Вибрация повторяется снова. Мне сложно сосредоточиться на мыслях из-за боли в голове и эмоциональных скачков, на которых я была с тех пор, как Ричард явился перед домом Деклана. Я сосредотачиваюсь на слабом жужжании, и мой желудок сжимается, когда я вспоминаю про свой мобильный телефон. Тело оцепенело, так что сложно определить, откуда звук, но я знаю, что засунула его в карман штанов.

Я оглядываюсь на Ричарда, его глаза все еще закрыты. Мое сердце начинает биться быстрее, а я пытаюсь переместить руки так тихо, как могу. С закрытыми глазами, я делаю попытку за попыткой, но это бесполезно. Я не могу дотянуться руками до кармана. Я знаю, что это звонит Лаклан, ведь он единственный, кому я дала этот номер.

— Ричард, — кричу я, чтобы разбудить его, когда у меня появляется идея. — Ричард.

— Какого черта тебе надо? — говорит он сонным голосом, когда открывает глаза.

— Мне нужно в туалет.

— Ну сходи, — рывкает он и снова закрывает глаза.

— Не могу, но у меня нет проблем с мочой, если у тебя нет проблем с ее запахом, — огрызаюсь я в ответ.

Он разочарованно выдыхает, подходит ко мне, хватая за руку и поднимает с пола. Веду меня по коридору, мы останавливаемся перед дверью.

— Поторопись, — требует он, и я смотрю на него, напоминая:

— Мои запястья.

Он долго смотрит на меня недоверчиво, а затем говорит:

— Повернись, — и я слушаюсь.

Он достает нож и наконец разрезает ленту, освобождая мои руки, когда телефон начинает вибрировать, и мое тело пронзает страх. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Ричарда и могу сказать по его лицу, что он слышит.

Он сознательно наклоняет голову набок, и в момент испуга я бросаюсь вперед и убегаю. У меня нет никакой возможности на свободу, потому что он тут же хватается за талию и тянет назад.

Я борюсь с ним, но в тот момент, когда его пальцы обхватывают мою шею, я замираю. Он похлопывает меня по карманам и достает дешевый одноразовый телефон, которым я пользуюсь с тех пор, как приехала в Шотландию. Он открывает его и держит перед моим лицом, прижимая меня спиной к своей груди. Затем он выбирает последний номер и нажимает на него.

Включив громкую связь, он угрожает:

— Скажи хоть одно слово, и я заставлю тебя пожалеть о том, что у тебя когда-то был шанс поиграть со мной.

А затем гудки прекращаются, когда вызов принят. Я задерживаю дыхание, Ричард молчит, и мы оба ждем, когда раздастся голос.

Спустя несколько секунд я теряю надежду, когда вдруг слышу взволнованный голос человека, которому никогда не давала этот номер.

— Элизабет?

Его акцент обволакивает мое имя, и мне кажется, что он оборачивается вокруг моего тела в успокаивающих объятиях. Я хочу заговорить, бросить вызов Ричарду и выкрикнуть все детали моего расположения, чтобы Деклан смог найти меня, но вместо этого я задерживаю дыхание.

— Элизабет, ты здесь?

— Она здесь, — отвечает Ричард.

— Кто это?

— Человек, у которого нет совести и ограничений, — отвечает он, приставляя нож к моему лицу, медленно поднося телефон к уху. Затем Ричард берет мою дрожащую руку, и я слышу голос Деклана:

— Если ты дотронешься до нее, я...

— Аааа! — я вскрикиваю от нестерпимой боли, роняя телефон на землю, а мои ноги подгибаются. Схватившись за запястье, я кричу и в ужасе смотрю на свою ладонь, в которую Ричард только что воткнул свой нож, разрезая глубоко мою плоть. Кровь повсюду, она сочится, когда я наклоняюсь и плачу. Подняв глаза, вижу, как Ричард берет телефон, но мое тело в шоке, и потому я не слышу ничего, что он говорит Деклану.

Я падаю на колени, заставляя себя успокоиться, медленно, прерывисто дыша, но я только продолжаю снова задыхаться. Я сжимаю руку в тугий кулак, морщась от жуткой боли, прижимаю ладонь к груди.

— Пусть это будет уроком, — говорит Ричард, пока подходит ко мне, не говоря больше по телефону. — Не играй больше со мной.

Затем он тянется вниз и начинает проверять мои карманы.

— Ты еще что—нибудь скрываешь?

— Нет.

— Встань, — приказывает он, как только я встаю на дрожащие ноги, он хватает меня за вырез моего топа и прорезает ножом ткань, проводя прямо по центру.

Отодвинув ткань, он проводит лезвием по выпуклости моей левой груди, а когда достигает моего соска, то переворачивает нож до края бритвы. Я потеряла контроль над своим телом, оно все трясется.

Мои глаза закрыты, пока он насмехается:

— Попробуй теперь бросить мне вызов.

Его слова — эхо слов Карла. Он играл со мной таким же образом, провоцируя на то, чтобы я раздвинула его границы, как будто это давало ему мое согласие причинить мне еще большую боль.

— Что ты делаешь?

Бросив взгляд через плечо Ричарда, я вижу Пика, стоящего позади.

— *Ты забываешь все, чему я тебя учил*, — говорит он мне. — *Ты намного сильнее, чем это гнилье перед тобой. Перестань позволять ему думать, что ты слабая.*

Переводя взгляд обратно на Ричарда, я вдыхаю слова Пика и медленно выпускаю воздух из носа. Я разрушила свои стены с Декланом, поскольку то, что чувствовала, было правильным, но я забыла вернуть все в тот момент, как появился Ричард. С расчетливым намерением я чиню щель в своей броне и готовлюсь ломать все, что только попадется на моем пути.

Нож продолжает бродить по моей груди, и как только я чувствую уверенность в своем щите, я встречаюсь с его взглядом.

— Могу я сейчас поссать?

— *Это моя Элизабет*. — подбадривает Пик, прежде чем Ричард ехидно кивает, и я поворачиваюсь, чтобы открыть дверь.

ДЕКЛАН

Звонок оборвался, но я успел услышать ее леденящие кровь крики. Сосредоточиться на угрозах, исходящих от неизвестного мужчины по телефону, было почти невозможно, когда мое внимание было направлено на девушку, чьи крики были слышны на заднем плане. Я хотел знать, что он с ней сделал, но его первоочередные задачи были в инструкциях, которые он мне дал.

И теперь я мечусь по моему гостиничному номеру, запихивая свою одежду в чемодан, с нетерпением ожидая, когда Лаклан ответит на мой звонок.

— Где, черт подери, Элизабет? — рывкаю я, когда он отвечает.

— Я не знаю. Что случилось?

— Она пропала. Мне нужен самолет. Сейчас.

— Притормози, МакКиннон, — говорит он. — Что происходит?

Кровь течет так быстро, разгоняя панику внутри меня. Застегивая чемодан, я отвечаю:

— Кто—то похитил ее.

— Ты уверен в этом? — спрашивает он с удивлением.

— Да, я чертовски уверен! Мне нужен самолет через пять минут. Сделай это и перезвони мне.

Я не трачу время на поиск водителя и мчусь по вестибюлю вниз, садясь в первое такси, которое вижу.

— Аэропорт Биггин Хилл, — говорю водителю.

— Вы в порядке, сэр?

— Доставь меня туда как можно быстрее.

Он кивает без дальнейших вопросов, я с нетерпением жду звонка Лаклана, но все, что могу слышать, это ее крики, которые снова и снова звучат в моей голове. Так много раз я хотел вызвать у нее эту реакцию, но зная, что ее попытки вне моего контроля, мое сердце сходит с ума, пытаюсь защитить ее. Это извращенная мысль, но если кто и собирается причинить ей боль, то это буду я.

Я думаю обо всех людях, которые хотели бы использовать ее, чтобы добраться до меня. Правда в том, что я не знаю людей, которыми она окружает себя, если таковые вообще есть. Но этот человек, кто бы он ни был, преследовал ее и знал, где ее искать.

Вернувшись снова к камерам безопасности на телефоне, я щелкаю по комнатам, в поисках любой подсказки, потому что я не знаю, что еще могу делать в этот момент. Когда я проверяю камеру, которая смотрит на дорогу, я вижу машину, что отсутствует в гараже. Ее, должно быть, забрали из дома, но как? Зачем ей кого—то пропускать через ворота?

Звонит телефон, и я быстро отвечаю:

— Ты нашел его?

— Да. Самолет будет готов через полчаса.

— Хорошо.

— Что я могу сделать?

— Ты видел ее или говорил с ней с тех пор, как я уехал вчера?

— Нет. Я уже был дома.

— Ему нужны деньги, — говорю я ему.

— Кому?

— Я не знаю. После того, как ты дал мне ее номер, я позвонил, но она не отвечала. Я набирал номер несколько раз, а потом ответил мужчина. Я слышал Элизабет на заднем плане.

— Что он сказал?

— Что каждый из нас имеет что—то ценное для другого. Что он отпустит ее, когда я переведу деньги на его офшорный счет.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы разрушить либо мой фонд, либо мой бизнес.

— Что ты собираешься делать?

Когда он спрашивает, мой ответ приходит легко и без раздумий:

— Я сделаю все, чтобы убедиться, что она в безопасности.

Как только произношу эти слова, я ловлю себя на откровении, к которому я не ожидал прийти так легко. Я вешаю трубку и пытаюсь убедить себя, что я не должен этого хотеть. Что я должен просто закрыть на нее глаза и позволить разрешиться этой ситуации самой. Она будет уничтожена, а взамен мне не придется иметь дело с Элизабет. Потому что, если человек выполнит свое обещание, которое дал по телефону, он убьет ее, если не получит свои деньги. И тогда книга будет закрыта, и я смогу двигаться дальше.

Но я не могу этого сделать.

Я не могу отвернуться.

Достав из портфеля ноутбук, я снова подключаюсь к камерам наблюдения. На этот раз затем, чтобы посмотреть запись. Я загружаю камеру, что следит за воротами, смотря в какое время приедут автомобили. Это занимает некоторое время, но вскоре я вижу, как прибыли две машины, одна из которых мой родстер. Я внимательно наблюдаю и переключаю камеры, когда они подъезжают к передней части дома.

Пожилой мужчина, примерно того возраста, что и мой отец, выходит из другой машины. Они разговаривают, а затем идут. Я снова переключаю камеры, когда они проходят по дому и спускаются в библиотеку. Она раздражается, и я хочу, чтобы на этих видео был звук.

Они сидят и разговаривают, пока мужчина не рассердился, вскочив с дивана, и не пошел в сторону Элизабет. И то, что происходит дальше, пробирает меня до костей. Я наклоняюсь к экрану, пока смотрю, как этот неизвестный ублюдок достает пистолет из пиджака и целится прямо ей в лицо. Ее руки с побелевшими костяшками обхватывают стул, когда он прижимает дуло к ее лбу.

Каждая клетка в моем теле наполняется бурей беспорядка, пока я наблюдаю, как мой мир все больше и больше выходит из—под контроля. Я беспомощно смотрю, как он бьет ее по голове пистолетом, и она падает на пол. Они обмениваются словами, и он снова бьет пистолетом в голову, на этот раз так, что она теряет сознание. Затем он выходит к своей машине и возвращается, чтобы заклеить скотчем ее безжизненное тело, связывая лодыжки и запястья. Гнев взрывается, вырываясь вспышкой бурлящего огня, когда он наклоняется над ней и плюет ей в лицо. Как только он вытаскивает ее из дома и бросает в багажник своей машины, я захлопываю компьютер.

Я тяжело дышу, переполненный чувством вины, яростью и непреодолимым желанием отомстить.

Я хочу убить этого ублюдка.

— Езжай быстрее, черт возьми! — ору я на водителя.

Запустив руки в волосы, я чувствую, как мое тело содрогается от эмоций, которые мне нужно обуздать, прежде чем я потеряю все самообладание, необходимое, чтобы держать себя в руках. По мере того как мы едем дальше, и моя мания понемногу рассеивается, я вспоминаю все те способы, которыми эта женщина повергла мою жизнь в хаос — ее хитрое лицемерие, ее уродливую злобу, скрытую под ее блестящей внешностью, и кровь, которая всегда будет на моих руках из—за ее злобной и эгоистичной вендетты.

Я напоминаю себе все причины, по которым должен позволить тому человеку убить ее, напоминаю себе все причины, по которым ненавижу ее. Но сколько бы ни было причин, я не могу избавиться от непреодолимой потребности найти ее. Она тянет нити, которые соединяют мое сердце, сердце, которое она вырвала из моей груди и разорвала на части. И как бы я не хотел отрицать это, как бы мысль не отталкивала меня, факт в том, что тот, кто разрушает, тот и исцеляет.

Она нужна мне.

Мой живот урчит, пока я сижу на земле со связанными руками вокруг трубы, проходящей по длине стены. Удерживая меня таким образом, Ричард достал сумку из машины, наполненную едой и водой, которая никогда не попадет в мой голодный желудок. Так что я сижу и смотрю, не имея понятия, сколько времени прошло, ночь или день сейчас.

Мы под землей, и я могу сказать по виду его телефона, что он использует одноразовое устройство, которое невозможно отследить, заставляя меня беспокоиться, что никто не сможет найти меня. Хоть Деклан звонил и теперь знает, что меня насильно забрали, часть меня сомневается, что он сделает что-то, чтобы найти меня. Но он — моя единственная надежда, потому что никого нет, кто знал бы, кто я такая. Ни друга. Ни семьи. Никого.

Силы слабеют.

Надежда исчезает.

Усталая борьба внутри меня прекращается.

Медленно я раскрываю ладонь и вздрагиваю от боли из-за раны на руке. Плоть, покрытая запекшейся кровью — мертвой кровью — доказательство того, что ничто не живет вечно. Для меня это не новость, но все же я всегда шла вперед.

Почему?

Какой в этом смысл?

Выиграть одну битву только для того, чтобы столкнуться с другой, но когда это закончится?

Это когда—нибудь прекратится?

Мое внимание привлекает скомканный целлофан в руке Ричарда, пакетик с чипсами. Он смотрит на меня, бросая его в мою сторону, но он не достигает меня, когда падает на землю. Я смотрю на этот мусор и не могу не сравнить с собой. Я сижу здесь, тоже безжизненная, покрытая распухшими синяками, порезами и струпами. Некоторые из них я сама себе нанесла, но другие исходят от моей любви и этого ублюдка передо мной.

Я мусор.

— Чего ты ждешь? — мой голос срывается.

Мои слова привлекают внимание Ричарда, и он вопросительно смотрит на меня.

— Никто не придет за мной, — говорю ему я, — если ты думаешь, что Деклан заботится обо мне, ты ошибаешься.

Он не отвечает, и мы смотрим друг на друга, а затем я спрашиваю то, что мне следует прояснить перед тем, как закончится мое время:

— Откуда ты знал моего отца?

Его глаза перемещаются к пистолету на столе, он тянется к нему и поднимает, смотрит на сталь, будто это его желанная возлюбленная.

— Вы работали вместе, не так ли? — спрашиваю дрожащим голосом, который грозит сломаться. Кусочки моей теории начинают соединяться. — Ты говорил, что использовал бизнес Беннетта, чтобы получать прибыль от оружия.

Держа в руке пистолет, он кладет ее на бедро и, наклоняясь вперед, говорит:

— Ты понятия не имеешь, в какую запутанную паутину ты попала. Это почти привилегия быть тем, кто раскроет ее тебе.

Я думала, что знаю Ричарда. Думала, он всего лишь шовинист, о котором мне не нужно беспокоиться. Но сейчас я понятия не имею, кто этот человек, сидящий передо мной, на самом деле. Мне интересно, похожи ли мы в том, что формируем свои истории в погоне за самоудовлетворением и манипулированием.

— Просто ответь мне, — произношу я, не показывая своих обеспокоенных эмоций.

— Стив работал на меня. Он работал посредником, глаза и уши с обеих сторон.

— Обе стороны?

— Я и наркотики.

Я даже не пытаюсь соединить точки, которые привели его к Беннетту, потому что все, что наполняет мой разум — мой отец. Я никогда не представляла своего отца иначе, кем он до сих пор является для меня — моим принцем с горстью розовых маргариток. Я не могу представить, чтобы он работал на такого человека, как Ричард, человека, который вонзил свой нож мне в лицо и руку, чтобы доказать свою правоту.

— Он всегда был преданным, — добавляет он. — Пока не заключил сделку о признании вины в обмен на имена. Думаю, он считал, что федералы защитят его, но Менард полон заключенных, которые так или иначе связаны со мной. Хотя он никогда не бросал меня, за что я его очень уважаю, он отказался от имен людей, которые шли по низкой лестнице бизнеса, и за это заплатил цену.

— Ты ублюдок, — выдыхаю я с глубокой ненавистью.

— Я?

— Ты знал, что он назвал имена?

— Да.

— И из—за верности тебе, он никогда не сдавал тебя?

— Стив сделал то, что федералы попросили его в обмен на досрочное освобождение — для тебя, — говорит он, кивая мне головой для выразительности. — Но в то же время он никогда не поворачивался ко мне спиной.

Его слова полны злорадства и гордости за свое высокое положение, и моя ярость увеличивается от цены, которую заплатил мой отец. Мой голос становится тверже и пропитывается враждебностью, когда я продолжаю:

— Но ты держал власть. Ты знал, в какой опасности он был, и ничего не сделал, чтобы защитить его от того, что было неизбежно!

— Это было не в моих руках.

Кровь внутри кипит, я сжимаю кулаки, когда кричу:

— Но ты босс! Ты держишь всю власть и ничего не сделал!

И потом все начинает сходиться. Теперь части начинают складываться. Еще сильнее скручивая руки, края пластика впиваются в нежную плоть моих запястий, разрезая кожу и выпуская кровь, которую качает мое израненное сердце.

— Ты хотел его смерти, — прихожу я к выводу. — Ты был напуган, не так ли? Ты знал, что он выдал имена и боялся, что это лишь вопрос времени, когда он продаст и тебя, верно?

Он наклоняет голову, признавая мою теорию правдой, и это выводит меня из себя.

— Сволочь! — мой кричащий голос царапает горло. — Это был ты! Это ты на него напал, ублюдок!

В ответ он лишь медленно сжимает губы, сидя как ни в чем не бывало.

Я всегда возлагала всю вину на Беннетта и, хотя я его ненавижу за то, что он был катализатором всего этого дерьма, в этом виноват именно Ричард, который имел право голоса в жизни моего отца, и он использовал его, чтобы спасти себя.

— Ты гребанный трус! — выплевываю я, чувствуя, как мое сердце разбивается снова и снова. Мой папа рисковал жизнью, отказываясь от имен, только чтобы добраться до меня.

Кровь стекает по моим рукам вместе со слезами, моя кожа начинает разрываться, когда я сражаюсь со своими оковами. Когда меня настигает разочарование, я кричу и падаю. Мое тело содрогается, и когда я слышу хихиканье Ричарда, я с отвращением поворачиваюсь к нему.

— Это тебя заводит?

Он двигается в мою сторону.

— Видеть, как королева Чикагского общества разваливается на моих глазах? Да, — отвечает он и опускается передо мной на колени, касаясь пальцем моего лица и проводя им по порезу на щеке, а затем вниз по шее.

Его прикосновение мерзкое, живот сводит от этого гнилого чувства, и я просто не могу это вынести.

— Скажи мне кое—что, — начинает он. — Когда ты узнала, что Беннетт изменял тебе, ты хотела бы знать об этом до его смерти, чтобы поквитаться с ним?

Затем достает из кармана нож и вытаскивает лезвие. Мои глаза следят за его рукой, когда он подносит лезвие к липкой ленте, которая теперь покрыта моей кровью.

— Ты хотела? — снова задает вопрос.

— Нет. — Мне было наплевать, что Беннетт изменяет, потому что я никогда не испытывала к нему ничего, кроме ненависти.

Внезапно, быстрыми движениями, Ричард освобождает мои руки. Затем он проводит лезвием между моих грудей. Мой топ раскрыт, разрезанный ранее. Я слышу, как кружево рвется, когда он нажимает лезвием на ткань, и я понимаю его намерения. Я знаю этот процесс слишком хорошо и закрываюсь, защищая себя.

Теперь он знает правду о своей жене и сыне. Я могла слышать его, когда он разговаривал по телефону после того, как привязал меня к трубе. Я знала, что он говорит с Жаклин. Он допрашивал ее, и я поняла, что она призналась ему. Он не повышал голос и не был зол. Все было наоборот. Он остался собранным и, глядя в его глаза прямо сейчас, я вижу в них огонь предательства, когда он разрезает мой бюстгальтер, а я готовлюсь к моему пути — возмездию.

Ричард не знает, насколько я сильна, когда дело касается секса. В конце концов, я четыре года трахалась с врагом и делала это так хорошо, что он и не подозревал о моей глубоко укоренившейся ненависти к нему. Мое тело истощено и загрязнено. Так было и будет всегда. Даже Деклан осквернил его, когда изнасиловал меня. Поэтому, когда Ричард отводит ткань, обнажая мою грудь, я ничего не чувствую.

От холодного воздуха мои соски твердеют, и когда это происходит, он улыбается и злорадствует:

— Жаждешь, а?

Чертов идиот.

Когда он встает, я замечаю его эрекцию. Он подходит к столу, меняет нож на пистолет и возвращается ко мне. У меня перехватывает дыхание, когда он приставляет дуло под мой подбородок.

— Не сопротивляйся, — угрожает он. — Одно неверное движение, и я всажу пулю в тебя.

Хотя теперь я знаю его истинную профессию, я все еще сомневаюсь, что он способен на убийство, но его следующие слова рассеивают все сомнения.

— Но что—то мне подсказывает, что ты не будешь умолять о пощаде, как мать твоего друга, и это огорчает. Мне нравится слушать, как женщина умоляет.

Мои глаза расширяются от шока и неверия.

— Ты? — спрашиваю я в ужасе.

— Иногда в жизни приходится преподавать людям уроки, и когда Кэл думал, что меня можно обмануть, я убедился в том, чтобы он понял, что я не тот человек, с которым можно так поступить.

Он прав — я запуталась в самой испорченной криптограмме, которую только можно вообразить.

— Какое отношение к этому имеет Кэл?

Он затыкает меня, проводя пистолетом по животу, и засовывает его мне в штаны, холод металла просачивается сквозь кружево моих трусиков. Его ухмылка язвительна, когда он расстегивает мои штаны, чтобы получить больше места, чтобы просунуть ствол между моих ног. Он скользит им взад и вперед по моей киске, все время улыбаясь. Но я отстранена. Мои мысли в прошлом с Декланом в тот день, когда он рассказал мне, что его мать застрелили в голову.

Боль, которую он так хорошо скрывал, всплыла в его глазах так же, как и моя, когда я потеряла своего отца, он навсегда был искалечен раной, которая никогда не заживет. Я бы сделала все, что угодно, и новость, что Ричард был тем, кто нажал на курок, который уничтожил веру Деклана в безопасность и комфорт, подпитывает мою жажду мести.

Ричард привлекает мое внимание, вытаскивая меня из моих воспоминаний, когда начинает стягивать штаны с моих ног.

— Моя жена вела себя, как сука, — говорит он. — Но ее здесь нет, чтобы я высвободил свой гнев, и Беннетта тоже. Все, что у меня есть — это ты.

С моими трусиками, снятыми вместе со штанами, он заставляет мои ноги широко раскрыться и прижимает дуло пистолета к моему клитору. Мое тело сжимается ужасным страхом. Я закрываю глаза, готовясь к тому, что будет дальше, он заставляет меня ждать, и я задыхаюсь, когда он вставляет заряженный пистолет внутрь моей киски. Зажмурившись, я сжимаю губы и отстраняюсь, пока он трахает меня своим пистолетом.

Я прячу свои эмоции и скрываюсь, отдавая ему свое тело, которое оказалось ничем иным, как куском мусора. Он скользит пистолетом, вставляя его и вытаскивая из меня, пока я впиваюсь пальцами в бетон. Ричард издает приятный стон, начиная ласкать мою грудь одной рукой. Я проглатываю тошноту, которая обжигает горло. В моей голове громкий звон и когда я больше не могу уходить от реальности, я прошу Пика прийти, но он этого не делает.

Мой щит дает трещину, кусок за куском начиная разваливаться, и с закрытыми глазами я вижу Карла. Теперь не пистолет Ричарда насилует меня, а грязный член Карла. Мое тело дергается, когда онемение проходит, и вскоре я чувствую все, что со мной делают. Когда мои бедра дергаются, я распахиваю глаза, чтобы увидеть дьявола надо мной, и я теряю его. Из всех сил я хватаю его за запястье и откидываю бедра назад, прижимая пистолет ко лбу, сумасшедше крича.

— Нажми на гребаный курок!

Он с горечью смотрит на меня, и я, крепко сжимая в кулаках ствол пистолета, кричу, сильнее прижимая его к голове:

— Сделай это, кусок дерьма! Нажми на курок!

Он выдергивает пистолет из моих рук и рычит.

— Что, черт возьми, не так с тобой?

— Чего ты ждешь? Деклан не придет, он бы уже позвонил. Так зачем ждать? — спрашиваю его я. — Просто покончи с этим. Застрели меня.

— Вот так? — задает он вопрос, запихивая пистолет мне в рот.

Я сижу неподвижно, пробуя смесь моей киски и металла. Мои губы обвиваются вокруг моего спасителя. Я киваю головой и молюсь на выстрел, который положит конец моим

страданиям раз и навсегда. Но вместо этого он использует его, чтобы еще больше унижить меня. Сжав мои волосы в кулак, он заставляет меня опустить голову на пистолет.

— Соси его, — требует он, покачивая меня вверх и вниз.

Я давлюсь, слезы текут из моих глаз, когда он заставляет меня проглотить его. Затем он отталкивает меня и встает.

— Надень штаны и закрой свой гребанный рот.

Когда слюна капает с моего подбородка, я вытираю глаза и раздаётся звонок.

ГЛАВА 35
ДЕКЛАН

Вызов завершен.

— Это, должно быть, одноразовый телефон, — говорит мне Лаклан, и вполне логично, что она пользовалась одноразовым телефоном, учитывая историю с её покойным мужем и всю эту ложь. — Может быть, полиция сможет обойти блоки. Я имею в виду, что звонки проходят через вышку сотовой связи и возможно они могут отследить этот звонок.

— Никаких полицейских, — приказываю я. — Звонок прерывался, поэтому они должны быть в каком-то уединенном месте. Я почти дома, а ты далеко?

— Полчаса.

Я вешаю трубку и, подъехав к дому, не спеша поднимаюсь по дороге и оглядываюсь по сторонам. Мой черный родстер припаркован перед фонтаном, и когда я выхожу из своего внедорожника и подхожу к двери, чтобы проверить ее, я вижу, что она все еще открыта. В автомобиле пусто, только чемодан, который я обнаружил, когда открывал багажник.

Оказавшись внутри, я сразу направляюсь в библиотеку, чтобы увидеть мебель, слегка потрепанную от ссоры, которую я наблюдал по камерам. Я смотрю вокруг, живот скручивает, сердце вздрагивает, а в голове роятся вопросы. Положив чемодан на диван, я начинаю копаться в нем и понимаю, что она вернулась в «Водяную Лилию», чтобы забрать оставшиеся вещи.

Пока я рылся в ее одежде, моя рука ударилась обо что-то тяжелое. Схватив предмет, я вытаскиваю его, и как только вижу его, меня охватывает холод. Мои пальцы дрожат, пока я держу рамку и смотрю в свои глаза, глядящие прямо на меня.

Откуда она у нее?

Отстегнув заднюю часть рамы, я вынимаю фотографию, чтобы рассмотреть надпись на обратной стороне:

Деклан. Шесть лет.

Я сижу у небольшого пруда возле дома, в котором вырос. Я смотрю в камеру и улыбаюсь. Вода наполнена цветением лотоса, цветением, которое так любила моя мама. Я помню, как ей нравился этот пруд. Она сидела на берегу, а её ноги свисали с края, точно так же, как я сидел на фотографии. Она смеялась, на неё падали лучи весеннего солнца, и она зывала ко мне нежным и любящим голосом:

— *Сядь со мной, милый. Окунь свои пальцы в воду.* — И я слушался.

Вода была холодной в тот день, когда мы сидели вместе среди душистых цветов лотоса. Ее лицо все так же ярко всплывает в моей памяти, безупречное и молочное. Она была красива, с длинными каштановыми волосами, которые закалывала в гульку, но, когда она была в саду или у пруда, распускала их.

Мои глаза закрываются, чтобы выдержать боль в груди. Воспоминания причиняют боль, и видения напоминают мне то, что я потерял. Я стараюсь избавиться от прошлого, мучаясь, что позволил себе думать о моей маме слишком долго, прежде чем напомнил себе о трусе, которым являюсь.

Реальность возвращается, когда Лаклан звонит у ворот. Я впускаю его и прячу фотографию обратно в сумку Элизабет, все еще сбитый с толку от того, откуда она взялась и почему она у нее. Но я отгоняю эту мысль, когда Лаклан входит в комнату и бросает свою куртку на спинку одного из стульев.

— Он был с ней в этой комнате, — выпалил я. — Я просмотрел камеры наблюдения. У него был пистолет, им он разбил ей голову, вырубил, а после связал и бросил в багажник своей машины.

— Черт возьми, — бормочет он в недоумении. — Где компьютер? Я хочу взглянуть.

Схватив ноутбук, я захожу в систему и проматываю кадры, чтобы показать ему. Он берет компьютер и садится за стол в углу комнаты. Я наливаю немного виски и залпом выпиваю, даже не чувствуя аромат, просто чтобы оно уменьшило мою боль прежде, чем я полностью сойду с ума.

— Где камера ворот? — спрашивает он, и я подхожу, чтобы показать нужную ему камеру.

Я наблюдаю за его плечом, как он нажимает, чтобы приблизить что—то. Я даже не подумал это сделать, поскольку, клянусь Богом, я теряю всякое чувство сосредоточенности.

— Вот он, — говорит он, хватая ручку и записывая номерной знак.

— Господи, я идиот.

— Не больше, чем этот ублюдок, — возражает он, заканчивая записывать номер. — Попробайся расслабиться. Мы найдем ее. Позволь мне сделать пару звонков, пока я выпью чашечку кофе на кухне.

Я киваю, подхожу к дивану и сажусь, но как только делаю это, слышу жужжание из куртки Лаклана. Любопытство побеждает, и я иду на поиски телефона в одном из карманов. Без имени на экране, я принимаю вызов и молчу.

— Детка, ты здесь? — раздается женский голос, и мне требуется несколько секунд, чтобы связать голос с мыслями в моей голове.

— Камилла?

Проходит минута в молчании, прежде чем подруга моего отца спрашивает в ответ:

— Деклан?

— Почему ты звонишь Лаклану? — спрашиваю я, но она быстро уворачивается от вопроса:

— Как ты? Мы с твоим отцом ничего не слышали с тех пор, как ты...

— Откуда ты знаешь Лаклана? — спрашиваю я, прерывая её на середине фразы.

— Ммм, хорошо... — она запинается. — Может, тебе следует... тебе стоит спросить Лаклана.

— Я спрашиваю об этом тебя.

Ответа не следует, но вскоре она вздыхает и произносит:

— У твоего отца небольшие проблемы. Я хотела позвонить тебе и рассказать об этом раньше, но твой отец настоял, чтобы я молчала. Ты же знаешь, какой он упрямый.

— Прекрати это дерьмо, Камилла. Откуда ты знаешь Лаклана?

— Машина из проката! — Лаклан возвращается в комнату и в ту же секунду Камилла вешает трубку, сбрасывая звонок.

— Что это, черт возьми? — спрашиваю я, поднимая телефон.

Он собрано и спокойно отвечает:

— Мой личный сотовый.

— И это?.. — спрашиваю я, глядя на мобильный в его руке.

— Мой рабочий телефон.

— Тогда скажи мне, почему девушка моего отца звонит тебе на личный телефон? И почему, когда я спросил её, откуда она тебя знает, она начала запинаясь, как дешёвая шляха без мозгов?

— Камилла — старый друг. Не волнуйся, твой отец знает это. Ты, наверное, застал её врасплох, когда ответил на звонок.

Его хладнокровие заставляет меня засомневаться в своих подозрениях, но она назвала его *деткой*, и я не могу игнорировать этот факт, но также не могу тратить время на это прямо сейчас. Мне придётся разобраться с этим дерьмом позже, а пока моё внимание привлекает то, что он сказал о машине.

— МакКиннон, — добавляет Лаклан. — Расслабься, хорошо? Мы собираемся найти её.

— Я расслаблюсь, когда она вернётся в этот дом. Скажи мне, что ты выяснил?

— Я жду звонка из компании по прокату. Похоже, кем бы ни был этот парень, он не знал, что в машине есть устройство слежения, которое компания устанавливает на всех автомобилях.

— Что насчёт полиции?

— Парень на минимальной зарплате, который принял звонок, был легкой добычей, — говорит он мне.

Схватив её сумку, я говорю:

— Я собираюсь проверить её комнату. Скоро спущусь.

— Конечно.

Поднявшись наверх, я иду в комнату для гостей, где поселил Элизабет, когда привел ее в свой дом на этой неделе. Я положил сумку и сел на край кровати. На тумбочке я вижу пару жемчужных серёжек вместе с ожерельем, которое привлекает мое внимание. Я поднимаю тонкую цепочку из серебра и смотрю на маленький кулон, в виде лотоса.

Как может женщина, мертвая внутри, быть такой сентиментальной?

Эта девушка невероятно травмирована. Пытаться понять её психические мысли и невменяемые действия было бы напрасной тратой сил, потому что нет никакого способа разобраться во всём этом. Травма, которую человек должен выдержать, чтобы стать настолько психически нестабильным, какой является она, вызывает отвращение при одной только мысли. Всё, что она рассказывала мне о своём детстве, всё, через что она прошла, болезненно отзывается во мне. Если бы мне пришлось пройти через то, что и она, я не уверен, что смог бы принять себя и жить дальше.

Ее прошлое превратило ее в монстра. Но если заглянуть ей в глаза так глубоко, как смотрел я, можно увидеть в ней что—то невинное. Она во многом похожа на ребенка. Я вижу это в маленьких проблесках. Это почти, как если бы она замерла и перестала жить, когда потеряла отца. Как будто она застряла в том времени, поскольку жизнь, в которую она попала, была слишком отвратительной, как будто она никогда не теряла детские убеждения, что мир — хорошее место, наполненное хорошими людьми. Ты никогда не узнаешь об этом, пока не окажешься в ее сердце. Она знает, как уродлива жизнь, но внутри неё есть маленькая девочка, которая еще не сдалась.

Я беспомощен, сидя здесь и не зная, где она и что этот ублюдок собирается с ней сделать или сделал. Я никогда не хотел спасти кого—то так сильно, как сейчас Нину. Я бы сделал для неё всё, что угодно и я сделаю. Моя любовь к ней была настолько сильна, что я не думал дважды о том, чтобы превратить себя в монстра — для неё.

Как бы я ни ненавидел её, как бы я ни хотел причинить ей боль, как бы я ни хотел никогда не встречаться с ней, я не могу уйти от той, кого так сильно люблю, она в моей голове.

Девушка сумасшедшая и не в своём уме, и я тоже, раз хочу её. Ничто не может отрицать силу, которая тянет меня к ней, даже в моих самых жалких мыслях меня всё еще тянет к ней.

— МакКиннон! — кричит Лаклан. — Тащи свою задницу сюда. Поехали!

Спускаясь по лестнице, я спрашиваю:

— Что случилось?

— Она в Эдинбурге. Расположение автомобиля неточное, но оно достаточно близко.

— Одну секунду, — говорю ему, прежде чем бегу в свою спальню, чтобы схватить пистолет.

Адреналин проходит через меня, как молния, я быстро перемещаюсь по дому, а когда выхожу на улицу и прыгаю во внедорожник Лаклана, моё сердце выходит из—под контроля.

— Скажи мне, где она?

Он протягивает мне телефон с открытой картой, и вдруг, мой оптимизм оттого, что можно узнать, где она, превращается в страх.

— Нет никаких шансов. Он слишком населен, — говорю я.

— Нам придется над этим поработать. Вот где находится машина.

— У нас есть расположение его машины, но мы не знаем, где он сам, — говорю я, рассматривая карту Эдинбурга.

— Кому ты звонишь? — спрашивает он, когда я вытаскиваю свой телефон.

— Ей. У него есть её телефон.

После одного гудка вызов соединяется, но ничего не слышно, только тишина.

— Скажи мне, где ты находишься?

Мое требование вызывает у этого мудака отвратительный, зловещий смех, прежде чем он мне отвечает:

— Почему я должен тебе сказать это?

— У меня есть деньги, о которых ты просил, — вру я.

— Очень хорошо, но я не хочу забирать их. Я дам тебе личную информацию о счете, на который ты должен будешь перевести деньги. Как только я получу подтверждение, что деньги были переведены, я отправлю тебе сообщение о том, где я собираюсь выбросить эту суку.

— Я хочу сначала поговорить с ней.

— Я не знаю, настроена ли она сейчас говорить.

— Мне плевать на это! — кричу я. — Дай ей трубку или сделка отменяется. Я могу забрать или оставить эту суку, так что решать тебе!

Мои слова — ложь.

Наступает тишина, прежде чем он отвечает:

— Я так не думаю. Видишь ли, мне плевать на то, что ты чувствуешь к девчонке. Я имею в виду, что не собирался лгать, я хотел использовать её, но она не единственная зацепка, что у меня есть на тебя.

— И что же это?

Его следующие слова наполняют мои вены ледяным страхом.

— Беннетт Вандервол.

Дерьмо.

— Что он сказал? — робко спрашиваю я, услышав, как Ричард сказал Деклану, что если он не может использовать меня в качестве рычага, то он использует Беннетта.

— Похоже, ты говорила мне правду, — сказал Ричард

— Что ты имеешь в виду?

— Похоже, Деклану на тебя наплевать.

Я знала это. Знала, что, если меня заставят дать ответ, я никогда не стану эти ответом. И теперь я сижу здесь, полуголая, избитая и изнасилованная, пока остатки моего сердца превращаются в пепел.

Давай, сделай глубокий вдох, ведь я наконец—то готова унести в небытие.

Теперь я знаю, моя ложь действительно разрушила все то, чего я никогда не хотела разрушать. Я знала, что Деклан был в замешательстве, я чувствовала это в его прикосновениях. Но я надеялась, что была часть его, желающая меня, несмотря на все мои грехи.

Я закрываю глаза, и зеленый встречается с синим, когда Деклан смотрит на меня так, как он смотрел в Чикаго. Он никогда не будет смотреть на меня с обожанием, как раньше. Я все испортила для нас. Теперь я осталась с этой болью, разрывающей меня изнутри. Но это не боль разбитого сердца, поскольку я уже потеряла его. Моего сердца больше не существует. И это не может быть моя душа, потому, как и ее тоже больше нет.

Но боль, которую я чувствую, реальна. Она исходит откуда—то изнутри меня, из места, о существовании которого я и не подозревала, и причиняет глубокую боль. Больно так, как никогда раньше. Это настолько невыносимо, что мое тело не может бороться с этим, поэтому оно отключается от меня. Я безжизненна, плоть и кости, ослабевшие мышцы в моей груди медленно бьются, накачивая, как я надеюсь, яд в мои вены.

Я больше не хочу этого.

— *А что, если он тебе врет?*

Держа глаза закрытыми, потому что одного его голоса достаточно, чтобы утешить меня, я ложусь, положив голову на колени Пика, и он нежно кладет руку на мое распухшее лицо.

— Нет, — шепчу я ему в ответ, — Моя гибель вышла далеко за пределы возможностей прощения.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

Я слышу лай Ричарда, но не обращаю на него внимания и полностью сосредотачиваюсь на Пике.

Пик — это все, что мне сейчас необходимо. Он — константа, которая всегда была в моей жизни. Он никогда не отворачивается от меня, никогда не перестает утешать меня, никогда не перестает заботиться и любить меня.

Мое лицо морщится от отчаяния, когда я изо всех сил стараюсь держать себя в руках.

— Я не могу перестать скучать по тебе.

— *Я тоже не могу перестать скучать по тебе.*

Пик чувствует, что борьба с эмоциями заставляет мое тело дрожать, когда говорит:

— *Хочешь поиграть в игру?*

Я киваю.

— *На этот раз можешь выбрать сама.*

— А как насчет завтраков?

— *Ладно.*

Мы с Пиком всегда играли в эту словесную игру, когда были детьми и меня запирали в шкафу. Это был его способ отвлечь меня от той ужасной реальности, в которой я оказалась. Мы часами развлекались так посреди ночи, пока он сидел по другую сторону двери. И в этот момент, в своей смерти, он никогда не перестает заботиться обо мне.

— Панкейк, — говорю я, играя свое первое слово.

— *Английская булочка.*

— Батончик "НутриГрейн".

— *Рисовые крости.*

Мы продолжаем играть словами, пока он проводит пальцами по моим волосам, осторожно, чтобы не повредить струпья, которые все еще остаются на моем затылке. Я никогда не открываю глаз и, в конце концов, прежде чем объявить победителя, засыпаю.

Холодный металл, приставленный к моему лицу, будит меня. Мои усталые глаза фокусируются, как только я отдергиваю голову от пистолета Ричарда. Я смотрю на него, его лицо бледное, а волосы растрепаны, как будто он нервно теребил их руками. Он нервничает, стоя на коленях рядом со мной, и я понятия не имею, произошло ли что-то, пока спала, чтобы вызвать изменение в его поведении.

— Неужели у тебя сложилось впечатление, что со мной можно играть? — раздраженно спрашивает он, стиснув зубы.

Я качаю головой, и он огрызается:

— Тогда где он, черт возьми?

— Я не знаю.

— Я всажу тебе пулю в голову точно так же, как той женщине МакКиннон. Клянусь Богом, я так и сделаю.

— Я не буду с тобой драться, — спокойно отвечаю я. — Ты хочешь меня убить? Тогда убей.

Хватая мою рваную рубашку, он трясет меня, теряя контроль, и раздраженно кричит:

— Что, черт возьми, с тобой не так?

— Если ты хотел, чтобы я дралась, ты выбрал не ту девушку. Мне не за что бороться.

Он в замешательстве качает головой, а потом говорит:

— Значит, тебе наплевать, что с тобой будет? Я могу делать с тобой все, что захочу, и ты позволишь?

— Ты не можешь причинить мне боль, я уже мертва, — говорю я ему, и звук моего собственного голоса пугает меня своим жутким тоном. — Но сначала, — добавляю я, — заполни мои пробелы.

— Что ты хочешь знать?

— Кэл. Какое он имеет отношение к оружию?

— Он был моим человеком, отмывающим деньги, — говорит он свободно, глубоко вздыхая, и садится рядом со мной, прислонившись спиной к стене. — Кэл обычно проталкивал деньги через случайную прачечную, которую приобрел с единственной целью — замести следы. Но позже я обнаружил, что он был жадным и отсеивал часть денег на оффшорный счет, который был связан с ним. Именно тогда я преподавал ему первый урок верности и убил его драгоценную жену. Больше он у меня ничего не крал.

Его слова превращают яд моего сердца в кровь жизни. То, что Деклану на меня наплевать, не отменяет моей любви к нему, но я скрываю свой импульс. Я не подаю вида, пока продолжаю выяснять правду.

— А Беннетт?

— Беннетт был слишком доверчивым, что и сделало его моим идеальным активом. Его отец действительно работал с твоим.

— Что? — в шоке спрашиваю я.

— Я всегда подозревал вражду между ними, но это выяснилось позже, когда он натравил на Стива полицию. Я узнал об этом, когда Стив уже был заперт. Но, судя по всему, Беннетт однажды пришел домой и нес какую-то чушь о том, будто твой отец причиняет тебе боль, именно тогда он увидел свой шанс убрать твоего отца из игры.

Мои руки покалывает от ярости, когда я слушаю его признания. Я даже не замечаю, как мое желание убить этот кусок дерьма пробуждается к жизни. Этот человек, мой чертов тесть, был еще одним человеком, приложившим руку к смерти моего отца и разрушению моей жизни.

— Позже, когда Беннетт подрос и приобрел свой первый завод, отец убедил его стать моим партнером. Мы знали, что это послужит лучшим прикрытием для отмывания денег. Беннетт доверял мне как давнему другу семьи, следовал советам своего отца, а остальное уже история, пока не появилась ты и не испортила все своей дурацкой шарадой.

Я сижу в тишине, изо всех сил стараюсь сдержать гнев, взрывающийся внутри меня, пока я перевариваю услышанное, понимая, что все мы так или иначе связаны. Было время, когда я контролировала и могла манипулировать людьми, делая из них своих марионеток. Но теперь я знаю, что никогда не контролировала все по-настоящему, поскольку никогда по-настоящему не знала истинную природу людей, которых заманила в свою ловушку.

— Но признаюсь, — продолжает он, — Я впечатлен твоими усилиями, хотя ты и потерпела сокрушительную неудачу.

— Кто сказал, что я потерпела неудачу? Ты тоже застрял здесь со мной. Ты не свободен.

— Я буду.

Я не могу сдержать смехок, и когда он нарастает, Ричард выпаливает:

— Что смешного?

— Ты.

— Расскажешь, почему?

— Ты так сосредоточен на себе, что упускаешь из виду тот факт, что, в очень извращенной форме, я выиграла.

Он не пугает меня, отводя курок своего пистолета и направляя его прямо на меня.

— Разве ты не понимаешь? — говорю я, держа себя в руках. — Я хочу, чтобы ты нажал на курок. Так что, что бы ты ни сделал, я выиграю.

Я громко сглатываю, прежде чем продолжить, говоря ему:

— Ты прав, я действительно запуталась в чем-то гораздо большем, чем я. Но я считала корнем всего зла Беннетта, но на самом деле — это ты. И из-за моего дурацкого плана твоя семья теперь запятнана кровью Беннетта из-за твоего сына, весь твой картель разваливается, и твоя свобода зависит от денег человека, который предпочел бы видеть меня мертвой, нежели чем живой.

Его глаза сужаются в убийственном блеске, но я не останавливаюсь, добавляя:

— И, если ты думаешь, что смог одурачить его, угрожая узнать о его причастности к убийству Беннетта, ты ошибаешься. Если кого-то и можно обвинить в этом преступлении, так это тебя, лидера одной из крупнейших международных банд по торговле оружием, использующего Беннетта в качестве прикрытия.

Ричард отводит пистолет от моего лица, но не снимает курок.

— Ты уже все поняла, не так ли? — насмехается он. — Ты думаешь, что разыграешь меня, говоря, что хочешь умереть, чтобы лишиться меня удовольствия? Ты говоришь, что я не могу причинить тебе вреда, но я думаю, что ты лжешь.

— Убей меня, или не убивай, мне все равно.

— Думаю тебе не все равно.

Затем я обхватываю ствол руками и снова прикладываю его ко лбу, твердо заявляя:

— Мне все равно.

Теперь, когда я отобрала у него козырь, на его лице проступает волнение. Он ничего не получит, убив меня, даже радости, потому что знает, что я не буду умолять о пощаде.

Ричард проводит пистолетом по моему лицу, по переносице, по губам, а затем засовывает его мне в рот.

Я знала, что мое убежище будет в смерти, и я была готова к освобождению в оазис, что я так желала. Но моя готовность не скрывала страха перед заряженным пистолетом с курком во рту. Один промах — и эта патронная пуля выстрелит. Если хорошенько подумать, то я до сих пор ощущаю на языке привкус стали его пистолета и как мое сердце сильно бьется. Я и раньше была близка к смерти, но всегда контролировала это. Не в этот раз. На этот раз я была на страже Ричарда. Он скажет, когда. Он станет моим палачом.

Я вспомнила, что слышала голоса — мои балласты. Папа, Пик и даже Карнеги были со мной, когда я лежала на губах смерти, ожидая ее поцелуя. Их слова о мужестве, призванном избавить меня от зла, звучали в моей голове как мелодия освобождения, но этого было недостаточно, и я хотела бы выяснить почему.

Ричард использует пистолет, чтобы уложить меня на спину, пока толкает его мне в рот. Свободной рукой он расстегивает пуговицы на моих брюках, требуя:

— Сними их. Ты не собираешься лишать меня чувства удовлетворения.

Идиот.

Глупо думать, что он может унизить меня ради своего удовольствия, трахнув. Я делаю, как он велит, сбрасываю штаны, пока он возится со своими. Я не оказываю никакого сопротивления, пока он спускает штаны достаточно далеко, чтобы вытащить свой член. Раздвинув мои ноги, он садится на колени, держа свой член в руке и шлепая им по моей киске несколько раз.

— Руки под задницу, — говорит он мне, и я поднимаю бедра, чтобы положить их под себя. — Пора сравнять счет.

Если он беспокоится о том, чтобы поквитаться со своей женой в этот момент, то его гордость ниже плинтуса. Мое тело расслабляется, когда он проникает внутрь меня. Я отказываюсь доставлять ему удовольствие и напрягаться. Пока он яростно вонзается в меня, я не отрываю глаз от пистолета во рту, а металл гремит о мои зубы. Он опирается всем своим весом на согнутый локоть, кряхтя при каждом толчке. Моя грудь свисает из разорванной одежды, покачиваясь, пока он имеет меня с варварской силой.

Это моя жизнь.

Это все, что когда—либо было.

Свет становится приглушенным, когда мои глаза закрываются, молча умоляя его отпустить меня в мой рай.

С другого конца комнаты я слышу, как звонит мой сотовый, и мое сердце оживает.

Он звонит.

Мои глаза распахиваются, когда пронесется мысль, что, возможно, Ричард лгал о Деклане. Мое тело дергается, когда телефон звонит, пугая Ричарда в тот самый момент, и все происходит в молниеносной дымке, он спотыкается, теряя равновесие.

В тот момент, когда пистолет выскальзывает у меня изо рта, Пик настойчиво кричит:

— *Элизабет, ДЕРИСЬ!* — И я, не думая, как и почему, автоматически реагирую.

Собрав всю свою силу, я вонзаю локоть в его руку, выбивая пистолет из его хватки. Адреналин скачет по моему телу, когда пистолет выстреливает, пуля попадает в бетонную стену, пока пистолет скользит по земле. Взрыв оглушает, но каким—то образом мне удается перевернуться на живот, карабкаясь изо всех сил. Я вытягиваю руку, чтобы схватить пистолет, но он хватает меня за лодыжку и тянет назад.

Мои пальцы скользят по пистолету, когда он оттаскивает меня, и возня превращается в смутное пятно. Издав мучительно безумный крик, я борюсь, как могу, поворачиваясь и отрывая плечи от земли. Все еще со спущенными штанами, я впииваюсь руками в его бедра, и изо всех сил я кусаю его член, рыча, как дикий зверь, и как только я это делаю, его голос взрывается чистой кислотой.

— Чееерт!

Плоть лопаётся у меня во рту, когда мои зубы прорезают эластичность кожи и погружаются в ткань, разбрызгивая кровь повсюду. Я чувствую, как густой жар брызгает мне на лицо, покрывая губы и подбородок. Он истошно кричит, пока падает на землю, а я вскакиваю на ноги, бросаясь за пистолетом. В тот момент, когда моя рука сжимает пистолет, я поворачиваюсь, целясь ему в голову, и кричу как маньяк, пока мое тело выплескивает все мыслимые эмоции, но ни одна из них не имеет смысла, поскольку они пробирают меня до костей.

ГЛАВА 37
ДЕКЛАН

Чуть позже мы с Лакланом обнаружили арендованную машину, не имея представления, где могли быть Элизабет и похититель. Мы тратим время зря, блуждая по обычно оживленным улицам центра города, но сейчас середина ночи, и мы с Лакланом единственные, кто прячется поблизости.

— Это чертовски бесполезно, — в отчаянии ворчу я. — Все здания в округе закрыты и заперты. Они могут быть где угодно.

— Что ты собираешься делать?

Сердито выдохнув, я откинул голову назад и посмотрел в темноту ночи. Мы уже несколько часов прочесываем эти улицы, и ничего. Насколько я знаю, эта машина могла быть брошена ради другой, и они уже могли быть в другой стране.

Подняв голову, я поворачиваюсь и смотрю в узкий проход справа. В городе так много таких переулков, и мы ходили по ним всю ночь.

Меня мучает тревожное чувство обреченности, что я никогда не найду ее. Эта мысль захватывает меня, скручивая мои внутренности, когда я думаю, что не смогу снова увидеть ее лицо или услышать, как она произносит мое имя со своим сладким американским акцентом. Я не могу смириться с мыслью, что она никогда не узнает правду о моем сердце. Она заслуживает утешающего знания, что я все еще забочусь о ней. После всего, через что ей пришлось пройти, и даже после всех разрушений внутри нее, она все еще заслуживает того, чтобы знать.

Достав сотовый, я снова иду и решаю позвонить ей еще раз. Я набираю номер и после первого же гудка вздрагиваю, когда слышу громкий треск, раскалывающий ночь.

— Ты слышишь? — спрашиваю я Лаклана, слова вылетают у меня изо рта.

Его глаза широко раскрыты, он встревожен и говорит:

— Это был выстрел.

Выхватив пистолет из кобуры, я несусь вниз по ступенькам переулка, потому что звук этот доносится откуда—то снизу. Я чувствую прилив сил, когда ускоряюсь.

— МакКиннон! — кричит мне вслед Лаклан.

Бросившись вниз по лестнице, я не останавливаюсь и кричу через плечо:

— Будь на чеку!

Мучительный крик мужчины подзаряжает меня, и я следую за эхом в подzemелье. Я слышу, как женский крик пробивается сквозь мужской и мое сердце бьется как никогда быстро. С пистолетом в руке я бегу так быстро, как только могут двигаться мои ноги по узким проходам. В одно мгновение я выбиваю дверь, чтобы обнаружить сцену настолько тревожную, что мой пистолет сразу же находит свою цель.

Их крики отскакивают от цементного пола маленького склепа, пронзая мои уши. Я ужасаюсь, когда мои глаза мечутся между ними, в то время как мой разум пытается понять, что передо мной.

Человек, которого я не узнаю, лежит на полу, его лицо совершенно бледно, и он начинает задыхаться. Его штаны спущены, колени в крови, и когда я смотрю на Элизабет, меня тошнит. Она стоит там голая, только разрезанная рубашка и лифчик свисают с ее рук. Ее рот покрыт кровью, и когда я резко поворачиваю голову к парню, я понимаю, что кровь на ней — от члена этого ублюдка.

Она шагает к мужчине с вытянутой рукой, держащей пистолет, и рыдания пронизывают ее крики, пока ее тело трясет.

— Элизабет, нет! — кричу я, когда она тычет дулом пистолета ему в лоб и держит его там.

Она никак не реагирует на меня, глядя на мужчину.

— Не нажимай на курок! — приказываю я, мои слова вылетают быстро, пока мой собственный пистолет нацелен на мужчину.

Ее крики сменяются прерывистым дыханием, шипящим сквозь зубы, и я знаю, что в любую секунду она убьет его.

— Элизабет, посмотри на меня, — настаиваю я. — Не убивай его.

— Почему? — кипит она.

— Потому что ты уже знаешь, что тебе от этого не станет лучше.

— Ты УБЛЮДОК! — истерически кричит она ему, как обезумевшее животное.

Я делаю пару шагов ближе к ней, но она огрызается:

— Не подходи ко мне!

— Пожалуйста, — умоляю я. — Больше никаких убийств.

— Если не я, то я сделаю это для тебя, — загадочно говорит она. — Считай это подарком.

— О чем ты говоришь?

Она снова взводит курок, прежде чем, наконец, посмотреть на меня, и говорит:

— Это он убил твою мать.

Глядя на него, я отодвигаю затвор пистолета, чтобы выстрелить; металлический щелчок – это все, что я слышу в этот момент. Я чувствую зверя внутри, впивающегося когтями в самые израненные части моей души. Он берет меня под контроль, и без колебаний или вопросов я нажимаю на курок и всаживаю пулю ему в голову.

Я не могу отвести взгляд, пока брызги крови и куски его головы разлетаются по комнате. Его тело опрокидывается, неподвижное, когда смерть мгновенно забирает его, темная кровь вытекает из его рта.

Элизабет продолжает целиться в него из пистолета, дрожа от шока и широко раскрыв глаза, и я осторожно подхожу к ней. Я не трачу ни секунды на осознание своего поступка и переключаю внимание к обезумевшей девушке передо мной.

Когда я протягиваю руку, она огрызается:

— Не трогай меня! — и я тут же отдергиваю руку.

— Отдай мне пистолет.

— Нет.

— Он мертв, — говорю я ей, но она не отвечает, продолжая держать пистолет направленным на него. — Посмотри на меня.

— Нет.

Ее тело невероятно избито, когда я присматриваюсь к ней лучше. Вдобавок к синякам, которые она сама себе нанесла, у нее на щеке была страшная рана, покрытая запекшейся кровью, распухшие синяки на лице и синяк под глазом. Она покрыта не только собственной кровью, но и кровью человека, лежащего мертвым у ее ног.

Я смотрю на нее, она тяжело дышит и, в конце концов опускает руки и позволяет мне взять пистолет, прежде чем упасть на колени. Я отпускаю курок и кладу пистолет рядом со своим. Я расстегиваю рубашку, опускаясь на колени рядом с ней, и набрасываю ей на спину, чтобы прикрыть ее. Она держит подбородок опущенным, и я заметил, что ее порезанные запястья покрыты кровью, когда беру ее руку в свою.

— Все будет хорошо.

Она молчит, пока я сижу рядом. Я хочу сделать так много, но все, что я могу — это просто наблюдать. Ее некогда красивые рыжие волосы грязные и слипшиеся от крови.

От нее остались лишь крупички и мне больно смотреть на это, но я все равно смотрю. И как бы ужасно это ни звучало, я никогда не чувствовал себя более привязанным к ней, чем сейчас. Мы оба разоблачены за то зло, которым мы являемся. Убийцы с искалеченными душами. Я больше не могу винить ее в своих грехах, потому что только что убил по собственной воле, без ее уговоров и обольщения. Может быть, она и породила во мне эту злобу, но теперь я ее принимаю.

— Он убил твою маму, — снова говорит она, и я едва слышу ее слабый голос, когда она добавляет: — Из—за него умер и мой отец.

— Кто он? — спрашиваю я в полном замешательстве.

— Ричард Брукс. Он был деловым партнером Беннетта, — отвечает она, а затем продолжает объяснять, как наши отцы работали на него и какой удар он нанес ее отцу. Пока я сижу и слушаю все, что она мне говорит, она держит глаза опущенными, почти съежившись, будто боится меня. Но когда она говорит:

— Кэл в тюрьме, — ее глаза, наконец, поднимаются на меня.

— А Беннетт знал?

— Нет. Он считал, что ведет честный бизнес. Ричард и Кэл использовали его.

Каждый мускул в моем теле напрягся, ведь я уверен, что в любую минуту могу сломаться. Мое сердце и разум находятся с мамой, пока я задаю вопросы, чтобы собрать воедино кусочки головоломки. Кровь ублюдка, убившего ее в упор, растекается лужицами под моими мокасинами, и мне приходится сдерживать подкатывающую к горлу желчь. Я должен выбраться отсюда.

— Пойдем, — говорю я, заставляя ее встать. — Пойдем.

Она отшатывается от меня, вырываясь из моей хватки.

— Я не могу.

— Не могу, что?

Она смотрит на меня, слезы наполняют ее глаза, кровь размазана по ее лицу, и говорит:

— Я не могу продолжать притворяться, что ... что мы ...

— Просто возвращайся домой.

— У меня нет дома.

Глядя глубоко в ее глаза, сквозь уродство, в глубины того, что скрыто под ними, мое сердце бьется так, как никогда раньше. Это успокаивает все страхи и сомнения, которые я испытываю по отношению к ней, и уверяет меня, что она должна быть со мной.

— Я знаю, жизнь не была к тебе добра и ты многое потеряла, но ты потеряла не все, — говорю я ей. — Я все еще хочу того, что сказал тебе в Чикаго; я хочу дать тебе дом, в котором ты будешь чувствовать себя в безопасности. Я хочу, чтобы у нас был шанс сделать это.

— Но ... ты ненавидишь меня.

— Ты права, — подтверждаю я. — Я ненавижу тебя, но я люблю тебя, и это никуда не денется.

— Ты прощаешь меня?

— Нет, — отвечаю я, качая головой.

— Ты больше не наказываешь меня?

— Нет.

Она опускает голову, и я тут же обхватываю ладонями ее щеки, поворачивая спиной к себе, когда объясняю:

— Я не знаю, смогу ли я когда—нибудь преодолеть это — придет ли когда—нибудь время, когда я не захочу наказывать тебя за то, что ты сделала. Но мне нужно, чтобы ты кое—

что поняла — мне необходимо, чтобы ты знала, даже если тебе будет больно, я никогда не обижу тебя. Я сделаю все, чтобы вернуть тебе то, что у тебя отняли. Я заставлю тебя чувствовать себя в безопасности, обещаю. Никто и никогда больше не поднимет на тебя руку.

Она никогда не позволяет слезам течь, когда я наблюдаю, как она борется со своими эмоциями, и я знаю, что это защитный механизм, который она использует, чтобы защитить себя от боли, но она должна чувствовать это.

— Перестань бороться с собой, — говорю я ей, держа ее в своих руках. — Я хочу видеть, как ты плачешь. Не прячься от меня больше.

— Я не та, которую ты должен любить.

— Я тоже, но ты ведь все равно любишь, не так ли?

Кивнув головой, она отпустила меня и заплакала:

— Очень сильно.

— И я люблю тебя, — говорю и обнимаю ее. Я держусь за нее, прислушиваясь к ее прерывистому дыханию, прежде чем высказать свою эгоистичную просьбу:

— Плачь, Элизабет. Я хочу слышать, как ты плачешь, и знать, что это для меня.

Она утыкается головой в изгиб моей шеи, и когда я чувствую влагу ее теплых слез, капающих на мою кожу, я удовлетворен. Она спокойна в своей печали, и ее освобождение утешает меня. Мне нравится знать, что она может передать его мне, и я единственный, кто может успокоить ее. Я знаю, что она права в том, что ее нельзя любить. Никто из нас этого не заслуживает, но я ничего не могу с собой поделать, когда дело касается ее. Я никогда не мог обуздать свою зависимость от нее, даже когда думал, что она замужняя женщина. Я хотел ее, несмотря ни на что, и хочу до сих пор.

— МакКиннон, — раздается голос Лаклана.

— Сюда, — кричу я, крепко держа Элизабет.

Когда он, в конце концов находит дорогу к нам, его голос прерывается, когда он видит сцену перед собой, произнося:

— Черт возьми.

— Скажи мне, что я могу доверять тебе, — говорю я ему, и он, не колеблясь ни секунды, преданно отвечает:

— Ты можешь доверять мне.

— Позвони в полицию.

Мои руки по-прежнему обнимают дрожащее тело Элизабет, а она продолжает тихо плакать, уткнувшись лицом мне в грудь. Даже не спрашивая, Лаклан протягивает мне ее штаны, прежде чем повернуться, чтобы позвонить.

Полиция не заставляет себя долго ждать. Элизабет играет свою роль Нины, объясняя убийство мужа и преступления, которые Ричард совершал через компанию Беннетта. Мы искажаем историю, сообщая им, что Ричард убил Беннетта после того, как он обнаружил отмывание денег. Требуется некоторое время, чтобы дать показания, которые снимают с меня всякую причастность к совершенному мною убийству.

Медики предлагают отвезти Элизабет в больницу, но она отказывается, страстно желая, чтобы никто ее не трогал. Прежде чем мы уйдем, детектив предупреждает, что нас могут вызвать для дополнительного допроса. Он протягивает нам свою карточку с контактными данными, и мы уходим.

Подойдя к внедорожнику, мы забираемся на заднее сиденье, и я сажаю ее к себе на колени, баюкая в своих объятиях.

— Все будет хорошо, — пытаюсь заверить я ее, уверенный, что нам обоим только что сошли с рук наши преступления.

Она отстраняется от меня, и я вижу, что она хочет что—то сказать, но не делает этого. Она просто смотрит на меня, и я могу заглянуть за кровь, грязь, синяки, порезы и слезы, чтобы увидеть, в кого влюбился, когда впервые увидел ее в своем отеле в Штатах. Я никогда не забуду, какой красивой она выглядела на торжественном открытии "Лотоса", стоя в другом конце комнаты в длинном темно—синем платье. Она была великолепна, язвительна и так уверена в себе, и в этот самый момент я клянусь вернуть ей все эти качества.

Проведя рукой по ее затылку и волосам, мои пальцы задевают струпья, оставшиеся после того, как я вырвал ее волосы. Я останавливаюсь, и она стыдливо отворачивается от меня.

— Посмотри на меня.

И когда она это делает, я снова обхватываю ее лицо ладонями и сглатываю эмоциональный комочек в горле, говоря:

— Со мной ты в безопасности, — а затем перемещаю ее голову, чтобы она лежала у меня на груди, обвивая мои руки вокруг нее.

Стыд и смущение существуют только в вещах, которые вы цените. Я ничего этого не чувствую, пока Лаклан везет нас обратно в Галашилс. Я знаю, Деклан предполагает, что я чувствую себя именно таким образом после того, как нашел меня голой, изнасилованной и покрытой кровью Ричарда от укуса его члена, но это не так. Мое тело дрожит и трепещет в его объятиях, когда он держит меня, но я дрожу от страха. Деклан рассказал мне все, что я так хотела услышать, но кто сказал, что я могу ему доверять? Кто сказал, что это не разрушится, как и все остальное?

Жизнь научила меня, что душевная боль неизбежна, снова и снова доказывая, что мечты – это просто мечты. Плод воображения нашего подсознания. Почему я должна верить, что это что-то другое? Я определенно этого не заслуживаю.

Итак, я сижу здесь с двумя вариантами: умереть или довериться.

Смерть кажется самым безопасным выбором, но я также не готова отпустить то, что начинаю получать обратно. Деклан — как мой героин; я пробую одну маленькую дозу, и я застряла, желая большего. Но я боюсь потерять его, зная, что не смогу выжить без него — я не хочу выживать без него. Так что, если это все, несомненно, обречено, мне было бы разумно просто покончить со всем этим сейчас.

Может быть, мой настоящий дом на самом деле существует не в горах Шотландии, а в наличии всего, что было и чего больше нет. Они говорят, что смерть — это настоящий рай, и мысль о том, чтобы вернуться к моему отцу и Пику, за гранью соблазна. Но я не могу отрицать, как прекрасно чувствовать руки Деклана на мне сейчас. Он обнимает меня и гладит по спине. Он пахнет, как и всегда, и я нахожу утешение в пряных нотах его одеколона так же, как раньше находила утешение в гвоздичных сигаретах Пика.

Поэтому, когда неуверенность сотрясает мое тело в непреодолимом страхе, я крепко держусь за то, чего боюсь больше всего – Деклана. Он держит здесь всю власть. Он мог бы легко уничтожить меня или воплотить все мои мечты в реальность, но для того, чтобы я узнала, что именно меня ждет, я должна отпустить контроль, чего я никогда раньше не делала.

Мне страшно отдавать ему всю себя и верить, что он позаботится обо мне.

Сейчас я эгоистично принимаю любовь, которую он мне предлагает, и прижимаюсь головой к его груди, чтобы слышать каждый звук, издаваемый его сердцем. Позволяя его быстрым ударам петь мне, я крепче прижимаюсь к нему. Чем я ближе, тем больше чувств открываю ему, тем больше позволяю страху поглотить меня. Все, что мне нужно – это комфорт, но я слишком боюсь боли, которую мне придется пережить, когда она пройдет – а однажды она пройдет.

Когда мы подъезжаем к Брансуик Хиллу, Деклан помогает мне выбраться из внедорожника, и я морщусь от боли. Долгая поездка назад дала моему телу время, чтобы рассеять адреналин, и теперь мои мышцы и кости сердито кричат на меня, заставляя меня сгорбиться. Я кладу свою руку на руку Деклана, чтобы не упасть, он подходит, поднимает меня и несет внутрь.

Никто из нас не произносит ни слова, пока он несет меня вверх по лестнице, но вместо того, чтобы пойти в комнату для гостей, он несет меня в свою. Он сажает меня на край ванны, и я смотрю, как он смачивает мочалку в воде. Когда он опускается передо мной на колени, и начинает вытирать мое лицо, и мои глаза фокусируются на махровом полотенце, которое из белого становится розовым, а затем красным, собирая кровь Ричарда.

Я – могила, сижу во дворце и наблюдаю. Я не могу пошевелиться, даже если бы захотела.

Поэтому я сижу.

Может быть, мое тело в шоке.

Или, может быть, оно просто оцепенело.

Нет никаких чувств, только звуки, когда Деклан двигается, ухаживая за мной. Он протягивает мне зубную щетку, но моя рука не двигается, чтобы взять ее.

— Открой, — мягко просит он, и я открываю.

Мята касается моего языка, когда он чистит мне зубы, но на вкус она не та. И когда я смотрю на Деклана, он выглядит не так, как надо. Звуки звучат неправильно, так как все начинает превращаться в туннель тумана. А теперь у меня в груди что—то не так. Булавки вонзаются в мое тело, и в то же время мои глаза не могут сфокусироваться.

— Ты в порядке? — спрашивают губы Деклана, но его голос приглушен и находится за миллион миль от меня, когда я раскачиваюсь.

Мой мозг приказывает моему рту говорить, но провода не соединяют сообщение, когда лицо Деклана превращается в смесь цветных пятен.

А потом он исчез.

Сильные руки сжимают булавки; одна на моей груди, а другая на спине, опуская мое тело вниз.

— Опустит голову, — приказывает он.

Я тянусь к нему, когда моя голова падает, и его руки быстро двигаются к моим, и я цепляюсь за него. Все отключено, плавает в бездне, заставляя мой пульс учащаться в панике

— Я здесь. Я с тобой. Просто закрой глаза и сделай глубокий вдох.

Мой язык полностью онемел, когда пытаюсь, наконец, заговорить, но мои слова только заплетаются, когда я говорю:

— Меня тошнит.

— Все в порядке. Просто сосредоточьтесь на дыхании.

Вскоре я чувствую тепло своей крови, согревающее мои внутренности, и когда мое зрение фокусируется, я медленно двигаюсь, чтобы сесть.

— Лучше?

Я киваю.

— Давай, я принесу тебе воды, — говорит он, прежде чем наполнить стакан из—под крана. — Вот.

Я делаю несколько глотков, и Деклан включает воду в душе. Он раздевается, и я не могу оторвать от него глаз, пока смотрю. Каждая его часть гладкая и изрезана глубокими, мускулистыми линиями. Подойдя, он забирает у меня стакан и помогает встать.

Я вцепилась руками ему в плечи, чтобы не упасть, и он начал расстегивать рубашку, которую надел на меня. Я отпустила его, позволив рубашке упасть на пол вместе с другим топом и лифчиком, которые Ричард разрезал своим ножом. Мое тело болит, когда я помогаю ему снять штаны, а затем он ведет меня в душ.

Горячая вода льется на меня дождем, смывая внешнюю грязь. Если бы я только могла вывернуться наизнанку, я бы сделала все, чтобы очистить себя от грязи, но я не могу. И мне интересно, останется ли эта гниль навсегда.

Пальцы Деклана пробегают по открытой ране на моей щеке, куда Ричард вонзил свой нож, и я шиплю от укуса.

— Прости, — шепчет он, и когда я смотрю в его измученные глаза, меня охватывает чувство вины, и это становится слишком сильным, чтобы держаться.

Горячие слезы выскользнули, сливаясь с горячей водой, когда я позволила своим эмоциям скатиться по щекам. Деклан видит, как это выходит из меня, берет мою голову в свои сильные руки и крепко прижимает мою щеку к своей груди. Я обвиваю руками наши тела и прижимаюсь к нему.

Когда мы стоим здесь под водой, обнаженные и необъятные, беззащитные и уязвимые, я чувствую, как еле заметная трещина начинает раскалываться. Это острая бритва, прорезающая

неровную линию через рубцовую ткань моей самой глубокой боли. Часть меня в ужасе, но другая часть готова положить конец войне внутри. Но у меня даже нет выбора, когда я чувствую, что он забирает свою собственную жизнь, разрывая волокна стен, которые я возводила всю свою жизнь.

— *Все в порядке,* — слышу я шепот Пика. — *Если ты разобьешься, он снова соберет тебя.*

Его голос, его слова, они позволяют произойти разрыву, и я разрываюсь.

Дрожь сотрясает меня, и Деклан чувствует это, обнимая меня. И когда он произносит свои следующие слова:

— Я держу тебя, дорогая. Если ты разобьешься, я снова соберу тебя вместе, — я истекаю кровью.

Опустившись со мной на пол в душе, он заключает меня в объятия, и впервые в жизни я плачу обо всем, что пережила — я действительно плачу. Это уродливо и грязно, кричать и рыдать, рыдать сильнее, пытаюсь высосать из себя все страдания. Соль обжигает, печаль пронзает, воспоминания опустошают, но каким—то образом его руки облегчают все эмоции.

Я устала быть стальной и бессердечной. Я устала притворяться и всегда бороться со своими собственными скелетами. Я устала от неуверенности и ненависти, которые движут темным злом во мне. Я хочу, чтобы его руки обладали магией, чтобы оживить мое сердце — сделать меня хорошей, сделать меня достойной, сделать меня привлекательной. Но я сомневаюсь, что руки любого мужчины настолько сильны, и это сомнение еще больше разжигает мой страх перед Декланом.

Поэтому я также плачу от страха.

Потому что мне страшно.

Мне так страшно.

Но это всегда было там — волнение, беспокойство. Это дремало во мне с пяти лет, время от времени оживая, но Пик научил меня, как быстро заставить это замолчать, чтобы выжить. Теперь спячка прошла. Это живой провод нефильтрованной тоски, которая выливается из меня в объятия моего принца на земле, в то время как мой другой принц существует только в нирване, частью которой мне еще предстоит стать.

Теплое дыхание коснулось моего уха с нежностью:

— Мне так жаль.

— Это я, — выпаливаю я сквозь непоколебимые слезы, поднимая голову, чтобы посмотреть в его глаза, которые несут ответственность за вещи, за которые он никогда не отвечал. — Я причина всего, а не ты. Это все из—за меня.

— Ты была всего лишь ребенком. Ты не заслужила того, что с тобой случилось.

С его словами я протягиваю руку к его груди и провожу пальцами по двум пулевым ранениям, которые отмечают мой обман, и передаю ему свои слова:

— И ты этого не заслужил.

Его рука накрывает мою, прижимая мою ладонь к его шрамам, говоря:

— Заслужил. Потому что без этого я бы никогда не нашел в тебе правды.

— Но моя правда так уродлива.

— Как я уже говорил, самая истинная часть человека всегда самая уродливая. Но я также уродлив, так что ты не одна.

Когда вода каскадом обрушивается на нас, я чувствую тяжесть вины за то, через что я заставила пройти этого человека. Потому что все это не имело значения, когда все, о чем я действительно заботилась, был просто он.

— Скажи мне, как заставить тебя простить меня. Я знаю, что недостойна твоего прощения, но я хочу его.

— Хотел бы я знать, но не знаю, — говорит он мне. — Мы сломленные люди, Элизабет. Ты не можешь ожидать, что у меня не будет своих проблем, потому что у меня их тысячи. Но то, что я питаю к тебе ненависть, не отменяет моей любви к тебе.

Его слова могут не иметь смысла для большинства людей, но для меня они имеют смысл. Мне просто нужно выбрать, стоит ли рисковать и отдавать себя ему.

— Иди сюда, — говорит он, вставая, чтобы помочь мне подняться.

Я сажусь на встроенную сланцевую скамью и позволяю ему вымыть меня, пока сижу здесь, вымотанная до истощения. Закрыв глаза, я расслабляюсь в его прикосновениях, пока он моет мои волосы и очищает мое тело. Но когда он раздвигает мне ноги и тихо ругается, я открываю глаза и напрягаюсь.

— Что? — спрашиваю я, глядя на него сверху вниз, когда он в ужасе смотрит между моих бедер.

Переводя взгляд на меня, он стискивает челюсти, прежде чем потребовать:

— Расскажи мне точно, что произошло.

Я смотрю вниз и вижу отвратительную коллекцию синяков.

— Он изнасиловал тебя?

Я киваю.

— Что еще?

Его руки остаются на моих бедрах, раздвигая их, когда я признаюсь:

— Он использовал свой пистолет.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он использовал свой пистолет? — он шипит сквозь зубы.

— Чтобы трахнуть меня. Он использовал свой заряженный пистолет, а затем засунул его мне в рот, чтобы пососать.

Его пальцы впиваются в мою кожу, когда он опускает голову, и я вижу, как мышцы его плеч и спины напрягаются от гнева, когда он крепче сжимает меня. Его слова напрягаются, когда он продолжает спрашивать:

— А вся кровь у тебя на губах?

— Он насиловал меня, держа пистолет у меня во рту, но мне удалось вырваться, и я укусила его.

— Его член?

— Да, — хнычу я, и когда он смотрит на меня, я открываюсь, — Я хотела умереть. Я умоляла его застрелить меня.

— Не смей даже думать о том, чтобы бросить меня, — ворчит он.

— Он сказал мне, что тебе все равно, что со мной будет, что ты не придешь.

— Я пришел за тобой, — подтверждает он. — Все, о чем я мог думать — это найти тебя.

Я сходил с ума, не зная, как добраться до тебя.

Схватив мочалку, он запускает ее мне между ног и начинает осторожно меня чистить. После того, как он вымыл меня, он держит меня голой, помогая мне забраться в его кровать. Уютно устроившись на его простынях, с его запахом вокруг меня, я хочу улыбнуться, но не могу. Сожаление поглощает ненависть к тьме, которую я принесла к нам, желание стереть ее и вернуться в прошлое, чтобы сделать это снова.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что знала, — бормочет он, обнимая меня. — Я уже не тот, что был.

Но я уже знаю это. Это видно по его глазам. С того момента, как он вышел из своего внедорожника, и я поняла, что он жив, я увидела тьму внутри него.

— Я продолжаю пытаться переварить то, что я сделал с Беннеттом, найти причину, чтобы позволить себе потерять контроль, но я не могу.

Протянув руку к его лицу, я прижимаю ладонь к его щетине, и все, что мне удается выдавить, это задыхающееся:

— Я буду любить тебя, независимо от того, насколько темным ты станешь.

И с этими словами он, наконец, целует меня, прижимаясь своими губами к моим в лихорадке эмоций, которая говорит мне обо всем, что скрыто глубоко внутри него. Его тело, разогретое полосами мускулов, перекачивается на меня сверху. Мы плоть к плоти, прозрачные, голые. Шрамы широко раскрылись, чтобы видеть друг друга.

Его губы двигаются вместе с моими, открывая меня для воссоединения, притязаний и контроля в плотском совокуплении. Он рычит, перекачивая свой язык с моим, когда я запутываюсь руками в его волосах, наслаждаясь его вкусом.

Его член толстый и твердый напротив меня, но в тот момент, когда он трется о мою киску, я вздрагиваю от боли, вскрикивая, когда отшатываюсь от него. Он напрягается надо мной, и я пытаюсь оттолкнуть его от себя, но он не двигается с места.

— Ты в порядке?

— Прости, — выпаливаю я, когда он позволяет мне сесть.

— Все в порядке, — успокаивает он.

— Я просто...

— Тебе не нужно говорить ни слова.

Придвигаясь, он берет мою грудь в рот, посасывает сосок, не сводя с меня глаз, пока я смотрю на него сверху вниз. Он пирует в первобытной нужде, и я не отрицаю его потребности в близости в этом ограниченном качестве. Когда мои ноги согнуты и раздвинуты, он опускается на меня, прижимаясь губами к моей киске.

— Не позволяй мне причинить тебе боль, — говорит он мне, когда я запускаю руки в его волосы, сжимая их в кулак в тот момент, когда его язык погружается в мою сердцевину.

Его прикосновения мягкие, совсем не похожи на его характер, к чему я не привыкла. Проводя языком по моему клитору, а затем прижимая его к себе медленными кругами, посылая холодок по моему позвоночнику. Он осторожно втягивает комок нервов в рот. Его глубокие стоны вибрируют против меня, и я знаю, что он сдерживает себя, поэтому я даю ему разрешение, говоря:

— Все в порядке. Ты не причинишь мне вреда.

Как только я произношу эти слова, он обнажает зубы, погружая их в мою самую нежную плоть, когда я дергаю его за волосы. Я шиплю от приятной боли, которую способен причинить только Деклан, и я удовлетворена, зная, что он доволен тем, что причиняет ее мне. Я опускаюсь на кровать, когда его горячий язык начинает трахать мою киску, входя и выходя из меня в мучительном восторге.

Схватив меня за бедра, он начинает двигать меня своим языком, вверх и вниз, толкать и тянуть, заставляя меня теперь трахать его лицо. Искры вспыхивают, когда я закрываю глаза, и я сдаюсь, прижимаясь к его лицу, и его одобрителное рычание, чтобы эгоистично получить это удовольствие, которое он предлагает, подстегивает меня еще больше.

Бедра дрожат, бедра вздрагивают, сердце колотится, и я этого не заслуживаю.

— Остановись.

Я отталкиваю его и отступаю назад.

— Нет, — рявкает он на меня, притягивая меня обратно, обхватывая губами мой клитор, когда он сжимает свой член и начинает дробить.

— Деклан, пожалуйста, — хнычу я, когда он приближает меня к оргазму, но он игнорирует меня.

Его язык скользит по мне, дразня, посасывая, кусая, облизывая. Он страстен в своих движениях, преследуя только одну цель, и когда он прижимает мои бедра к своему рту, я взрываюсь.

Сокрушительные волны электричества обжигают и искрят нервы и вены, нагревая меня в трепете страсти. Я кончаю греховно сильно, чувствуя, как каждое пульсирующее сокращение моей киски сжимает язык Деклана, когда он стонет от собственного оргазма. Наши покрытые потом тела корчатся вместе, когда внутренние раны открываются в уязвимости. Слезы текут из уголков моих глаз, когда он целует мое избитое тело, мою грудь, шею и мои губы, затем он говорит:

— Попробуй, насколько ты идеальна для меня, — прежде чем погрузить свой язык в мой рот, чтобы я могла попробовать себя на нем.

И мы целуемся.

Мы целуемся так, как никогда еще не целовались два человека.

Мы – горько плачущие дикари, разделяющие одно дыхание жизни, смерти и любви.

Отдавая, беря, нанося синяки и воссоединяя то, что, как я думала, было навсегда разрушено.

И впервые за очень долгое время, когда я устаю и закрываю глаза, я провожу свой сон с Карнеги.

Проснувшись, Деклан сидит в постели рядом со мной, пьет кофе и смотрит мировые новости на плоском экране над камином, который находится в другой стороне спальни. Пока снаружи льет дождь, барабания в окна, я лежу неподвижно, позволяя своему телу медленно просыпаться, пока смотрю последние новости.

Когда я вытягиваюсь, Деклан замечает, что я проснулась, говорит:

— Доброе утро, дорогая, — и раскрывает свои объятия, чтобы я свернулась калачиком.

— Сколько сейчас времени? — спрашиваю я слабым голосом.

— Около часа. Мы проспали весь день.

Снова переключив внимание на телевизор, я слушаю репортаж об американском самолете, который разбился после того, как произошел сбой в шасси. Я таю в объятиях Деклана, наблюдая, как репортер сообщает последние новости, пока пассажиры высаживаются на заднем плане. Он объявляет, что все выжили, и что только несколько человек были ранены и доставлены в больницу. Но именно тогда, когда камера наводится на пассажиров, мое сердце замирает, и я немедленно сажусь.

— В чем дело? — спрашивает Деклан, но я не могу говорить, и затем сюжет заканчивается.

— Ты можешь перемотать это назад?

— Что происходит?

— Просто перемотай назад, — говорю я дрожащим голосом, и мое тело приходит в состояние повышенной готовности.

Деклан перематывает сюжет назад, и как только камера приближается к пассажирам, я говорю ему:

— Остановись.

Мои глаза расширяются в шок, когда мой пульс выходит из—под контроля.

Этого не может быть.

Подползая к краю кровати, обеспокоенный голос Деклана спрашивает меня:

— Элизабет?

О боже мой.

— Он жив.